

10.335 /
1983/2

ISSN 0130-3627

საქართველოს
საბავშვო ლიტერატურა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ 4

1983

10.333
1983/2

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Портрет Ленина. Стихи. Перевод Владимира Юршова	3
НОДАР ДУМБАДЗЕ. Дружка. Рассказ. Перевод Камиллы Коринтэли	5
МУХРАН МАЧАВАРИАНИ. Стихи. Перевод Ал- лы Беридзе	16
ГАСТОН БУАЧИДЗЕ. Страницы жизни Мари Брос- се. Окончание	20

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА — ЗАБОТА ВСЕНАРОДНАЯ

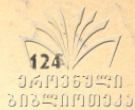
Не останавливаться на полпути. Беседа с Пред- седателем Госкомсельхозпроизводства ГССР, Героем Социалистического Труда Гура- мом Мгеладзе	89
--	----

4

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТЕЙМУРАЗ ДОИАШВИЛИ. Искусство, живущее во времени.	100
ЛЕВ ОЗЕРОВ. Мир поэзии Шота Нишнианидзе	111

1983

РЕЦЕНЗИИ

АЛЛА МАРЧЕНКО. Вначале было чувство...	136
ЛУАРСАБ ЕГОРОВ. Все жанры хороши, кроме скучного	143

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛИО МИРЦХУЛАВА

АЛЕКСАНДРА СМИРНОВА-КОЗЛОВА. Алио Мир- цхулава — «брюсовец»	148
НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВ. Встреча в Москве	157

ЛИЯ СТУРУА. Несколько мгновений парижского настроения	161
--	-----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Георгию Джибладзе — 70 лет	170
ГЕОРГИЙ ДЖИБЛАДЗЕ. Шолохов. Почему я на- писал «Эпос Шолохова»? Вот он — Тихонов! После Тихонова — Симонов	171

КО ДНЮ КОСМОНАВТИКИ

АРЧИЛ БЕТАНЕЛИ. Выгодно ли летать в космос?	185
---	-----

НАУКА

2

ШАЛВА ХИДАШЕЛИ. С древних времен до гу- манизма Руставели	195
--	-----

ИСКУССТВО

ЕВГЕНИЙ ЭПШТЕЙН. Призвание — педагогика	216
---	-----

ХРОНИКА	222
-------------------	-----

И уже не допустят
засилия неправоты.

С колесом их судеб
связан самым надежнейшим шкивом
Руль истории всёй.

И поэтому ветвь новизны
Даст могучий побег,
их грядущее — будет счастливым.
Все народы по праву
достойны прихода весны!

Где-то люди портрет его
прячут сродни амулету —
Возле самого сердца,
от взглядов недобрых тая.
Он — излечит недуг,
он — из темени выведет к свету...
Знай любой, кто унижен:
и вправду, в нем — сила твоя!

...Новый день занимается.
Если случится быть хмурым —
Что-то сделал не так,
оказался повернутым вспять, —
Посмотрю на портрет его,
встречусь с пытливым прищуром —
И надежда и вера
в душе моей крепнут опять!

Перевод Владимира ЮРШОВА

СКАЗОЧНУЮ свадьбу справил Гугуни Джаиани своему сыну, Имедо Джаиани. Уйму скота и птицы забили, закололи и зарезали к тому дню в Зугдиди. Во дворе, зеленеющем шелковистой муравой, раскинули огромный шатер, под которым накрыт был грандиозный стол — в сто двенадцать шагов длиной!

Шел проливной дождь, казалось, небо со всеми своими облаками спустилось под ноги. А гости все прибывали и прибывали непрерывным потоком. К полудню за столом, кроме женщин, сидело шестьсот пьющих мужчин, и когда свадебный тамада, Иродион Шелегия, подняв литровый рог, провозгласил здравицу жениха и невесты, одним разом было выпито шестьсот литров вина.

— Сам светлейший Дадиани не видал такой свадьбы! — сказал консультант свадьбы, пятидесятилетний Рема Чиквани, и провел рукой по орошенным вином белоснежным усам. — Сорэна мечонгуре цирефи? — спросил он по-мегрельски, что означает: «Где

Нодар ДУМБАДЗЕ

ДРУЖКА

●
Рассказ
●

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

девушки-чонгуристски?». И когда девушки-чонгуристски предстали пред его ясны очи, заказал им старинную «Дидоу нана», удобно расположился в кресле и приготовился слушать.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и так уставилось своими пылающими глазами на Зугдиди и на двор Джаиани, будто впервые улицезрело землю.

— Пусть никто не говорит, что бога нет! — воскликнул обрадованный тамада.

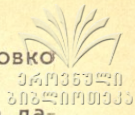
— Сам Дадиа не удостоивался такой свадьбы! — повторил Рема Чиквани.

Ангел, похищенный с похорон Агати Акубардиа, матери Шутуниэ Цикаридзе из Мелекедури, — красавица Татулиа Эркомайшвили была невестой Имедо Джаиани, и от счастья Имедо парил в небесах, тех самых, которые только что изливались на землю.

Но нет, не похищена была Татулиа — по своему желанию пошла она за Имедо Джаиани, да и слыхано ли, чтобы хоть когда-нибудь невесту силком тащили из Гурии в Мегрелию! Но тем не менее вот уже целый месяц семейство Джаиани все не помирится со вспыльчивыми гурийцами. И сказочная свадьба тоже протекала при полном отсутствии гурийцев. О шаферах и говорить не приходится, но даже невестиного дружки — и того не было рядом с Татулией Эркомайшвили. Впрочем, нужен ли был красавице - гурийке дружка, она сияла рядом с женихом, точно утреннее солнце. Безмерно оскорбленная всей своей родней, она, несмотря ни на что, держалась гордо, с достоинством, и ничем не проявляла обиды. Лишь слишком наблюдательный взор мог бы подметить, что легкое облачко печали туманит прекрасный лик.

«Посмотрим, сколько вы без меня выдержите, милейшие мои гурийцы, в конце концов ведь примиритесь с моим замужеством, вот тогда-то я вам и отплачу за мой позор, попомню, что вы меня насмех подняли!» — так думала Татулиа в тот самый миг, когда край шатра откинула чья-то рука и вошел вымокший с головы до ног мужчина саженного роста, со спадавшими на лоб густыми мокрыми кудрями.

— Мир вам! — громко проговорил вошедший и, как это свойственно всем богатырского сложения лю-

дям, добродушно и застенчиво улыбнулся и неловко спрятал за спину огромные ручищи.

— С ума сойти! — вырвалось у невесты, и она даже приподнялась на ноги.

— Кто бы вы ни были, батано, пожалуйста к столу, гость от бога, — приветствовал вошедшего хозяин, — однако, если вы окажете нам милость и сообщите, кто вы такой, нам будет еще отраднее...

— Я, батано, Сатутиа, Сатутиа Шаликашвили, опоздавший дружка невесты, — с той же застенчивой улыбочкой ответил гость, — но я в этом не виноват. Как назло, именно сегодня небо обрушилось на землю, и потому мне пришлось задержаться в дороге.

— Хвала создателю, что хоть один гуриец пожаловал к нашему столу, видно, не все они погнушались нашим обществом, — приветливо улыбаясь, но с явным упреком сказал Гугуни Джаиани.

— Я вас прошу, батано, не браните при мне гурийцев, и я обещаю один выпить все тосты, какие полагается выпить на этой свадьбе им. Этим я, быть может, хоть отчасти заглажу их вину, — попросил Сатутиа Шаликашвили.

— Ты кажешься крепким парнем, батано Сатутиа, но не прихвостнул ли ты малость? — с недоверием оглядывая гостя, сказал хозяин.

— Нет, батано, я за свои слова отвечаю.

— О, дай бог тебе здоровья!

— Штраф ему, штраф, и подать ему этот рог! — распорядился уже слегка захмелевший тамада и послал Сатутии свой литровый рог.

— Одну минутку, я сейчас, батано! — возразил гость и направился к жениху и невесте.

Сперва он подошел к невесте, прижал к своей могучей груди ее красивую головку и поцеловал в лоб. Затем оборотился к жениху. Долго глядел на него.

«Какие же умные, хитрые и добрые глаза у этого окаянного», — подумал он про себя, а вслух проговорил:

— Поздравляю тебя, братец, — пожал ему руку, обнял, но не поцеловал, и затем принял наконец поднесенный ему рог.

— Первым делом выпейте за здоровье молодых, а потом уж догоняйте нас, — наставил его тамада.

— Ваше имя? — поинтересовался Сатутия.

— Наше? — с достоинством переспросил тамада во множественном числе и приложил ладонь к своей груди.

— Да, ваше.

— Ироди, батано, Иродион Шелегия!

— Уважаемый Иродион, дорогие гости, соседи, друзья, недруги и доброжелатели, словом, все сидящие за этим столом! Месяц назад с небосклона Озургети исчезло солнце, и с той поры мы его больше не видели... — проникновенно заговорил Сатутия.

— Да, да, действительно, уж такая скверная погода стоит... — подтвердил тамада.

— Солнце исчезло! Мы ждали, надеялись, что оно вновь появится, но — куда там! Оно и помнить о нас забыло, и не думает о том, что мы так ждем его...

— Ох-ох-о, не может быть, чтобы это не отразилось на урожае! — забеспокоился кто-то.

— Конечно, конечно, вот, например, у нас в Галиткемали недозрело и все плоды пообсыпались с деревьев, — посоветовал сидевший напротив Сатутии мужчина.

— Ай-ай-ай, пропали вы, получается, а? — ужаснулся за жителей Гали его сосед по столу.

— Однако с вашим прибытием погода исправилась, и солнце выглянуло, и потеплело, — утешил Сатутию Гугуни Джаиани и в знак благодарности за погоду потрепал его по плечу, одновременно давая этим понять, что пора бы и к делу приступить.

— Что вы меня-то ласкаете, батано, когда это солнце своей волей, по своему желанию пожаловало к вам, а будь на то моя воля, оно бы сюда и глянуть не глянуло! — произнес в ответ Сатутия, вроде бы и не принимая благодарности.

— Нам не интересно, сколько плодов дает чье-то там ткемали или сколько початков соберут с чье-то кукурузного поля, вы, пожалуйста, поздравьте молодых, — напомнил тамада опоздавшему дружке его обязанности.

— Это солнце сегодня венчается! — будто не слыша его, продолжал свое Шаликашвили. — Венча-

000000000
0000000000

ется с луной, и все мы присутствуем при этом событии... Потом у этого солнца появятся маленькие солнышки, и небо Зугдиди наполнится малютками солнышками и луночками, а потом, когда они уже не смогут уместиться на небе, они спустятся вниз, на землю, и на земле будут умножать свое потомство...

— Как ваша фамилия, уважаемый? — прервал впавшего в экстаз гостя тамада.

— Шаликашвили! — простодушно ответил Сатутиа.

— Ах, а я думал — Коперник! — удивился Ироди Шелегия. Все засмеялись, один Сатутиа не засмеялся.

— Да, я Коперник, — подтвердил он догадку тамады.

— В таком случае я опять же позволю себе напомнить вам, что вы до сих пор не выпили здравицу нашей юной четы!

— А что я говорю все это время? — искренне удивился Сатутиа.

— Все, кроме этого, да еще вы не сказали, что земля круглая и что она вертится! — ответил тамада. Опять все засмеялись, а бедный Сатутиа онемел.

— Выпей, Сатутиа, и садись, — попросила Татулиа своего дружку и друга детства.

— Сию минуту, моя любимая! — с готовностью воскликнул Сатутиа, поднес к губам рог и одним духом, не отрываясь, осушил его до дна.

— Ну, ты, брат, силен! — растрогался тамада.

— Да, я силен, — согласился Сатутиа.

— Силен будешь, когда нас догонишь, — заметил кто-то.

— А что для этого нужно? — живо заинтересовался Сатутиа.

— Дадиановский рог нужен, дадиановский! — выкрикнул директор краеведческого музея города Зугдиди Зелимхан Гвамичава.

— Пожалуйста, батоно, дадиановский так дадиановский, пускай хоть багратионовский, мне безразлично! — улыбнулся Сатутиа.

— Он или очень глуп, или очень хвастлив, или просто очень пьян? — тихо спросил невесту жених.

— Он очень умен, очень скромн и очень трезв,
— покраснев, твердо ответила невеста.

— Он хотя бы видел дадиановский рог? — продолжал выяснять жених.

— Если не видел, сейчас увидит, — с достоинством отвечала невеста.

Жених саркастически улыбнулся.

Тем временем в свадебный шатер вкатили обитую алым бархатом коляску о четырех колесах. Сиятельный дадиановский рог, точно доблестный муж, опоясанный серебряным поясом с кинжалом, возлежал на этой коляске, аки дракон с разверстой пастью, и взирал на изумленное его размерами общество.

— Наполнить рог! — приказал тамада.

Два виночерпия бросились к рогу.

Он поглотил один небольшой кувшин и одну бутылку, в общей сложности четыре литра «оджалеши». Сатутиа припал к его зеву, как заблудившийся в пустыне бедуин. Шестьсот мужчин, сидевших за столом, превратились в один огромный любопытный глаз.

— Ух ты, вот это силища, вправду крепок, черт! — сказал про себя изумленный дадиановский рог, одним духом опустошенный прибывшим на свадьбу дружкой Сатутией Шаликашвили.

Сатутиа, лихо покотив порожний рог по столу, продолжал твердо стоять на ногах.

— Он ваш, молодой человек! — вырвалось у потрясенного Рема Чиквани.

— Кто, батано? — в недоумении спросил Сатутиа и огляделся по сторонам.

— Рог, рог ваш! — пояснил Рема Чиквани.

— Ну что вы! — застыдился опоздавший дружка.

— Слово батони Рема — закон, да и кроме того, на роге написано: «Кто осушит меня, тому я и принадлежу», — подтвердил Гугуни Джаиани и с сожалением покачал головой.

— Ну нет, один рог мне ни к чему, не единорог же я в самом деле, а вот ежели у вас есть и второй такой же, давайте и его впридачу, я и второй выпью, а два таких рога стоит увезти в Гурию, ей-богу! — рассмеялся уже несколько захмелевший и настроившийся шутить Сатутиа.

— Ну что вы, откуда второй, батоно, это единственный и неповторимый, вся история рода Дадияни проходит через него, он оценен экспертами в один миллион рублей! — икая от волнения, проговорил Зелимхан Гвамичава.

— Нет так нет, пусть и этот здесь остается. Все равно моей беде и миллион не поможет. А один рог я ни за что в Гурию не повезу! — заартачился Сатутия.

— Нам ваша милостыня не нужна, слово есть слово! — обиделся хозяин.

— Тогда наполните его еще разок, чтобы я хотя бы выпил два рога, и так и быть, заберу, ладно, — вконец обнаглел окосевший Сатутия.

— Наполнить рог! — велел рассерженный Рема Чиквани.

— Не делай этого, Сатутия! — взмолилась поблудневшая Татулиа.

— Не волнуйся, бесценная моя Татулиа, я не осрамлю тебя! — заверил ее дружка.

Снова подбежали к рогу два виночерпия, снова поглотил рог четыре литра, снова стол превратился в один огромный любопытный глаз, и снова приник к рогу гость....

«Ух ты, вот это силища, крепок, да как крепок, черт!» — хотел было сказать про себя изумленный дадиановский рог, да не смог повернуть вмиг пересохший язык, с разинутой пастью повалился на свою алобархатную коляску и предался крепчайшему сну.

— Твой он, твой, юноша! — со слезами умиления на глазах воскликнул Рема Чиквани. — Вот это настоящий мужчина! — добавил он по-мегрельски, потом распахнул объятия и прижал к груди вспотевшего, улыбавшегося, с помутившимся взором и разумом богатыря, облобызал его и бережно усадил на стул.

— Где девушки-чонгуристки? — по-мегрельски же спросил он.

Подвели к нему чонгуристок.

— Пойдите с ним и пойте ему колыбельную, — велел девушкам-чонгуристкам Рема Чиквани и, невероятно довольный, откинулся на спинку кресла.

Двое достойных мужей проводили пошатывавшего Сатутию Шаликашвили в гостевую опочивальню.

— Простите великодушно, батано Рема, но чье имущество вы дарите этому полоумному голодранцу из Гурии? Или вы изволили забыть, что этот самый рог Гугуни Джаиани одолжил у музея на один-единственный день? — обратился к консультанту свадьбы побелевший как полотно Зелимхан Гвамичава.

— Дурак, разве и Мегрелия, и Гурия — не есть части единой Грузии?! Рог должен принадлежать достойному! Так написал на нем сам великий Дадиа, и так оно и должно быть! — рассердился Рема Чиквани.

— Дадиа-то написал, но министерство культуры записало рог за мной и оценило его в один миллион рублей! — возопил Зелимхан Гвамичава. — То же самое было и в прошлом году, когда Латариа дарил этот рог какому-то безмозглому лечхумцу Карселадзе! Да, Лечхуми тоже часть Грузии, но я не в силах более выносить все это, мое несчастное сердце не выдержит в конце концов и в один прекрасный день разорвется, и делайте тогда что хотите!.. — зарыдал Гвамичава.

— Отстань, недоумок, кто даст дадиановский рог этому обормоту, появится еще кто-нибудь и осушит его. Да в конце концов я сам выпью этот рог, черт возьми! — гордо выпрямился Рема Чиквани и рукой отмахнулся от директора музея.

— Надеюсь на вас... — пролепетал директор музея в глубокой печали, вернулся на свое место и продолжал скульптуру там.

В шесть часов утра Сатутия Шаликашвили уже сидел на тахте и со стыда не решался выйти из комнаты. Он еще не совсем пришел в себя и никак не мог вспомнить, что он такое натворил вчера. Помнил только, что выпил огромное количество вина и держался весьма вызывающе, но что наболтал с пьяных глаз и кому — начисто не помнил.

Сидел Сатутия Шаликашвили на тахте. Держался обеими своими ручищами за голову, полную тумана, и не осмеливался выйти из комнаты.

В семь часов в дверь постучали.

Сатутиа застыл в ожидании.

Вошла Татулиа.

Сатутиа не поднял головы.

— Доброе утро! — приветствовала его Татулиа и подседа к нему.

Сатутиа не издал ни звука.

— Осрамил я тебя, да? — наконец, после долгого молчания, выговорил он.

— Что ты, Сатутиа!

— Опозорил, да?

— Наоборот, ты уважил меня, оказал мне честь, я никогда тебе этого не забуду!

— Ты правду говоришь?

— Конечно, правду! А теперь — пошли к столу, Сатутиа, люди ждут тебя, свадьба тебя ждет, — попросила Татулиа и положила свою изящную ручку на его огромную лохматую голову.

— Поеду я домой, Татулиа, повидал тебя — и поеду обратно.

— Да ну что ты говоришь, Сатутиа!

— Ты думаешь, я кутить сюда приехал, моя Татулиа?

— А зачем же ты приехал? — удивилась Татулиа.

У Сатутии, как вчера от вина, помутилось в голове.

Наступило такое продолжительное молчание, что у Татулии от ожидания чего-то ужасного замерло сердце.

— С первого дня мироздания люблю я тебя, Татулиа, неужели я не сумел дать тебе это понять!.. — заговорил наконец Сатутиа едва слышным, откуда-то издалека идущим голосом.

«Замолчи, Сатутиа!» — хотела было крикнуть Татулиа, но пересохший вдруг язык не повиновался ей и потому она просто прижала к устам Сатутии ту самую свою изящную ручку, которую только что возлагала ему на голову.

Сатутиа бережно убрал эту руку.

— Доколе же мне молчать, Татулиа, уж если ты решила выходить за такого, как этот... этот... сказала

бы раньше и... ведь ты была... ты была икона для всех юношей Озургети...

— А кто мне об этом сказал, кто? — широко раскрыв удивленные глаза, прерывающимся от волнения голосом спросила Татулиа.

— Кто бы посмел тебе это сказать, ты как солнце сияла надо всеми нами, а разве солнце когда-нибудь спрашивало кого-нибудь, взойти ему или нет...

— Ох, несчастный Сатутиа!..

Сатутиа взял ее маленькую теплую руку и приложил к своей щеке.

— Вернись назад, моя отрада, вернись домой, мое солнце и счастье мое, а нет, так жизнь моя не стоит и гроша! Вернись домой, Татулиа!.. — голос у Сатутии задрожал.

— Не говори мне этого, Сатутиа, не говори! Тот человек, что сидит рядом со мной, — мой муж, я его жена, и он мне дороже всего на свете... — и Татулиа снова закрыла ему рот рукой.

— Не о том ли я и плачу?! — воскликнул Сатутиа.

Когда Рема Чиквани распахнул дверь гостевой комнаты, он обомлел от изумления. Богатырь-друга сидел на краешке тахты, прижимая маленький белый кулачок невесты к своей опаленной солнцем щеке, по которой катились слезы величиной с этот кулачок.

— Боже, что видят мои глаза! Чего только я в жизни не навидался, но чтобы такой молодец слезы лил?! Вставай-ка лучше и идем, дадиановский рог и люди ждут тебя!

— Разве я приехал сюда ради рога и пира, батоно Рема? — скорбным голосом спросил Сатутиа и вздел на Рема Чиквани полные слез глаза.

У Рема Чиквани вдруг бешено заколотилось сердце, но он и бровью не повел и сделал вид, что не слышит слов гостя.

— Ну, брат, ты вчера такое устроил, весь народ с ума свел! Дважды кряду сам Дадиани не осушал этого рога! Эх, почему господь бог не создал тебя на сто лет раньше!..

— На сто лет раньше или позже — все равно, господь бог с самого моего рождения отвернулся от меня...

16 0353 40
812-1110333

— Не беспокойся, милый, любовью и вниманием твою Татулию здесь не обойдут, на руках ее будут носить, — Рема Чиквани опять сделал вид, что не слышит его слов.

Невеста молча встала и вышла из комнаты.

— О том я и плачу, Рема батоно, что ее тут не обойдут ни любовью, ни лаской, ни вниманием... — сказал консультанту свадьбы, пятидесятилетнему Рема Чиквани опоздавший дружка невесты, двадцатилетний Сатутиа Шаликашвили. Сказал и поднялся с места.

— Ступай теперь и ты, милый, — проговорил Рема Чиквани. — Возвращайся домой.

— Да, я пойду домой, Рема батоно, и к черту в пекло! — пообещал гость.

— Ступай с миром и будь разумным, — напутствовал его Рема Чиквани.

Гость отворил дверь, вышел на балкон, спустился во двор, вышел на улицу, потом на большую дорогу.

Никто ничего не проведаль. Никто ничего не слышал..

Сказочная свадьба продолжалась.

Шагал по большой дороге Сатутиа Шаликашвили. Пешком, ни с чем возвращался в Гурию.

Речки и девушки
нежности не таят.
Вот глаза у меня.
Вот руки...
Как счастлив я... разве нет!
Вон глаза у тебя.
Вон руки...
Как счастлив ты — знаешь?!
Вон листья щедрей монет.

●

Кто знает... Дерево тайны оберегает,
Платан и поэт лишь могли бы поведать:
Когда женщина улицу перебегает, —
Так, верно, смеется она не на ветер!

Кто знает... Знает еще и облако,
И небом поэту передается:
Когда под дождем вплоть до райского облака,—
Чему эта женщина все же смеется.

●

Из-за земли, когда тут спорят двое,
На цыпочках за речкой колокольня
Приподнимается, чтобы привлечь вниманье...
Но видят те пока — одно задворье.

●

Свою дорогу, голос свой
И собственную цель
Все знают ли... Не думаю.
А собственную мель?
Кто знает, кто не знает — их
Всех знаю, кто смирился!
Знакомые не узнают
С тех пор, как умудрился.

124368

ქ. ბიბლიოთეკის სტ. 623. 664

ВОТ УЖ ДВА ДНЯ

Будто недруг меня победил
И оружие с меня сорвал.
Будто верного друга земле
Я предавши — не отгоревал.
Почему-то два дня уж в таком
Настроенье. Суровеет нить.
Если спросишь причину, —
Да так...
Не сумею ее сочинить.

С ружьем на плече
Я карабкался долго и пылко...
Пёс взбежал в два прыжка, —
у меня он такой.
И взлетела —
вот уж не ожидал! —
перепёлка...

Выругался.

Махнул рукой.
Кончился, вроде, подъем... Сел на камень,
который когда и успел прокалиться.
Сижу. Хорошо бы
здесь поселиться.

Мир полон зелени, нежной, томяще хмельной,
Полон дождями, безудержно льющими,
Полон луной.

И

На что надо — открыть глаза,

И

На что — закрывать глаза,

И

Как надо справляться:

С грозой —

если нашла гроза,

С луною

и солнцем,

С полуднем
и ночью,
Чтоб быть —
Не плотью, не плотью,
А чистой мелодией...
Вечным ключом забить! —
Никто не сможет сказать,
Никто
Не знает — кроме
Единственно ведающей про то
Твоей же крови.

●

В былое время строже и степеннее,
Даря окрестность нищую величием
Зеленых кущ...
Выводит из терпения
Луна уже холодным безразличием.

Перевод Аллы БЕРИДЗЕ

●

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ МАРИ БРОССЕ

НАУЧИВШИСЬ смотреть на достопримечательности родного края глазами беспристрастного ценителя, Дмитрий Мегвинетхуцесишвили просит у Броссе: «Если возможно, пришлите мне дагерротип или какую-нибудь другую легкую машину, чтобы мог я отчетливо и художественно запечатлеть увиденные мною красивые места и здания, при помощи которых Вы убедите некоторых, что и в самом деле не напрасно полюбили Вы Грузию. Оставленную Вами машину я не смог использовать: она слишком тяжела и потому стоит без дела». Так на первых порах возникает перед учеными вопрос об использовании технических новшеств. Предок фотографии, дагерротип широко распространяется в европейских изданиях и находит успешное применение на месте, например — в виде иллюстрированных вкладышей «Кавказского календаря». В будущем поддержка техники окажется особенно весомой для гуманитариев. Понятно и стремление Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетхуцесишвили оснастить грузиноведческие исследования по последнему слову техники.

Напутствуя Дмитрия перед одной из его поездок, Мари Броссе заверяет друга, что «умом и сердцем» он последует за ним. Со своей стороны, Мегвинетхуцесишвили «считает дни» в ожидании писем из Петербурга. В трудах своих начинающий историк надеется на поддержку старшего друга: «Мое повествование о царе Ираклии растет с каждым днем и вселяет в меня надежду, что оно понравится Вам».

Иногда работа и «расторопность» почты приберегают сюрпризы: весной 1849 года Мари Броссе к своему удивлению обнаружил существование в России своего однофамильца, врача. Не менее велико было удивление врача, обнаружившего в своем почтовом ящике отчет об археологическом путешествии по Грузии.

Окончание. Начало см. «Литературную Грузию» №№ 1, 2 и 3 за 1983 год.

Недоумевал, узнав о случившемся, и Мегвинетхуцесишвили, проставивший адрес Мари Броссе. К счастью, недоразумение уладилось и отправление достигло адресата.

По отношению к трудам Димитрия Мегвинетхуцесишвили Мари Броссе не жалеет хвалы и поощрения, но и ни в чем не ослабляет требовательности: «Сначала должен я Вас немного пожуричь, — пишет он по прочтении очередного отчета Димитрия, — потому что проявили Вы скупость при описании мест и дороги. Мне хотелось найти описание того, по какой дороге Вы следовали от одного места к другому, какие реки, деревни, крепости, леса пересекли. Я человек посторонний, и поэтому весьма поучительным оказалось бы для меня обозначение мест. Помимо этого, хорошо и полезно было бы отметить, какими буквами выведена, вылеплена, высечена каждая надпись в отдельности. Красиво ли выведены слова или простым почерком. Подобные свидетельства весьма способствуют рассмотрению древностей».

Замечания Броссе Мегвинетхуцесишвили принимает как сознательный и благодарный ученик: «То, что Вы меня пожурили, я запечатлел как урок в сердце своем на будущее и всегда буду стараться действовать согласно Вашему слову. Весьма рад я тому, что хоть чем-то небольшим сумел угодить Вам».

Когда вышло из печати описание поездки по Горийскому уезду, Мари Броссе не забыл разослать его столь тепло принимавшим его хозяевам. Особый экземпляр предназначался, конечно, Димитрию Мегвинетхуцесишвили.

Особенно ценны для Мари Броссе оставшиеся для него незамеченными и переписанные Димитрием надписи. Академик считает целесообразным командировать Мегвинетхуцесишвили за границу, на оставшиеся в пределах Турции грузинские земли Эрүшети, Кларджети для собирания научных сведений об этих древних провинциях. В ознаменованье сделанного и с целью поощрения грядущих свершений Мари Броссе не жалеет заслуженной похвалы: «Вы славный юноша, любите науку и отчизну и заслужите доброе имя своими разысканиями...»

Предложение Броссе посетить провинцию Сомхити и расположенный на территории Турции Ахалцихский пашалык охотно принимается Димитрием: «Мысль Ваша превосходна, — отвечает он, — я весьма рад и всегда готов отправиться не только в эти места, но с радостью отправлюсь и на Афонскую гору, если Вы меня туда пошлете». Стремясь к практическому осуществлению замысла, Мегвинетхуцесишвили спрашивает Броссе, может ли он

замолвить слово перед своим другом, «дипломатическим чиновником Леллем» с тем, чтобы тот взял его к себе на службу, хотя бы писарем. В свободное от службы время будущий писарь намерен изучить французский и турецкий, которые «весьма нужны» ему. Надеется молодой грузин и на то, что в Тифлисе чаще, чем в Гори, у него будет возможность «читать хорошие книги».

Тем временем Петербургская Академия по инициативе Мари Броссе обратилась к наместнику кавказскому с просьбой отправить Димитрия Мегвинетхуцесишвили в шестимесячную поездку по Грузии с оплатой расходов (последнее обстоятельство немаловажно, если учесть скромные материальные ресурсы командированного). По ходатайству Броссе, Академия оказывает и другие знаки внимания Мегвинетхуцесишвили: присылает ему похвальный лист и издание «Географии» Вахушти.

Ходатайство Академии принято во внимание, и командировка Димитрия Мегвинетхуцесишвили состоится. Труд Вахушти прислан Димитрию не без умысла: с пользой для себя проследовав по дорогам Грузии за ее географом, Мари Броссе и продолжателю дела советует перечитывать соответствующие места классического труда перед поездками.

Отчеты Димитрия Мегвинетхуцесишвили Мари Броссе переводит на французский язык и с любовью прослеживает за их публикацией. Затем он спешит прислать автору двадцать экземпляров его труда. Поскольку отдельные ошибки в таком сложном деле, как переписывание поврежденных временем и в плохо обозримых местах расположенных надписей, почти неизбежны, Броссе настоятельно советует Димитрию вновь и вновь проверять правильность снятых копий. Свою готовность прийти в этом деле на помощь другу Мари Броссе выражает грузинской пословицей: «Пара быков в упряжке пашет лучше одного».

Нелегко труд пахаря, и потому, помня о том, как его самого поддерживали Сен-Мартен и царевич Теймураз, не жалеет слов поощрения молодому другу Мари Броссе: «Бог Вам в помощь, сударь! Несомненно, большую услугу оказываете Вы отечеству своему: и имя свое прославите, и в Боге не потеряется труд Ваш».

Познав на собственном опыте опасности и ловушки кавказской природы, Броссе дает Димитрию проникнутые заботой советы: «Будьте мужественны и благоразумны. Если встретите опасное место, не идите без предосторожности. Лучше безопасно осмотреть десять мест, чем с великим страхом — одно».

Говоря о поэтическом даре Мегвинетхуцесишвили, Броссе имеет в виду и изклонности своего юного друга, и их конкретные проявления. Сочинение в стихах на темы исторического прошлого

Грузии родилось под пером Димитрия, по его собственному признанию, спонтанно, под впечатлением от путешествия: «Написал я его, когда увидел в горах возле Боржоми прекрасный монастырь Кимотесубани в глухом пустынном месте, где не было никого, кроме одной черной птицы, которая приятно пела. Когда я слушал ее пение, мне представились времена царицы Тамар, последнее смертельное разорение Грузии и нынешнее время отдохновения». Доверие начинающего поэта к литературному вкусу Броссе таково, что он убежденно заключает: «Разумеется, Вы это лучше переведете на французский и опубликуете».

Мари Броссе и в самом деле перевел стихотворение Димитрия Мегвинетхусеишвили на французский и поместил его в трудах Академии под заголовком «Три эпохи». Броссе, никогда не возводившему глухой стены между историческим фактом и вымыслом, подсказанным знанием истории, не могло не оказаться созвучным состояние друга, одновременно давшего научное описание древнего монастыря и поделившегося с читателем посетившей его лирической фантазией. Француз не часто пробовал перо в поэтических переводах, а когда делал это, обращаясь к великому Руставели, к Бесики или к другу — Димитрию Мегвинетхусеишвили, — то повиновался внутренней необходимости откликнуться на их строки. У Димитрия стихотворение названо «Воспоминание». Возможно, это — заголовок, предложенный редакцией журнала «Цискари». Переводчик остановился на другом заголовке, о котором упоминает в своем письме сам автор и который четче выделяет внутреннюю структуру лирической пьесы, — «Три эпохи».

Поразившее поэта присутствие черной птицы, похожей на скворца, в пустынном пространстве церковного здания побудило его мысленно совершить путешествие в три времени. Первым долгом он переносится во времена царицы Тамар, и это не требует для Мари Броссе разъяснений: ведь он сам убедился, путешествуя по Грузии, в том, что грузины связывают с именем славной царицы все то достославное, о чем в точности ничего не известно. С волнением поэт представляет себя в толпе, среди тех, кто встречал в этом храме венценосную Тамар. Две другие «эпохи» обозначены в стихотворении менее отчетливо: это, по всей видимости, время, когда деяния Тамар вспоминаются потомками как славное прошлое и, наконец, само время написания стихотворения.

Над этим лирическим стихотворением веет дух таинства и романтики, а посвящено оно «разбудившему грузинскую словесность» Мари Броссе.

В феврале 1850 года Димитрий Мегвинетхуцесишвили ждет в Гори «бумагу для выезда за границу». Из Имеретии он намерен отправиться в июне и, ориентируясь по карте, «перейти границу и постараться полностью осмотреть то, что [Броссе] отметил в инструкции, а также сверх того...»

Среди примечательных людей, встреченных в Грузии Мари Броссе, оказался известный русский поэт Яков Петрович Полонский, с которым он познакомил Димитрия Мегвинетхуцесишвили. И вот в мае 1850 года Димитрий пишет Броссе, что в путешествие по Имеретии вместе с ним отправляется Яков Полонский и что он рад приобретению в его лице «такого хорошего товарища». За год до того вышел сборник стихов Полонского «Сазандар», написанный по грузинским впечатлениям. Так что русский и грузин, наверное, хорошо понимали друг друга, когда неожиданный пейзаж или красноречивые развалины вдруг властно отвлекали их от задач археологии и этнографии и отдавали во власть поэтических видений.

В тот день, когда Димитрий писал письмо Мари Броссе, 11 мая 1850 года, у него дома был Яков Полонский, здесь писавший для печати какую-то статью. Он просил поклониться Мари Броссе и передать ему, что в «Сазандаре» стихотворение «Пастух и археолог» писалось «с думой о нем». В знак уважения к ученому Полонский одновременно послал ему свой сборник.

Броссе тронула оказанная ему литератором честь и позабыло само стихотворение, в котором слово «археолог» читалось с привычным для француза ударением на последнем слоге:

На месте праздника остались только двое:
Один — Пастух из ближнего села,
Другой — Археолог (в отечество чужое
Его любовь к руинам занесла).

Пастух! Ты потерял двух буйволов, несчастный,
Стоишь и думаешь: кто буйволов украл!
Археолог! — ты надпись отыскал;
Стоишь и думаешь: что значит смысл неясный
Письмен, с которых пыль ты тщательно сметал!

И невозможна им взаимная услуга;
Ученый Пастуху не может отвечать,
Пастух ученого не в силах понимать —

Но в этот миг они похожи друг на друга;
Их цель одна теперь: — узнать — и доказать.

Археолог найдет не без укора
Нам имя варвара, разрушившего храм;
А тот когда-нибудь найдет ночного вора
И также уличит его по всем правам.

Полонский не включал «Пастуха и археолога» в свои собрания сочинений: оставшееся в изданном небольшим тиражом в Тифлисе экзотическом «Сазандаре» стихотворение как бы пребывало в тени. В самом деле, неожиданная буколическая фантазия вырастает на зыбкой основе сравнения вора и варвара-разрушителя, пастуха и археолога, после некоего праздника отдающихся своим грустным размышлениям. Конечно, в прозрачной характеристике археолога — «...в отечество чужое его любовь к руинам занесла» — Броссе без труда узнает адресата, но осознает и то, что перед ним — не портрет, а мотив. Мотив оказался ему близок; и знакомым ему пафосом «узнать — доказать», и, в особенности, здоровой простотой аргументации: прячущемуся вору и заклеянной историей варвару противостоит нераздельная нравственность, служи ей не обучавшийся грамоте пастух или ученый археолог. На миг задумавшись, Мари Броссе подтверждает самому себе: да, идея стихотворения ему решительно нравится!

Сближение прошлого с настоящим импонирует петербургскому академику и под пером Полонского, и в строках Мегвинетхуцесишвили. С новой стороны предстает для Мари Броссе деятельность последнего на приеме его у наместника. Князь Воронцов милостиво принял Дмитрия Мегвинетхуцесишвили, расспросил его о результатах его путешествий и сказал ему, в частности:

— Сейчас вы временно должны остаться в Тифлисе и помочь Георгию Эристави в создании грузинского театра. Я вскоре переведу вас к себе, в свою канцелярию.

И вот в марте 1851 года Мегвинетхуцесишвили уже в Тифлисе, «пишет грузинские пьесы и учит представлять их наших новых актеров и актрис». Участвовать в возрождении грузинского театра значило тогда быть в гуще культурной жизни Тифлиса, и Мари Броссе душою рад разносторонней и вдохновенной деятельности своего молодого друга.

После встречи с наместником Дмитрию Мегвинетхуцесишвили предложили принять участие в публикации древних книг и доку-

ментов, в готовившемся издании грузинских газет... В Тифлисе актеры репетируют пьесы Мегвинетхуцесишвили. Продолжаются и путешествия по родному краю, во время которых Димитрий не перестает помнить слова Мари Броссе: «Такова природа путешествия: хотя и правилен затраченный труд, хотя и старается человек, невозможно всегда оставаться в выигрыше». Этой трезвой мудростью и руководствуется он. Вновь и вновь приливает к его сердцу волна признательности: «До самой смерти не забуду, что Вы являетесь предводителем моего счастья и причиной всего того, что со мной случилось хорошего».

Сердце сжимается у Димитрия Мегвинетхуцесишвили, когда он пробегает взглядом писанные 2 июня 1851 года строки, менее упорядоченные, чем обычно, выведенные неуверенной рукой, и когда он узнает причину долгого молчания пишущего их: «...из-за глазной болезни в течение трех месяцев не брал я в руки перо», — сообщает ему Мари Броссе. Но ни переутомление, ни парализующий его деятельность недуг не в силах приглушить страстный интерес ученого к культурным событиям в Грузии. Он радуется новому назначению Димитрия Мегвинетхуцесишвили в Тифлис, его участию в театральной жизни. И к возрождению грузинского театра Броссе относится как к своему кровному делу, поздравляет Димитрия за содействие этому и спрашивает: «...Прошу Вас сообщить мне, кто такой этот Георгий Эриставишвили, создатель грузинского театра, пишущий для него комедии? Не тот ли это Георгий, с которым я познакомился в Гори, брат Кони и Окро? Тогда говорили, что он пишет стихи, является стихотворцем. Если я не ошибся, передайте ему привет от меня с большим уважением».

Предположение Броссе оправдалось: «Зачинатель грузинского театра, — отвечает ему Димитрий, — и издатель грузинского журнала «Цискари», куда по приказу наместника определен и я, именно тот Георгий Эристави, брат Окро, с которым Вы здесь познакомились и вместе путешествовали. Этот Георгий Эристави просит у Вас прощения за то, что до сих пор не написал Вам письма, и низко кланяется Вам».

В дальнейшем Броссе небезынтересно будет узнать, что благодаря переделанному Георгием Эристави «Скупому» Мольер примет существенное участие в становлении репертуара нового грузинского театра.

Обещанное Воронцовым исполнилось не полностью: Мегвинетхуцесишвили пришлось расстаться с Тифлисом, молодым грузинским театром, прессой и вернуться в Гори на службу в су-

де. А главное, ввиду прекращения пособия пришлось отказаться от дальнейших планов путешествий.

Однако намерения начальства менялись. 17 июля князь Воронцов лично соизволил посетить Уплисцихе и взять в составе своей свиты Димитрия Мегвинетхуцесишвили. Вид скального города привел в восторг наместника:

— Нигде в Европе я не видел ничего подобного! — воскликнул князь.

Он выразил удивление по поводу того, что ученые до сих пор не описали столь примечательный памятник, и пожелал слушать об описании, содержащемся в путешествии Дюбуа де Монпере, и повернулся к Димитрию Мегвинетхуцесишвили:

— Вот дело для вас. Доверяю вам описание этих достопримечательных древностей, собирание всевозможных сведений о них и их зарисовку. Представьте мне по исполнению.

Мегвинетхуцесишвили молча склонил голову, а сопровождавший наместника известный писатель граф Владимир Соллогуб наклонился к Димитрию и, выявляя знание работ петербургского академика, сказал:

— Вы теперь обязаны подробно описать все это, как нравится г-ну Броссе. Пусть все будет изложено определенно и по отдельности. Так будет весьма приятно князю, а если возникнет необходимость, то и я охотно помогу вам.

Путешествие продолжили и в следующие дни. Когда осматривали церковь Сиони близ Атэни, Димитрий Мегвинетхуцесишвили сказал его сиятельству, что надписи памятника переписаны и изданы Мари Броссе. Доктор Андриевский ко всеобщему удовольствию зачитал их по книге, предусмотрительно захваченной с собой Мегвинетхуцесишвили.

По окончании путешествия Воронцов простился с сопровождавшими его людьми, поблагодарил хозяев — Эристави — и укатил в коляске.

В письме от 29 августа 1852 года Мари Броссе выражает свою радость по поводу успехов Димитрия на общественном поприще, одобряет сделанное им для науки, но сожалеет о том, что поездка в Ахалцихский пашалык все же не состоялась (из известных нам писем Мегвинетхуцесишвили не видно причины этого; возможно, не было разрешение на выезд за границу): «...говоря по правде, — пишет Броссе, — я сожалею о том, что не состоялось Ваше путешествие к истокам Куры, где Вы, несомненно, нашли бы драгоценнейшие древности и достой-

нейшие свидетельства о грузинском царстве. Вы объездили Имеретию, Одиши, Рачу, побывали в таких местах, где бывал и я и во многих других. Правда, в Кутаиси обнаружили Вы превосходную грамоту Давида Строителя, а в Мартвили увидели очень хорошую надпись на иконе, в Сванетии — замечательную старинную церковь. Однако на юг от Ахалцихе и среди достопримечательностей Армении Вы нашли бы больше и лучше. И все же большой похвалы заслуживают путешествия Ваши, старание, а благодаря уму Вашему многое Вам удалось выявить и оказали Вы науке достойную быть отмеченной услугой».

Чувствуется, что упрек Воронцова насчет отсутствия описания Уплисцихе Мари Броссе принял отчасти на свой счет и поэтому дает пояснения по этому поводу в письме к Мегвинетхуцесишвили. Задетый в самолюбии своем, ученый идет дальше и обобщает в некоем интереснейшем «исповедании веры» свой собственный путь в науке:

«Весьма приятно было мне, что осмотрели Вы в свите князя-наместника Уплисцихе, Атэни и Верийский монастырь. Несомненно, князю понравилось зрелище Уплисцихе, хотя древних надписей, насколько мне известно, там нет вовсе. Кроме того, в истории редко упоминают об этом месте и поэтому описал я его вкратце. У Дюбуа мысль была иная, он искал другого и поэтому подробнее описал Уплисцихе: он был любителем общей истории и археологии, а языков как таковых не знал. К тому же Дюбуа был мастером чертежа и архитектуры, я же не являюсь даже подмастерьем этих искусств. Добротное и прекрасное здание вызывает во мне удивление, восхищаюсь я множеством монастырей и храмов в Грузии, но, увы, что мне делать с прекрасным храмом без надписей? Пишу я не всеобщую историю, но собственно историю Грузии. Древние же грузинские летописи темны, никто из европейцев не доверился сказанному грузинскими историками до тех пор, пока, собрав доказательства, я не показал, что они достойны доверия. Доказательства же свои я собрал в разысканиях своих то здесь, то там, в храмах и крепостях, на стенах различных зданий, в грамотах и разбросанных повсюду надписях. Таков мой предмет. О том, как осуществился мой поиск, судить не мне: о том знают другие».

Полные достоинства и веры в свою правоту, хотя и с примесью горечи слова. Терпеливый труд пчелы. Но ведь и в соках цветов, наверное, бывает немного горечи, исчезающей в меде? Поле наблюдений, захват явлений жизни прошлого и настоящего широки у Мари Броссе, но в шестви своем он никогда не позволяет себе выйти за пределы строгой аргументации и тщательного

профессионального отсева фактов. Не вчера и не сегодня пришел он к этому: в нем по-прежнему говорит трезвый выбор, сделанный горячей головой двадцатилетнего новоиспеченного парижского ориенталиста. Да, он знает: извлекаемые им картины окажутся не очень броскими и на них реже будет задерживаться тоскующий взгляд искателей резких контрастов и экзотики. Что с того? За подобранными им спокойными тонами — сама долговечная жизнь.

Но в то же время, сегодня как и вчера, чуждо Мари Броссе мелочное поползновение ограничить труды других только тем, что делаешь сам: «Вам ведомо черчение, — пишет он Димитрию Мегвинетхуцесишвили, — и, к тому же, Вы любите отчизну. Постарайтесь выполнить приказ князя-наместника. Нужно перенести на чертеж с соблюдением масштаба все то, что имеется достопримечательного в Уплисцихе: два храма, из коих один выдолблен в скале, а другой возведен на камне; залы, дома, лавки, канавы, мельницы... Зарисуйте все остатки древнего искусства. Если где-либо обнаружите надписи, перепишите их и составьте пояснения к ним по-русски. Я же всегда готов помочь Вам книгой и словом».

Исподволь приобретаемая уверенность в фактах вовсе не порождает самоуверенности и категоричности в утверждениях. Напротив, сам кропотливый поиск учит открытости и готовности принять новое и, может быть, даже противоположное. Во время своего путешествия по Грузии Мари Броссе тщательно осмотрел Уплисцихе и надписей там не нашел. Но он не исключает того, что Димитрию Мегвинетхуцесишвили повезет больше, и от души желает ему удачи.

Дело — вдохновенное дело — управляет письмами Мари Броссе и передается большей частью тем письмам, которые пишут ему. Поэтому когда Мегвинетхуцесишвили, волею обстоятельств, отошел от дел, то и переписка обоих людей стала более редкой, хотя не ослабевала их глубокая привязанность друг к другу.

Прошло без малого четыре года и Димитрий Мегвинетхуцесишвили 5 июля 1856 года вновь отправил в Петербург немного грустное, но как всегда проникнутое большим теплом к адресату письмо: «Как Вы знаете, Его Светлость князь Воронцов доверил мне собрать сведения и предания об Уплисцихе... Я в меру сил своих и возможностей поработал так, что когда представил зарисовки пещерных помещений Уплисцихе, снабдив рисунки поясне-

ниями в той мере, в какой разум может постичь спрятанное за долгим временем древности, князь-наместник остался весьма доволен, похвалил меня и велел продолжить работу, и впредь оказывать мне в этом деле помощь. Однако затем, в связи с переменой времен, князь Воронцов уехал в Россию, ни от кого мне больше не было поддержки, и я отошел от всего. Вновь начал я службу в Гори, так как неподалеку отсюда есть у меня небольшое имение и несколько душ крестьян. И если спросите Вы сейчас обо мне, то сердце у меня лежит к делам домашним».

Рекомендует Дмитрий Мегвинетхуцесишвили вниманию и попечению Мари Броссе своего племянника Захария Мамацашвили, которого Броссе видел в Тифлисе гимназистом. Сейчас Захарий поступил учиться в Петербургский университет. Броссе окружает молодого человека заботой и сожалеет, когда, не выдержав северного климата, юноша вынужден прервать учебу и вернуться на родину: втайне Броссе надеялся, что его сын Лоран и Захарий подружатся. Привязанность к Грузии французу хотелось передать и своим детям.

Усиленные научные занятия, непомерно интенсивный ритм их стоили Мари Броссе здоровья. 1851 год оказался для него годом вынужденно уменьшенной нагрузки: болели глаза. «Немного отвык я от грузинского языка, — замечает он в постскриптуме к одному из писем, — потому что нынче уменьшилось число проживающих здесь грузин и из-за болезни не часто хожу я в гости».

Продолжается нить духовной преемственности. 13 декабря 1856 года Дмитрий Мегвинетхуцесишвили рекомендует Броссе своего друга и достойного продолжателя их общего дела: «Вместо описания Уплисцихе, — пишет Дмитрий, — прошу Вас принять описание, составленное одним хорошим молодым человеком, который относится к Вам с большим благоговением и желает сблизиться с Вами. Это — титулярный советник Дмитрий Бакрадзе, который закончил курс в московской духовной академии и сейчас здесь, в Гори, исполняет обязанности смотрителя уездного училища. Он написал, руководствуясь составленным Вами описанием Вашего путешествия у нас и текстом «Картлис цховреба», «Древнюю Месхетию и Лазику», напечатанную в «Кавказе». Он очень трудолюбив и стремится к выявлению грузинских древностей. Сам он не осмелился обратиться к Вам с письмом и, будучи моим близким другом, попросил меня преподнести Вам его труд. По получении его, смиреннейшим образом прошу Вас удостоить нас Вашего письма. Друг мой послал свою работу, по-

священную Вам, для напечатания в журнал «Цискари», который начинает выходить с января месяца будущего года.

С благословения Мегвинетхуцесишвили дружеские и деловые взаимоотношения будущего крупного историка Димитрия Бакрадзе и Мари Броссе отметят собою плодотворную страницу крепнущей грузинской историографии.

Благосклонно и с прозорливой оценкой откликнулся Броссе на первый же представленный на его суд труд молодого грузинского коллеги: «Прочитал я... статью Димитрия Бакрадзе «Источники истории Грузии», которая весьма понравилась мне. Видно, что это — хорошо воспитанный человек, знающий иностранные языки, прочитавший сочиненные мною по-французски книги. С ним я могу побеседовать о древностях Грузии и если он будет стараться таким образом в течение нескольких лет, то совершит много хорошего. Вот мой ответ ему: советую ему читать гуджары, собирать их и изучать. Кроме того, хорошо было бы, если бы, по Вашему примеру, и он поездил по Грузии и постарался осмотреть храмы и монастыри и собрать надписи на них. Тем самым он приобретет знание всей Грузии и обогатит вновь издаваемую газету».

Мари Броссе имеет в виду, возможно, газету «Дрсэба», на родном языке знакомящую грузин с прошлым и настоящим их родины. Как и все значительные или малые начинания грузинской культуры, как и возрождение грузинского театра, Броссе всем сердцем приветствует возмужание грузинского печатного слова.

Не забывает Мари Броссе добрым словом поддержать и самого Димитрия Мегвинетхуцесишвили, преждевременно отстранившегося от активных изысканий: «...надеюсь, не предадите Вы забвению любовь к разысканию грузинских древностей и тем самым окажете поддержку не только желаниям и трудам моим, но, в большей степени, будете способствовать величию и славе Вашей отчизны».

Проходит еще четыре года и, при благожелательной поддержке со стороны Броссе, интерес к отечественным древностям, действительно, не гаснет в душе Мегвинетхуцесишвили. Он представляет на суд петербургского академика свою работу «Календарь вечных лет, или старинные обычаи», исследует текст «Картлис цховреба», описывает различные археологические находки.

И в последнем из дошедших до нас его писем, помеченном 2 апреля 1874 года, Димитрий Мегвинетхуцесишвили говорит о

том, что в течение прошлых лет он работал над осуществлением задания Мари Броссе по освещению определенного периода истории Грузии. Работа его готова и даже дозволена цензурой, но автор все же не хотел бы ее отдавать в печать, не заручившись предварительно одобрением Броссе. Слово последнего — закон для Мегвинетхуцесишвили, который признается, что, исполняя желание Мари Броссе и Академии и отправившись в очередное путешествие, он даже вошел в долги. Неприязтелен и элегичен заключительный аккорд писем Дмитрия Мегвинетхуцесишвили к Броссе, охватывающих, в общей сложности, около двадцати шести лет: «...остался я вне штата, живу в деревне не праздну и не желаю больше никакой службы помимо вольной жизни в моем доме, близ Гори».

Последние годы жизни Дмитрия Мегвинетхуцесишвили освещены для Мари Броссе в письмах рекомендованного его вниманию Дмитрия Бакрадзе. Из близкого друга последний стал родственником своего рекомендателя. 22 апреля 1872 года Бакрадзе пишет Мари Броссе: «Я женат на Мамацашвили, племяннице Дмитрия Мегвинетхуцесишвили, которого Вы хорошо знаете и который немного состарился у нас».

Читать эти слова Мари Броссе и больно, и немного обидно: ведь Дмитрию Мегвинетхуцесишвили — всего 56 лет, а ему самому — все семьдесят... Упряма и память, сохранившая облик молодого и энергичного спутника. Но Броссе не сердится: теперь молод Дмитрий Бакрадзе, а молодости свойственно пренебрегать психологическими тонкостями, навязываемыми годами.

Весной 1874 года, почти одновременно с последним письмом Дмитрия Мегвинетхуцесишвили, Мари Броссе получил и письмо Бакрадзе, написанное по-русски: «Дмитрий Константинович Мегвинетхуцесов постоянно живет в Гори. Он приезжал в Тифлис показать мне свой труд, имеющийся ныне у Вас на руках. В последнее время он сделался несколько больным и потому я не решился высказать ему свое мнение о его произведении. За одно легкое замечание он рассердился и потому не хотел даже сказать, что он писал Вам. Он всегда с благоговением вспоминает Вас и потому Ваше ласковое письмо его сильно обрадует и оживит».

В ответ на просьбу Бакрадзе Мари Броссе пришлет свою фотографию («карточку», как тогда говорили) и ему, и Дмитрию Мегвинетхуцесишвили.

Лишь много позже, читая в письме Бакрадзе от 16 декабря 1873 года неумолимые строки, узнает Мари Броссе о том, какой радостью и реликвией оказалась эта фотография для Дмитрия

Мегвинетхуцесишвили и какое место он сам занимал в его преданном сердце. Бакрадзе пишет: «...я недели две должен был ухаживать вместе с женою за Вашим старым другом Димитрием Мегвинетхуцесовым, которого 9-го числа похоронили в сел[ении] Хидиставах на 62 году жизни. Он сильно болел в последнее время и, умирая, просил меня заявить Вам, что он уносит в гроб чувства беспредельной своей преданности к Вам. На письменном столе его стояли рядом и будут стоять постоянно... две карточки в рамках — Руставели и Ваша. Я знаю, Вас тронет его смерть, но я считал своим долгом сообщить Вам его предсмертные слова».

III

О ГРУЗИИ ПИСАТЬ ГРУЗИНУ

С ТЕХ пор как Мегвинетхуцесишвили в своем письме в конце 1856 года представил Димитрия Бакрадзе Мари Броссе, между ними завязалась деловая переписка. На присланную ему работу Бакрадзе «Об источниках истории Грузии» Броссе, по своему обыкновению, ответил незамедлительно, 18 января 1857 года: «...статья Ваша мне очень понравилась не столько потому, что Вы чрезмерно хвалите мой труд и мои разыскания по части истории и древностей Грузии. Я не такой любитель похвалы, чтобы присвоить себе столь высокие достоинства, какие Вы усматриваете в написанных мною книгах и статьях.

Статья Ваша более понравилась мне тем, что и прежде будучи знаком с Вашими работами по разным вопросам, напечатанными в «Кавказе», я с радостью узнал о том, что появился в Грузии грузин, любитель просвещения, желающий исследовать и выявить древние обычаи и нравы своего народа. И поэтому от Вас жду я помощи: видно, что Вы хорошо подготовлены, а грузинский язык Вы, разумеется, знаете. Учили Вы, несомненно, латинский и, наверное, читаете по-французски. При помощи этих языков Вы сможете познакомиться и с упоминаниями Грузии в иностранных источниках. Не жалеете сил: терпеливыми разысканиями Вы добьетесь многого и достигнете желанного знания предмета....»

Передача знаний и расширение поля исследования составляли постоянную заботу Мари Броссе.

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

Появление Дмитрия Бакрадзе, историка-профессионала, во-
сруженного современными методами поиска и со знанием де-
ла продолжающего его собственные кропотливые ^{разыскания,} ~~разыскания,~~
знаменует в глазах Броссе качественно новую ступень ^{в развитии} ~~в развитии~~
тапи грузинской историографии. Как и в прошлом, на данном
этапе историей Грузии, естественно, должны в первую очередь
заниматься грузины. Конечно, в определенном смысле грузин-
ская историография непрерывна от историка царицы Тамар до
царевича Теймураза. Однако усилия Мари Броссе направлены на
то, чтобы заложить основы нового подхода к свидетельствам хро-
ник. Броссе подошел к грузинской историографии с существовав-
шими тогда международными требованиями и мерками. Свои
утверждения он постарался поставить на основу строго крити-
ческого освоения текста. Речь шла о внутренней реорганизации
поиска, прежними методами нельзя было успешно продвигать-
ся вперед. В этом моменте существенным и определяющим ока-
зался вклад Броссе, выведшего грузинский исторический фено-
мен на международную арену, включившего бытие Грузии в кон-
текст всемирной истории. Организующим и связующим звеном
между «Картлис цховреба» и новой грузинской историографией
выступил Мари Броссе. А рождение последней он приветствовал
в лице Платона Иоселиани, Сулхана Бараташвили и Дмитрия
Бакрадзе. Появление Бакрадзе, как свидетельствуют письма и
высказывания, словно бы замкнуло круг, придало завершенность
делу жизни Мари Броссе: отныне взгляд его отчетливо разли-
чал все более расширяющийся и утверждающийся спектр раз-
вития грузинской историографии. Ученый мог быть уверен: с его
благословения дитя будет расти и мужать.

Мари Броссе охотно подчеркивает естественные, самую при-
родой дарованные Дмитрию Бакрадзе преимущества перед
ним: «Вы, милостивый государь, живете в Грузии, хорошо знаете
язык, являетесь соотечественником грузин. Дело Вам будет да-
ваться легче, чем мне».

В этих словах, кажется, слышится неосознанное удивление по
поводу того, что вообще может существовать на свете человек,
больше него, Мари Броссе, любящий Грузию и ближе него ее
чувствующий. Но не ревность испытывает он при этом, а призн-
тельность и благодарит этого человека за любовь к Грузии,
как благодарят за внимание, проявленное кем-то к вашему ре-
бенку: «...благодарю Вас, сударь, за то, что Вы любите Грузию
и являетесь исследователем ее истории и словесности...» То, что
было бы чудачеством в высказывании другого и вызвало бы не-

доуменное пожимание плеч, в устах Броссе — бесхитрое, наболевшее признание.

Мари Броссе может беспристрастно сравнить сделанное и предстоящее: «Истинно признаю, что по сравнению с тем, что мною сделано, любителям Грузии осталось сделать в десять раз больше».

В письмах Димитрия Бакрадзе к Броссе разворачивается красноречивый диалог преемственности. Посылая 22 апреля 1872 года с Адольфом Берже — тифлисским соотечественником французского ученого — свою работу по археологии Грузии, Димитрий Бакрадзе делится с Броссе своими соображениями, столь понятными для адресата: «Археологическое изучение нашего края, как Вы увидите из моей статьи, дело весьма нужное. Так что если мы оставим этот предмет без внимания еще в течение нескольких лет, то очень пожалеем об этом».

Слова Бакрадзе снижены ощущением неотложной необходимости решения определенных научных задач. С особой остротой происходит для него осознание необходимости профессионализации. Об этом пишет он Мари Броссе, беря одновременно перед ним обязательства как перед высшим научным и моральным авторитетом: «Со своей стороны я с большим удовольствием примусь за дело. Даю Вам слово, что не пожалею усилий на этот предмет. Однако Вам прекрасно известно, что в таком деле перед человеком не должно стоять никаких препятствий. До сих пор я состоял на службе, но поскольку я видел, что служба полезна лишь тем лицам, которые пользуются поддержкой или имеют покровительство, а не для такого человека как я... месяца три тому назад я подал в отставку, занимаюсь адвокатурой и тем содержу семью и себя».

Димитрий Бакрадзе мечтает как-нибудь материально обеспечить жену и детей и иметь возможность большую часть времени отдавать исследовательской работе. Он просит помощи Броссе, чтобы его зачислили в «Главное управление с соответствующим окладом». Дилемма молодой грузинской интеллигенции — казенная служба или служение родной культуре — хорошо знакома Мари Броссе еще по письмам покойного Захария Палавандишвили. Не чужда она и молодости самого Броссе.

Помочь Димитрию Бакрадзе тем более важно, что свои археологические путешествия он хочет начать с грузинских земель, оставшихся в пределах Турции. На их посещении, изучении и описании настаивал Мари Броссе в своих письмах к Мегвинет-

хуцесишвили, но тому не удалось осуществить эту поездку. Хорошо, что Бакрадзе осознает настоятельную необходимость восполнить этот пробел. Симптоматично и другое. Вопрос изучения грузинских памятников в Турции, жизни и быта оставшегося там грузинского населения станет одним из существенных вопросов грузинской историографии, и шире — потребностью грузинского общественного сознания. Без изучения Тао-Кларджети невозможно воссоздать общую картину истории Грузии. Одним из первых ставит этот вопрос Мари Броссе.

Особенно красноречивы строки, написанные Димитрием Бакрадзе по получении фотографии от Мари Броссе 10 августа 1874 года: «С душевным удовольствием я принял Вашу карточку: карточка эта будет напоминать мне и моим детям, говорю искренно, человека, которому мы, грузины, обязаны тем, что старые наши письменные памятники не погибли, а сделались достоянием ученого мира. Прибавлю, что если я пристрастился к грузинской истории, то причиною тому были единственно Ваши труды».

Димитрий Бакрадзе, как и было условлено, присылает Мари Броссе свои работы: «отчеты», описание путешествий... Сообщает с своем сотрудничестве с Адольфом Берже в подготовке и печатании «Актов Археографической Комиссии», где он «занял место покойного Берзенова», т. е. историка и этнографа Николоза Бердзенишвили.

В сентябре 1875 года Бакрадзе познакомился с гостившим в Тифлисе близким сотрудником Броссе, профессором Петербургского университета Давидом Чубинашвили, который говорил о готовившемся к печати «своем новом обширном грузинском словаре». В другом письме Димитрий Бакрадзе добавляет: «Г-на Чубинова я здесь только раз видел. Несколько раз я заходил к нему, но ни разу не мог застать и очень сожалею, что не сошелся с ним близко. Я Петербурга, по странному случаю, ни разу не видел и думаю посетить его летом, если служебные дела, приковывающие меня к Тифлису, позволят отлучку из него».

Из письма Бакрадзе от 31 ноября 1875 года Мари Броссе узнает печальную новость: «У нас беспрестанно льют дожди, хотя зимы еще не видим. Не знаю, известно Вам или нет о смерти П. И. Иоселиани. Мы похоронили его недели полторы тому назад. Я думаю ознакомиться с его библиотекою: говорят, он оставил интересные манускрипты». Так один за другим уходят из жизни друзья, сотрудники, корреспонденты. Иные из них были моложе Мари Броссе.

Ученому приятно видеть, что его ожидания оправдываются и что Димитрий Бакрадзе внимательно следит за тем, что пишется о Грузии за границей и, в частности, на родине Броссе. Так 30 октября 1876 года грузинский историк сообщает о приобретении им вышедшего в том же году исследования египтолога Гастона Масперо «Древняя история народов Востока». Указывая на то, что для автора «происхождение грузин от туранцев считается как бы вопросом порешенным», Бакрадзе сожалеет о том, «как легко и самые лучшие писатели Европы дают промах, когда они отступают от строго научных приемов».

Конечно, Мари Броссе согласен со своим молодым грузинским коллегой и считает, что в Европе все еще недостаточно серьезно относятся к Грузии.

Из письма Бакрадзе от 18 января 1877 года Мари Броссе узнает совсем свежую новость: «С 15 января стала выходить ежедневно газета «Кавказ» под редакцией г. Воронова. Она обещает быть серьезною и потому я принял в ней участие. В первых номерах ее Вы прочтете начало моей довольно большой статьи «Турецкая Грузия», написанной по поводу брошюры Казбека «Три месяца в Турецкой Грузии».

Упоминает в своих письмах Димитрий Бакрадзе и о крупнейшей личности в культурной и общественной жизни Грузии — об Илье Чавчавадзе. Но заочная встреча с его творчеством составит особую главу в жизни Мари Броссе.

В письме Бакрадзе от 20 апреля 1878 года речь идет о желании грузинского историка посвятить Мари Броссе одну из своих книг, которая здесь не названа: «Если такого рода формальности существуют в Академии Наук, что требуются хлопоты и просьбы относительно посвящения книги кому бы то ни было, то, по моему мнению, лучше оставить книгу в покое. Признаться, я против таких формальностей. Посвятить свою книгу никому кроме Вас не желал и не желаю. Льстить я не привык; посвящая же Вам свое произведение, я Вам не льстил, а отдавал Вам посильную дань признательности за труды Ваши в пользу нас, грузин, которые, признаться, мало их ценят. Я желал им просто сказать: нашелся иностранец, который вот уже полстолетия работает за нас, по крайней мере будем ему благодарны».

В последнем из дошедших до нас писем Димитрия Бакрадзе, помеченном 3 марта 1879 года, речь идет о его фотографии, с пятилетним опозданием отснятой и высланной им в Петербург.

Вскоре Мари Броссе предстояло навсегда покинуть Россию. Но среди утешавших его мыслей была и мысль о том, что начатое им дело будет продолжаться.

IV

«КАРТЛИС ЦХОВРЕБА»

К ГЛАВНОМУ делу своей жизни — соединению в одно целое, изданию и переводу на французский язык грузинских исторических хроник—Мари Броссе готовился тщательно. Путешествие по Грузии позволило ему собственными глазами увидеть места исторических событий, познакомиться с новыми документами. По возвращении в Петербург он располагал тремя рукописями «Картлис цховреба» («Истории Грузии»): экземпляром Музея Румянцева, царевича Теймураза и версией, присланной ему из Грузии Николозом Палавандишвили. Последнюю Броссе часто обозначал словами «моя рукопись».

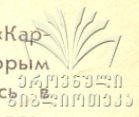
В течение десяти лет изучал историк эти тексты, а опубликовал свои наблюдения лишь в 1847 году. То было прочтение внимательное и плодотворное.

В то время считали, что текст хроник восходит лишь к XVIII столетию и что принадлежит он перу Вахтанга VI и его друзей. Даже царевич Теймураз разделял это заблуждение.

Мари Броссе явился первым, кто оспорил эту точку зрения, утверждая, что «Картлис цховреба» в качестве сборника хроник существовала намного раньше XVIII века. Древние, но частичные армянские переводы «Картлис цховреба» позволили ученому отодвинуть датировку грузинских хроник на несколько столетий. Но главные свои аргументы он добыл путем глубокого филологического анализа самих текстов.

Нужно было критически рассмотреть данные грузинских хроник, сравнить их со сведениями других источников, выяснить их подлинную ценность. Следовало определить, являлась ли «Картлис цховреба» одним историческим сочинением или сборником различных хроник. При таком положении дел трудно было избежать ошибок. И все же Мари Броссе верно наметил путь, по которому предстояло пойти исследователям.

В 1849—1858 годах ученый осуществил издание в семи томах «Истории Грузии». Помимо собственно текста «Картлис цховреба», в него вошли также другие грузинские исторические сочинения.

Не последовав ни за одной из известных тогда версий «Картлис цховреба», издатель сплавил их в единый текст, за которым позже закрепилось название «Списка Броссе». Не обошлось у него без повторов и противоречий. Ошибочным оказалось принятое тогда в науке деление истории Грузии на два хронологических периода: до и после 1469 года, когда якобы произошел раздел единого грузинского царства на отдельные царства и княжества. К тексту своего издания Мари Броссе приложил содержательные «Добавления и разъяснения».

Публикация, перевод и комментирование «Истории Грузии» требовали научного упорства, сил и здоровья. Но последнее оказалось подточенным постоянным напряженным трудом. Третий том «Истории» предваряет озабоченное «Уведомление», датированное 1 сентября 1851 года, в котором Броссе жалуется на «упорную офтальмию», помешавшую ему перечитать гранки текста, но все же надеется продолжить публикацию «Современной истории».

Незаирая ни на что, Мари Броссе стремится к цели. Он сдержит данное читателям обещание и выпустит в свет оставшиеся четыре тома, снабдив заключительный из них «Введением» и «Указателем материалов».

Для того чтобы пополнить «Историю Грузии», вслед за грузинскими хрониками Броссе помещает в собственном переводе на французский ряд материалов из иноязычных источников, главным образом — армянских.

Критически проверяя свидетельства, относящиеся к истории Грузии, исследователь оттачивает и свой рабочий метод. Его старший современник, Стендаль, считал, что общие рассуждения дают мало для познания и что истина — в подробностях. Сожалея о том, что во времена царицы Тамар грузинские летописцы писали мало и общо, Мари Броссе тоже находит, что «мелкие подробности... являются подлинным критерием истории».

Комментарии и разъяснения Броссе показывают нам историка за работой. Порой даже уточнение одного слова требует внимательного изучения, сравнения и критической оценки различных текстов. Особую ответственность чувствовал ученый, естественно, уточняя все то, что касалось царицы Тамар и, в частности, ее мужа Юрия Боголюбского. Имя дяди Юрия Боголюбского, Всеволода, записано грузинским летописцем в искаженном виде, «Савалт». Вчитавшись в текст, Мари Броссе улавливает и в этом отклонении вполне объяснимую закономер-

---

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

ность: «Те, кто привычен к русскому языку, знают, что начальное «В» в имени Всеволод мало чувствительно для иностранного слуха; что поскольку ударение приходится на первый слог, остальные почти поглощаются быстротой произношения: что первое «о» приобретает светлое звучание, приближающееся к «а»; что второе «о» почти исчезает; наконец, что конечное «д» оглушается; отсюда следует, что иностранец слышит лишь «Севалт»; итак, имя это довольно точно передано в грузинской транскрипции «Савалт».

Достаточно было одному историку ослабить внимание к такой малости, чтобы мужское имя Всеволод представилось ему названием города Савалт. Остальные поверили ему на слово, и цепочка заблуждений потянулась от одного к другому, спутав карты и такого авторитета, как Карамзин, и самих грузинских авторов. Бдительность Мари Броссе помогла распутать клубок и все поставить на место. А сколько таких «клубков» прошло через его руки?

Как и в других начинаниях, во время работы над «Картлис цховреба» Мари Броссе ощущает поддержку и помощь своих грузинских друзей. Текст одного из интереснейших документов грузинской истории, письма будущего царя Ираклия II (тогда еще царевича), высланного из Индии сестре Анне, был сообщен Броссе Димитрием Мегвинетхуцесишвили, который в 1851 году опубликовал его русский перевод в газете «Кавказ». В письме царевич рассказывает о своем пребывании в Индии во время кампании Надир-шаха.

Установленные Мари Броссе генеалогические таблицы грузинских царей и правящих князей надолго сохранят свое научное значение.

Собранные им в «Приложениях» к «Картлис цховреба» материалы, оригинальные комментарии и толкования составили своеобразную историческую энциклопедию, приводившую в систему существовавшие в то время знания в этой области. Значительное количество документов, разысканных ученым, породило у него желание самому написать непрерывную историю изучаемой им страны. В последние годы жизни Мари Броссе приступил к осуществлению этого замысла, но из задуманных трех частей труда ему удалось довести до конца лишь две первые. Написанная по-русски рукопись осталась неизданной при жизни автора. После смерти Мари Броссе, с согласия его сына Лорана, рукопись была переведена на грузинский Симоном Гогоберидзе и опубликована Николозом Гогоберидзе в Тифлисе в 1895 и 1900 годах.

35940
302.62.0110333

В 47 лет начал Мари Броссе издание «Картлис цховреба», а завершил его в 56. Но это — всего лишь «вершина айсберга». Ученому пришлось вести одновременно труд по расчистке, по критическому рассмотрению источников, по их классификации и синтезу. Время не терпело, и одной жизни было слишком мало для столь большого начинания. Поэтому Броссе остановился на постепенном осуществлении замысла, решив добавлять в публикацию те новые материалы, которые он по ходу работы мог еще обнаружить. Издание явилось одновременно и строительной площадкой, и постройкой. Вот почему любопытным образом в третьем томе, то есть посередине издания, появились «Дополнения и разъяснения», а в седьмом, заключительном томе — «Введение» и «Оглавление». Естественно поэтому, что, завершив издание, Мари Броссе испытал желание переписать наново историю Грузии, придав повествованию ту степень логической убедительности, которая была достижима при тогдашнем состоянии исследований.

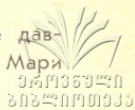
Сочинения Мари Броссе освещают и различные особенности его личности. Особенно много таких штрихов в заключительном томе «Истории Грузии». С первых же страниц «Введения» автор поверяет читателю «двойную цель», которую он перед собой ставил: «...во-первых — пустить в обращение малоизвестные тексты, содержащие богатые материалы для истории Азии, как всеобщей, так и частичной; во-вторых, составить при помощи этих материалов непрерывную, положительную историю грузинской нации, настолько полную, насколько возможно, и подвергнутую критике всеми средствами, находящимися в моем распоряжении». По своему обыкновению, Броссе не только не пытается приукрасить свой труд, но сам же первый указывает на его недостатки: «Мне не хватило сил и времени для восполнения мифологической истории и для собирания классических материалов: изучение языка и литературы страны заставило меня прервать этот род разысканий...»

Как и на дорогах Грузии, в дебрях ее истории ариадновой нитью для Мари Броссе служит сочинение Вахушти Багратиони.

Отдавая должное каждому из своих предшественников, Мари Броссе, естественно, чувствует себя продолжателем и, можно добавить, «исправителем» европейской науки в деле изучения Грузии: «...ученые Европы попытались поднести факел критики ко все еще темному материалу, но, по стечению обстоятельств, материал этот остается почти полностью новым даже после них.

Грузия может свободно дышать», кажется, что это событие давно минувших лет исторгает вздох облегчения у самого Мари Броссе.

Хотелось бы Броссе наглядно представить себе и встречу франкских рыцарей во время крестовых походов, в Иерусалиме, с грузинами, «относительно которых Санют и Жак де Витри говорят почти одинаково, выражая восторг по поводу их набожности и храбрости». От своего имени Броссе добавляет: «Эти выражения не представляются преувеличенными тем, кто внимательно читает рассказ о победах Давида, Димитрия, Георгия и Тамар над мусульманами, расположенными по соседству с их владениями».

Отдавая себе отчет в спорности осуществленного им слияния различных хроник (как выяснится позже, не все они принадлежали к своду «Картлис цховреба»), Мари Броссе оставляет возможность будущим историкам восстановить тексты в их первоначальном виде. Он не навязывает свои решения как единственно возможные: «Быть может, сочтут странными эти заимствования из различных текстов, с тем чтобы составить из них одно целое, более удобное для чтения: я признаю, что в этом было бы некоторое неудобство, если бы каждое заимствование не было тщательным образом указано; ибо в этом случае читатель был бы введен в заблуждение относительно природы и свойств текста, предмета его изучения. Однако публикуемый мною труд претендует на то, чтобы быть не только переводом определенного грузинского текста, но также — по возможности полным историческим корпусом. Так что если ученые осудят путь, по которому я следую, они вольны восстановить каждый текст в отдельности и прочитать их в их естественной последовательности, не обращая внимания на предложенную мною, с перзого взгляда произвольную, классификацию».

Проверка жизнью, учет и воссоздание конкретных реалий являются для историка высшим критерием. Бог почему без путешествия по Грузии Мари Броссе не считал себя морально вправе осуществить издание «Картлис цховреба». Вот почему без «длительного пребывания» в стране он воздерживается от воссоздания всеобъемлющей картины Грузии: «Я не затеваю воссоздание полной картины социальной организации Грузии: для такого труда мне недостает материалов и будучи знаком со страной лишь посредством ограниченного количества письмен-

ных документов, не приобретя, благодаря длительному пребыванию, практических познаний, которые ничто не может заменить, я не осмеливаюсь приступить к столь обширному предмету».

Стремясь к воссозданию основного или довольствуясь «простым эскизом», историк знает, что по пути «много вспомогательных пунктов выступят сами по себе».

Немало препятствий — и объективных, и субъективных — стояло на пути осуществления основного научного замысла Мари Броссе: и слабая степень изученности грузинских хроник; и, исходя из этого, отсутствие у международной научной общности доверия к их свидетельствам; и необходимость, подобно мольеровскому персонажу, быть одновременно и кучером, и лакеем, и поваром, т. е. уточнять факты истории, географии, этнографии, демографии, искусствovedения, языкознания Грузии; и материальные препятствия (разбросанность документальных свидетельств), и подвохи здоровья... Любое из этих препятствий могло оказаться заслуживающим внимания оправданием. Но Мари Броссе не отступил: напряжением сил и волевой целеустремленностью он довел до конца то, что считал делом своей жизни. И Европа получила из его рук семь томов, документально подтверждающих существование Грузии в веках. Отныне навсегда должен был умолкнуть во всемирной историографии ложный вопрос: быть или не быть Истории Грузии? Но возникал другой, единственно правомочный вопрос: какой ей быть?

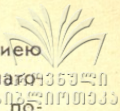
У

ЧИХИРТМА ИЛИ БОЗБАШИ!

К НАЧАЛУ путешествия Мари Броссе по Грузии в кахетинском имении рос и набирался жизненных впечатлений мальчик, которому предстояло сыграть первостепенную роль и в грузинской литературе, и в общественной жизни страны. То был Илья Чавчавадзе.

В 1857—1861 годах Илья Чавчавадзе учился в Петербургском университете. Грузинский студент, видимо, не был знаком с Мари Броссе, но не мог не знать его трудов.

Годы шли. К закату клонилась жизнь Мари Броссе, а слава Ильи Чавчавадзе была в зените, когда 18 января 1877 года впервые упомянул о нем в своем письме к петербургскому другу Димитрий Бакрадзе: «У нас в Тифлисе с 1 марта будет выходить

еще одна газета на грузинском языке, «Иверия», под редакцией известного Вам кн(язя) Ильи Чавчавадзе. Он слывет у нас знатоком грузинского языка и человеком довольно серьезным, и по тому полагают, что «Иверия» будет иметь больше успеха, чем «Дрозба», которую не без основания упрекают в плохом знании грузинского языка. Я надеюсь, кн(язя) Чавчавадзе с первых же номеров будет высылать Вам свою газету».

Не случайно Мари Броссе тотчас же ставится в известность о предстоящем первом спектакле грузинского театра в Тифлисе, о выходе первого номера первого грузинского журнала «Цискари», о начале выхода самой знаменитой грузинской газеты прошлого столетия: петербургский ученый уже давно стал тем человеком, которому просвещенные грузины считали своим долгом сообщать обо всех значительных начинаниях грузинской культуры.

Илья Чавчавадзе был уже автором многих лирических стихотворений, поэм «Видение», «Несколько картин, или Случай из жизни разбойника», повестей «Рассказ нищего» и «Человек ли он?!». Последним из этих произведений заинтересовался Мари Броссе и, несмотря на свою занятость и преклонный возраст, решил перевести его на французский язык.

Интересные сведения, связанные с готовящимся переводом, содержат письма Димитрия Бакрадзе. 17 апреля этому вопросу посвящен постскрипtum: «Вы, кажется, переводите на французский язык «Кация адамиани» Чавчавадзе. Он просит по отпечатании снабдить его одним экземпляром».

Точно так же как в свое время Платон Иоселиани посредничал в отношениях между Мари Броссе и Александром Чавчавадзе, сейчас Димитрий Бакрадзе взял на себя обязанности посредника касательно Ильи Чавчавадзе. 27 января 1878 года Бакрадзе сообщает Броссе: «Получил я Ваши две брошюры, одну из них я на днях же передам кн(язю) Чавчавадзе. Мне помнится, Вы предполагали перевести на французский язык «Кация адамиани». Кн(язя) Чавчавадзе интересовался этим и как-то спрашивал меня, но я забыл об этом спросить Вас. Или, может быть, Вы остановитесь на одном анализе, как об этом говорится в Вашей брошюре...? Брошюра эта, как группировка данных о литературных произведениях старой и новой Грузии, весьма поучительна, но только мне кажется, перевод «Кация адамиани» «Уп

homme, un fils d'Adam» сделан неверно. «Кация» я понимаю в смысле собственно имени, а «адамиани» у нас употребляется в смысле «человек». Я бы его перевел так: «Kadzia, un homme» — «Кация человек». Я спрошу самого Чавчавадзе и сообщу Вам».

Однако предлагаемое Димитрием Бакрадзе толкование названия оказалось совершенно неверным (остается лишь задуматься над тем, как другие читатели толковали этот не совсем обычный заголовок). Удивительным образом француз подошел в своей интерпретации ближе к авторскому замыслу. Правда, у Мари Броссе, по-видимому, было перед Димитрием Бакрадзе то преимущество, что он уже читал текст. Поэтому и не могло возникнуть у Броссе столь неожиданное имя, в тексте не фигурирующее. Хорошо, однако, что Бакрадзе проверил себя в беседе с автором: «Насчет заглавия «Кация адамиани», — пишет он Броссе 16 февраля 1878 года, — я спрашивал кн(зя) Чавчавадзе. Оказывается, что я действительно ошибся. Он объясняет так значение этого заголовка. Роман печатался без него и потому допущена неточность типографская, которая многих вводит в ошибку. Следовало бы напечатать не «Кация адамиани», а «Кация адамиани!» Заглавием этим автор хотел выразить следующую мысль: «Он есть человек?», «Он тоже человек?» «Кация» и «адамиани» равнозначны».

От читателей ускользал иронический заряд заголовка, определяющего тональность произведения. Авторское толкование, естественно, проложило себе путь в сознании читателей, но традиция сохранила написание заголовка, представлявшееся автору ошибочным. Так с первых же слов Мари Броссе оказался перед языковой головоломкой.

Заманчива фраза Димитрия Бакрадзе в его письме от 20 февраля: «Прилагаю при этом заметку кн. Чавчавадзе, разъясняющую значение заглавия «Кация адамиани». Увы, заметки пока что нигде не видно!

Тем временем Мари Броссе завершил перевод произведения и переписал текст набело, готовя его к изданию. В повести «Человек ли он?!» было все, чтобы заинтересовать француза: реалистическое описание современного грузинского быта, галерея выпукло обрисованных характеров, беспощадная сатира на провинциальное дворянство, отличный язык, составивший эпоху в развитии грузинской словесности, экономная, отточенная литературная форма. Броссе почувствовал, что перед ним — самое представительное и, наверное, самое смелое произведение современной грузинской прозы. По замыслу и исполнению повесть «Человек ли он?!» естественно вписывалась в ряд произведений

европейской «натуральной школы», кое в чем перекликаясь с творчеством Флобера, многим будучи близка к «Старосветским помещикам» Гоголя.

Любуясь художественным мастерством автора, Мари Броссе склонял голову и перед его гражданским мужеством: именно такое нелицеприятное служение родине было ему по душе. Не раз, наверное, Броссе мысленно благодарил князя Чавчавадзе, как письменно поблагодарил Димитрия Бакрадзе, за то, что он так любит Грузию. Стране, у которой есть столь смелые врачи, не боящиеся в случае необходимости поднести ей горькую пилюлю, есть по ком выверять свой шаг. Грузия и возродится окончательно, и окрепнет, если научится не отводить глаза от зеркала, в котором отразились черты ленивой и никчемной четы Луарсаба Таткаридзе и его дражайшей супруги Дареджан.

Ко времени знакомства с повестью «Человек ли он?!» Мари Броссе накопил значительный опыт переводческой работы: на французском языке воссоздал он «Витязя в барсовой шкуре» Руставели, «Мудрость вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани, анонимные «Караманиани» и «Мириани», «Географию» Вахушти Багратиони, отдельные стихотворения Бесики и Димитрия Мегвинетхуцесишвили. Ценные наблюдения вынес он для себя, переводя хроники «Картлис цховреба». Теперь же он оказался лицом к лицу с крупным прозаическим произведением современн о то мастера. В шестии Мари Броссе от истоков грузинской истории к ее славному сегодняшнему дню выявляется широта его натуры.

Рукопись перевода повести «Человек ли он?!», написанная гонким и трудно разбираемым почерком, занимает всю поверхность листа и время от времени уступает место комментариям переводчика. Некоторые комментарии порождают различные вопросы, на которые переводчик ищет ответа в книгах, журналах и словарях. По своему характеру работа Броссе приближается к переводу филологическому, акцентируя внимание на языковых явлениях оригинала. Между двумя возможностями — отправиться в страну оригинала или привезти произведение в свою страну — Броссе выбирает первое. Это порою утяжеляет поступь перевода и застигает текст чужеродными языковыми построениями. Восстановление условных форм грузинских обращений и восклицаний порою вызывает у читателя недоумение. Переводчик то и дело предлагает ему дословное восстановление образ-

ного строя иного языка и некую рентгеноскопию образного строя мышления другого народа.

Если такая форма перевода часто уводит читателя далеко от знакомых ему ориентиров, она, с другой стороны, предоставляет ему обширную документацию о стране и ее обычаях. В конечном счете историк и ученый берут верх над литератором.

И все же Мари Броссе удается, невзирая ни на что, сохранить живость рассказа и художественное воздействие подлинника. Этого переводчик достигает благодаря своей восприимчивости и способности улавливать красоты стиля и общую атмосферу повествования.

Знакомясь, страница за страницей, с до сих пор не опубликованным переводом Мари Броссе, можно проникнуть в лабораторию ученого и литератора с его сомнениями и поисками.

Трудности были многочисленны, тем более что Броссе явился первопроходцем и в области литературного перевода с грузинского на французский. По его художественным переводам можно измерить путь, пройденный им с достопамятного дня комической встречи с царевичами. Но трудности постижения своеобразных форм грузинского слова будут преодолены не полностью, и со случаями недоразумения и колебаний в восприятии смысла мы встретимся и в переводе из Ильи Чавчавадзе. Однако не по недостаткам следует измерять значение этих текстов, а по глубине проникновения в них настойчивого ума. Примеру Мари Броссе позже последовали другие европейские переводчики: преимущественно англичане и немцы.

Грузинская общественность была в курсе работы ученого над переводом, поскольку газета «Дрозба» за 26 ноября 1876 года, несколько опередив события, сообщила читателям, будто Мари Броссе «переводит на французский и печатает» повесть Ильи Чавчавадзе.

В результате переписки с Димитрием Бакрадзе относительно заголовка произведения и, возможно, с учетом не дошедшей до нас записки Ильи Чавчавадзе, в рукописи перевода появилось следующее примечание: «Дословно: «Это — человек, сын Адама». Этот заголовок, смысл которого будет дважды объяснен в параграфах II и XIV, означает то, что герой повести считал себя по-настоящему человеком — с умом и сердцем».

Действительно, во второй главе, которую переводчик назвал «Хозяева», читатель знакомится с выразительным портретом лоснящегося от жира Луарсаба Таткаридзе и с его оригинальными воззрениями на образование и просвещение. Очевидно, Мари Броссе имеет в виду следующие слова Луарсаба, одновременно

характеризующие его и раскрывающие смысл заголовка повести: «Да ежели я не знаю грамоте, не человек разве? Шапку на голове не ношу, что ли? Плоти во мне мало? Румянцу не достаёт? Грамота мужское разве дело? Бабья блажь, только и всего! В прежнее благословенное время всему было свое место отведено, все в своей шкуре помещались! Добрый конь, доброе ружье, ловкая рука, и вот ты уж человек, и человек предпочтительный!»¹.

В ответ на эти слова сам автор вступает в мысленный диалог со своим героем и возражает ему: «Прежде человек красил коня да ружье, а теперь конь да ружье человека красят». Однако, по принятым условностям литературного вымысла, герой не может слышать автора. И тут-то, повернувшись к читателю и беря его в свидетели, автору в самый раз пожать плечами и воскликнуть: «Человек ли он?!».

Четырнадцатая, заключительная глава, написанная с болью сердца, исторгает у автора горестное заключение: «Помер наш Луарсаб так, как многие помирают между нами, ничего не прибавивши миру своею жизнью и ничего не отнявши смертью».

В повести «Человек ли он?!», помимо выведенных в ней героев, есть еще один персонаж, объясняющий ее и дающий ей общую окраску: это — сам автор. Наравне с другими читателями, и Мари Броссе знакомится с ним с первых слов текста и прощается — в последних его строках. «Пусть другой скажет что угодно, я же...» Так говорит автор в начале своего повествования, а заканчивает его следующим образом: «Впрочем, оставься с миром, читатель, и не поминай раба твоего лихом...»

И хотя образ автора возвышается над выведенными им характерами и рассказанными ситуациями, писатель все же, для подкрепления своих позиций, взывает к авторитету непререкаемому: это — народ. Себя автор представляет лишь как выразителя народного суда. Как хор в античных трагедиях, народ выносит суровое осуждение внешне смешному, а на самом деле щемяще грустному существованию четы Таткаридзе. О том, что автор взывает к народной мудрости, говорит взятая им в качестве эпиграфа пословица «Друга брани в лицо, недруга за спиной» и, в особенности, приписка к ней: «Умная пословица».

Для Мари Броссе близка и понятна эта апелляция к разуму. Авторская декларация борьбы против общественного зла близка

¹ Здесь и далее перевод М. Бирюковой.

ко перекликается с иными предисловиями Мольера к своим пьесам. Альтернативой разуму служит безумие, и Броссе с понимающей улыбкой следит за тем, как автор отводит от себя возможное обвинение в безумии. Перо Ильи Чавчавадзе выводит все то же слово «гижиа», раскатами грома отдававшееся в голове Мари Броссе после визита к царевичам Вахтангу и Таризлу. «Кто признает себя в Луарсабе, — читает Мари Броссе, — кто примет написанное о нем на себя, те тотчас же примутся забрасывать сочинителя грязью, называть «безумцем» да «незадачливым писакой». Пусть, однако, знают, что пишем мы не о частном лице, а о пороке всеобщем, общественном».

Текст повести заключал ряд объективных трудностей для перевода на европейские языки и, в частности, на французский. Привычкой к научной систематизации можно объяснить то, что Мари Броссе снабжает знаком параграфа главы повести и называет «Введением» оставленный автором без заголовка зачин повести. Интонации подлинника, его эмоциональные нюансы порою ускользают от переводчика. Так, в большинстве случаев он упраздняет восклицательные знаки, передающие переменчивость настроения персонажей и весь «южный» аспект грузинского произведения. Повествование в переводе становится более нейтральным и сдержанным. (Сходным образом, ссылаясь на вкус европейских читателей, Броссе устранил в переводе «Мириани» некоторые восточные украшения стиля. Это — один из стойких стереотипов его творческого кредо).

Стремясь сохранить как можно больше смысловых значений в тексте, переводчик подчас грешит многословием и повторами.

Историк приходит на помощь переводчику в объяснении встречающихся в тексте грузинских понятий. До щепетильности внимательный к национальным особенностям, Мари Броссе оставляет в тексте перевода слово «тавад» и в сноске поясняет его: «князь». Слово «кеиф», как водится, переводчик мог бы передать «пирушкой». Однако для Броссе важны местные оттенки, своеобразие данного кутежа. Поэтому он поясняет в примечании, что по-арабски слово это обозначает «хорошее настроение» и что «люди, знающие Восток, обычно подразумевают при этом всевозможные развлечения, отдых, удовольствие, доставляемые себе человеком».

Впрочем, Броссе проявляет такт и чувство меры в вопросе введения грузинских слов в текст. Он не злоупотребляет ими и стремится, когда это возможно, найти им соответствия среди реалий сельской жизни Франции. Уважение вызывает стремле-

ние переводчика к точности и эквивалентности при воссоздании деталей в описании жилища героя повести Луарсаба Таткаридзе. Перевод дает возможность читателю наглядно представить себе эти комические подробности.

Наиболее трудными для понимания и воссоздания оказываются идиоматические выражения и обычные обороты грузинской речи: дымка неопределенности и загадочности застилает их во французском тексте. Пол в доме тавада Таткаридзе, говорит нам автор, выложен из кирпича. Однако кирпичи кое-где повывлетали, и если неосмотрительно ступить ногой в одну из образовавшихся выбоин, то несдобровать вашей шее. Употребляемое при этом Ильей Чавчавадзе выражение «вай шенс мтэрс», «горе врагу твоему», означает в данном случае, что автор и врагу своему не пожелал бы столь неприятного испытания. Точно воссоздавая остальные подробности, переводчик несколько озадачивает читателя, дойдя до идиоматического выражения: «Остерегайтесь шеи своего врага».

Мари Броссе использует в своих комментариях и то, что ему удалось непосредственно наблюдать во время путешествия по Грузии. Говоря о слабом свете, проникающем в покои Луарсаба через окна, автор сравнивает их с бойницами: «Стенку, правда, украшают два окошка, гораздо поболее бойниц, да кто-то удивительно прозорливый вставил в сосновые рамы вместо стекол промасленную бумагу. Вот ведь об ком сказано: «Смекалкой и силу поборешь, только бы придумать!» Переводчику же показалось, что речь идет собственно о бойницах, и он поясняет: «Бойниц я не видел в грузинских домах; но окон, покрытых промасленной бумагой, встречал много». Уже в описании своего путешествия по Грузии Мари Броссе с сожалением говорил об этом странном способе заслоняться от солнечного света. С сарказмом обрушивается на эту «остроумную выдумку» и Илья Чавчавадзе. Автор и переводчик единодушны в подходе к явлениям жизни, поэтому понятно, какое удовлетворение испытывал Мари Броссе при переводе повести.

Особую точность проявляет Броссе в том, что касается местных мер и весов. Так, «тунги» он сохраняет в своем переводе и поясняет его значение: «мера в пять винных бутылок».

Преимуществом Мари Броссе является то, что он — современный переводчик — имеет дело с реалиями знакомой эпохи. Перевод «говорит» примерно в том же ритме,

что и французская реалистическая проза прошлого столетия. Познания в области грузинской цивилизации позволяют Броссе улавливать в контексте литературные реминисценции или скрытые цитаты. Так, походя отмечает он выражение «небесное дыхание», употребленное в контексте иронически и отсылающее читателя к «Витязю в барсовой шкуре» Руставели.

Среди литературных параллелей, которые вызывает повесть Ильи Чавчавадзе, не раз напрашивается и параллель с Мольером, с комизмом его абсурдных ситуаций. Текстуально совпадает с известным размышлением Гарпагона авторское назидание Луарсабу Таткаридзе: «Ты живешь, чтобы пить и есть, а не пьешь и ешь, чтобы жить...» Комедии Мольера с успехом шли в Грузии. Илья Чавчавадзе сам способствовал их распространению и резонансу. Естественно, что во французском переводе приведенная фраза предельно приблизилась к своему источнику, гарпагоновской реплике: «Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть».

Мари Броссе тщательно отделяет свой перевод, разыскивая по возможности близкие к оригиналу слова и эквиваленты. Пословицы и поговорки, пересыпающие повествование Ильи Чавчавадзе, текстуально воспроизведены по-французски, без заботы об их лапидарной форме. Часто Броссе предпочитает дословную точность смысловому соответствию и поэтому он держивается от близких по смыслу французских пословиц.

Для передачи местных этнических и социальных понятий Броссе прибегает и к маргинальным комментариям, и ко включению слова в текст, чем достигается более естественный эффект. Если трудность понимания смысла устранить не удалось, переводчик проставляет на полях рукописи вопросительный знак или переписывает вызвавшее затруднение грузинское слово, в редких случаях — ставит многоточие в тексте с намерением позже еще раз вернуться к пассажу и внести в него окончательные уточнения. Перевод эпитетов предельно точен.

Слащавая речь супругов Таткаридзе изобилует ласковыми обращениями друг к другу, среди которых многократно повторяются такие восклицания, как «шэни чириме» и «гетакванэби», в буквальном переводе означающие: «твою чуму — мне» и «я поклоняюсь тебе». В таких случаях переводчики находят обычно какое-нибудь соответствующее тональности контекста выражение, порою даже меняя и варьируя его. К примеру, «шэни чириме» может переводиться и как «душа моя», и как «мой друг». Мари Броссе предпочитает дословный перевод. Такой подход естественно подводит его к своеобразному пассажу, в котором Луарсаб дает нежному чувству к супруге гастрономическое вопло-

щение: «—Дареджан, а, Дареджан! Ты знаешь, кто для меня? Ты салат души! Тархун моего сердца!».

И все же, конечно, перевод Мари Броссе не раз мог озадачить французского читателя. «Да возьмет меня твоя чума» напоминает бранное восклицание, в то время как по-грузински это — ласковое обращение. «Моя голова за твою» выглядит как гротескный ребус.

Увиденное собственными глазами наполняет комментарии Мари Броссе и сообщает им неповторимую живость. Читатель узнает, что «Хабарда!» — «выкрик, который часто слышишь на улицах Тифлиса» — означает «Посторонись!» Когда к Дареджан приходит смазливая молодая крестьянка, встряхивающая своими длинными косами, переводчик вспоминает: «Грузинки очень гордятся косой, спускающейся до земли, и выставляют ее напоказ, когда садятся». Мари Броссе пытается расшифровать образный смысл имени таткаридзевой служанки Ламазисеули: «Происшедшая из красоты». Отвечая потребности в точности читателя и своей собственной, Броссе не пренебрегает «математикой поверять вдохновение». Когда сводня говорит Луарсабу, что с него возьмут «крупный процент», а именно «семь шаури с тумани», переводчик подсчитывает: «35 копеек серебром с каждых 10 рублей = 29%».

Еда и сон составляют основное содержание существования супругов Таткаридзе. Понятно поэтому то исключительное значение, которое приобретают в их сознании вопросы пищи и кухни. Соответственно и переводчик тщательно восстанавливает этот аспект повествования. Не найдя грузинским названиям блюд или разновидности продуктов французского соответствия и пополняя заимствованными понятиями отечественный кухонный лексикон, Мари Броссе пишет «зургиэли», «тартис доши» и поясняет в сноске, что слова эти обозначают «копченую спинку и брюшко рыбы».

Пятая глава повести посвящена важным размышлениям о пище земной. Луарсаб хотел бы знать, что они будут есть завтра за ужином... Дареджан успокаивает мужа, подробно излагая ему разные меню. Беседа мирно развивается до того момента, когда неожиданно Луарсаб с истинно мужской принципиальностью расходится во мнении с супругой. Дареджан исходит из лучших побуждений:

«— Ну, а что бы ты, голубчик, сказал о чихиртме? — спросила княгиня с обезоруживающей улыбкой.

— Хм! О чихиртме! Нет, душа моя, лучше бозбаши...
после некоторого раздумья отозвался Луарсаб».

Комизм ситуации заключается в том, что оба блюда удивление схожи между собой. Поэтому спор супругов, по мысли автора, бессодержателен при кажущейся многозначительности.

Разумеется, абсурдность спора не ускользает от переводчика. И все же... Не могут быть два разных блюда полностью одинаковыми. Чем, на самом деле, чихиртма отличается от бозбаши? Увлеченный разногласием Дареджан и Луарсаба, Мари Броссе подключается к их спору.

Он берет с полки поваренную книгу княгини Варвары Джорджадзе, присланную ему из Тифлиса. В ней воспроизведены основные рецепты грузинской кухни. Княгиня Варвара — родная сестра Рафиэла Эристави. Всплывают приятные воспоминания. Мари Броссе переводит и выписывает своим бисерным почерком по отдельности рецепты чихиртмы и бозбаши. На приготовление того и другого блюда, оказывается, идут одни и те же продукты: мясо, жир бараньего курдюка, лук, рис, яйца, грузинский шафран, эстрагон, корни кориандра, соль... Однако, при ближайшем рассмотрении, в бозбаши дополнительно оказываются молотые перец и корица. Всего пять зернышек первого и одна чайная ложка второй. Но этого достаточно, чтобы Мари Броссе сделал свое собственное заключение: «Оба приведенные нами рецепта, — пишет он, — доказывают, что бозбаши должно быть значительно острее на вкус, чем чихиртма».

Кажется, чаша весов беспристрастного судьи склонилась на сторону Луарсаба, поддерживая пошатнувшиеся достоинства его мужского ума. Но, наверное, суть дела не в этом: шутки ради или всерьез Мари Броссе разделяет чужие заботы. По-человечески он понимает Луарсаба (и сам ведь он отдает должное превосходной грузинской кухне), но, конечно же — в приговоре своем он заодно с князем Чавчавадзе: не одним бозбаши жив человек!...

VI

ПРИТЯЖЕНИЕ РУСТАВЕЛИ

В МЕСТЕ с привязанностью к Грузии через всю свою жизнь пронес Мари Броссе не ослабевший с годами интерес к ее поэту. Узнав о существовании Шота Руставели на заре своей молодости, Броссе вновь и вновь возвращался к нему, исправляя и

16.03.53.40
200-1110333

углубляя свое представление о «Витязе в барсовой шкуре». Однако помогал другому: лучше узнавая Грузию, француз глубже понимал Руставели. И, наконец, из всех грузин, с которыми судьба свела Мари Броссе, Шота из Рустави оказался самым старым и самым верным другом.

Свою первую руствелологическую работу — «Разыскания по грузинской поэзии» — Броссе предварительно читал в Париже на четырех заседаниях Азиатского общества: 2 июня и 1 декабря 1828 года. 30 апреля 1829 и 5 апреля 1830 года. Так что работа эта созревала и оформлялась на протяжении примерно двух лет.

Отправной точкой для нее послужила одолженная Сен-Мартеном книга Болховитинова. У русского автора Мари Броссе черпает факты, по-своему осмысливая их: «Грузия, — пишет Броссе, — которая на протяжении почти тысячи лет, казалось бы, не занимала особенно выдающегося места в интеллектуальной цивилизации и литература которой долгое время ограничивалась позитивной теологией, пожелала стать поэтической, чтобы восславить чудеса царствования женщины. Однако уже в начале XII века Давид [Строитель] заложил прочное основание для новой эры, приказав, чтобы ежегодно двенадцать молодых грузин отправлялись в Афины. Там они могли приобщиться, в центре древней аттической городской цивилизации, к хорошему вкусу и проникнуться любовью к благородной учебе».

Правильное чутье, приведшее молодого исследователя к постижению культа женской красоты и афинской мудрости, открывало перед ним врата руставелевского мира. После Давида Строителя, продолжает Мари Броссе, — «науки быстро развивались в Грузии, книги и учеба настолько распространились, что царствование Тамар осталось самой блестящей и самой славной порой грузинской литературы».

Следуя в этом установкам французской историографии, Броссе стремится по возможности выпукло очертить свойства как отдельных исторических лиц, так и этнических и национальных единств: «...Тамар покровительствовала таланту, оплодотворенному ее высокими деяниями. Грузин серьезен и суров в своей дипломатии и каждый раз, оказываясь действующим лицом, он естественным образом возбуждается в присутствии славы и красоты. По природе своей он — герой, поэт, успешно и со вкусом культивировавший искусства ума каждый раз, когда он

бывал свободен и когда нашествия опустошителей — больших и малых — не парализовали его счастливую расположенность».

По книге Болховитинова Мари Броссе резюмирует некоторые основные события, имена и произведения грузинской литературы, разделяя порою поверхностные или наивные сближения, почерпнутые из своего источника.

Начиная со второй статьи «Разысканий по грузинской поэзии», Мари Броссе проникает в глубь образной ткани творения Руставели, одновременно переводя и комментируя различные его пассажи. Неточности здесь все еще соседствуют с верными, подчас тонкими наблюдениями. «Генералу Руставелу» Мари Броссе приписывает, помимо «Витязя в барсовой шкуре», чахрухадзевскую «Тамариани». В качестве подтверждения своего соображения ученый ссылается на четвертую и пятую строфы Пролога, в которых Руставели и в самом деле говорит о восхвалении Тамар. Однако хвалу царице поэт воздал именно в «Витязе в барсовой шкуре». Со временем Броссе поймет свою ошибку и исправит ее.

Молодой ученый склоняется над двумя списками творения Руставели, которыми тогда располагала парижская Королевская библиотека. На пути расшифровки текста вставляли непредвиденные препятствия. Трудно опознаваемой становилась в связанном письме грузинская буква «а», которая нередко представляла как «прогнутый налево росчерк пера, наподобие того знака, который мастера письма выводят на своих образцах для того, чтобы связывать буквы между собой». Поэтому глазу иностранца нелегко было угадывать в каждом отдельном случае, видит ли он букву или связку.

Первая рукопись «Витязя в барсовой шкуре» из коллекции Королевской библиотеки, которую Мари Броссе обозначает буквой «Е», переписана женщиной. Перед Броссе вырисовывается и образ, и характер этой переписчицы, бунтующей против той самой работы, которая сохранила ее имя для потомства: «К. Алама, дочь Бежоа, написала это сочинение. Я наказана за свои грехи; облегчите мою душу, все вы, дети рая...» Алама помещает дату окончания переписки: 15 января 1702 года.

Ниже она добавила: «Я, грешница Алама, дочь Узаант Бежоа, переписала «Витязя в барсовой шкуре». Кто бы вы ни были, кто читаете или перепишите сие, будьте ко мне снисходительны».

Пожелание оказалось настолько заляпанным чернилами, что Броссе с трудом удалось вычитать слово «Узаант» («Узаанова»), присовокупленное к имени «Бежоа» и сопровождаемое «двумя»

дурными фигурами зверей, подобными тем, которые выводят углем на стенах скучающие ученики». Грузины, думает молодой ориенталист, «не в меньшей степени, чем прочие восточные народы, охвачены манией делать надписи». Но последние нередко поставляют историку ценные сведения о событиях и нравах.

Броссе с сочувствием думает о грешной дочери Бежоа, для которой подлинным мучением оказалось переписать текст Руставели. Стихи не доставляли ей удовольствия, более того, раздражали: словно в отместку, Алама коверкала слова, ее рассеянное перо пропускало буквы и искажало ритмический строй строк. С делом она расправилась, как с тягостным заданием, и, по окончании переписки, вывела на первой странице: «Витязь в барсовой шкуре» ужасно плохая книга». Бедная Алама!

В двух местах текста рукою переписчицы, вынужденной прервать свою работу, помечено: «Здесь начнем писать». Так незначительные сами по себе пометки воссоздавали для исследователя процесс переписывания рукописи, последовательность и характер работы.

Иные переписчики, вдохновленные или раззадоренные текстом, без ложных сомнений пускались в поэтическое соревнование с музой Шота. И Руставели трогательно и по-отечески принимал всех страждущих в лоно свое. Еще кто-то доверил полям рукописи свои излияния к «алой розе»... По примеру мастера, и этот переписчик-стихотворец облек свои волнения в шестнадцатисложный шаири. Попадались Мари Броссе и загадочные надписи, подобные следующему двестишию: «Гриф... ты свил гнездо очень высоко, ты видел лицемерие, ты подумал обо мне».

Помимо творения Руставели, рукопись содержала разные полезные тексты, такие как лунный альманах с предсказаниями, грузинскую и грузинскими буквами записанную турецкую песню и... два рецепта от болей в животе и от поноса.

Второй список «Вепхисткаосани», условно обозначаемый Мари Броссе буквой «F» и в 1824 году преподнесенный Королевской библиотеке шеваље Гамба, консулом Франции в Тифлисе, оказался переписанным довольно разборчивым почерком.

«Таризел», поэма столь же популярная в Грузии, сколь популярны «Тысяча и одна ночь» на всем Востоке, — размышляет Мари Броссе, — очевидно, испытала ту же участь, что и персидские сказки. Переписчики взяли на себя свободу подправлять

поэму, привнося в нее добавления и по своей прихоти сокращая иные ее места». Изменению, порою даже полной замене подверглись отдельные стихотворные строки. При виде картины голова шла кругом и нелегко, да одному человеку и не под силу было отделить зерно от плевел.

При разночтениях Броссе решил преимущественно ориентироваться на новейшую и, как представлялось ему, более исправную версию, потому что в ней «большинство сокращений и изменений произведено в правильном духе и талантливо, за исключением конца, где переписчик, которому, должно быть, надоели длинноты повествования, по своей воле опустил более 1200 стихов...»

Наблюдения Мари Броссе о художественных достоинствах текста тем интереснее, что они непосредственно отражают его впечатления: «По части стиля «Таризл» в любой стране был бы произведением примечательным, если не всегда благодаря силе вещей, то, по меньшей мере, из-за редкой плодовитости вымысла и богатства авторского воображения. Восточные люди, с их пламенной головой и экзальтированной чувствительностью, кажется, неспособны ничего выразить просто. Самые смелые фигуры, самые странные сочетания слов, комбинации и игра стиля, способные заставить блистать мысль в многогранных выражениях, потоком изливаются с их калама. И, однако, большей частью они мало пользуются ономастопеей, этой подражательной гармонией, заставляющей реветь ветер, греметь гром и сладострастно звучать трогательную мелодию Филомелы, одним словом, той гармонией, которая у поэтов древней Европы всегда добавляла к хорошей мысли еще одно достоинство — то, что услаждало ум посредством слуха: поэтому, как правило, наиболее наделенные смыслом писатели Востока мало теряют при переводе.

Напрасно постарался бы я здесь дать какое-либо представление о стиле «Таризла». Чуждые нашим нравам, нашему мировосприятию писатели, как и герои и влюбленные Кавказа, выражаются на таком языке, что он сбивает с толку привычки малых стран, но не исключает ни тонкости, ни прозрений, ни точности выражения, ни глубины. Природа запечатлела в душе грузина чувство храбрости и воинской чести, подобно тому как она щедро наделила его черты и особу благородными пропорциями и выразительной красотой».

Обобщая свои впечатления от мыслей, образов и стиля Руставели, Мари Броссе на первых порах усматривает в его творении, наряду с несомненными достоинствами, то, что ему

представляется тяжеловесным и что, на самом деле, оказывается поначалу трудно постижимым: «Нельзя отрицать, — пишет Броссе о приведенных им цитатах, — что в них есть оригинальность и переданные удачно общие идеи. Но также, в целом, авторской манере недостает живости, фразы тягучие, перегружены повторами и плеоназмами дурного вкуса в духе Овидия, зачастую до неузнаваемости видоизмененными фальшивыми либо преувеличенными образами; этот недостаток вообще присущ лучшим стихотворным произведениям Востока». В подтверждение своих слов Мари Броссе приводит примеры повтора у Руставели, упуская при этом из виду общекомпозиционное их назначение, символическую и музыкальную функции. Кроме того, произведения искусства отдельных стран лучше постигаются, если к ним подходить с выработанными ими же самими критериями оценки. К этому Броссе будет приближаться постепенно.

Третью статью о произведении Руставели ученый публикует в майском номере «Журнал азиатик» за 1831 год. Он переводит и пересказывает для французского читателя строфы «Пролога», стремится разобраться в поэтике Руставели и в его философии любви. Он усматривает связь между взглядами Руставели и античной философской мыслью. Утверждение Руставели о том, что один-другой удачный стих еще не делают поэта, соответствует, по мнению Мари Броссе, мысли Аристотеля, когда он говорит о том, что слишком утонченные предметы ускользают от восприятия из-за своей малости и что слишком большая величина давит воображение.

Некоторые перипетии сюжета Броссе понимает не всегда правильно. Переводчику, например, показалось, что после возвращения Автандила от Таризла Тинатин отвергает своего возлюбленного и будто именно из-за испытанной досады Автандил «навсегда покидает свою благодарную родину, чтобы направиться к Таризлу». Однако трудности понимания текста не мешают Броссе делать интересные наблюдения над теми или иными аспектами произведения. Так, завещание Автандила представляет собой, по мнению ученого, «подлинный образец простоты азиатских нравов». Разумеется, и в таких случаях суждения критика еще довольно наивны и поверхностны.

Броссе вкратце пересказывает содержание «Вепхисткаосани» до конца и даже идет далее, поскольку, принимая продолжения других авторов за текст Руставели, он упоминает о вто-

рой войне Тариэла против Рамаза, о смерти Тариэла и Авандила, которых, как и их жен, хоронит верный Придон.

Создав читателю представление о фабуле произведения, Мари Броссе делится с ним своими суждениями: «Такова благородная история Тариэла и его любви, — пишет он. — Если наши западные люди откажут ей в наименовании эпопеи, потому что здесь нет ни действия, ни очертаний времени, как в великих сочинениях Гомера, Вергилия и Тассо, то это, по меньшей мере, не является сухим дневником в стихах, заслуживающим их пренебрежения. Да и вообще, должны ли плоды воображения, чтобы нравиться, все уместяться в рамки Аристотеля? Это, очевидно, с полным правом могли бы отрицать наши зарейнские и заморские соседи».

Ценно рассуждение ученого о способах перевода «Вепхисткаосани». Чтобы вернее нащупать правильную жилу, Мари Броссе практически испробовал разные подходы: буквальный и более вольный французские переводы, по возможности точный латинский перевод. При этом правильный общий его вывод, основанный на «золотой середине», не только не теряет своей актуальности в наши дни, но, пожалуй, еще более актуализируется. Отмечая, что «Тариэл» «блестит, прежде всего, своим стилем», переводчик не забывает о том, что «Запад не сходится в вопросах поэзии и вкуса с восточными любителями» изящной словесности. Отвергая как две крайности буквальный и вольный переводы, Броссе выбирает срединный путь естества. Для сверки он хочет представить себе, что «если бы, не родись он на Кавказе, Руставели сочинил свою книгу для французов, он приноровил бы ее к их языку, к их нравам. Поэтому для нас, его переводчика, пишущего по его «памятным запискам», строгим долгом является следовать тому пути, который избрал бы он сам». При этом, слегка перефразируя слова Жана Расина, Броссе считает, что произведение воображения должно «нравиться и очаровывать».

Параллели, проводимые Броссе с Лесажем, Монтескье, Вольтером, французскими романтиками, являются естественной точкой отсчета в его суждениях и в то же время помогают французскому читателю найти более верные подступы к необычному произведению и его художественному миру, направляясь от знакомого к незнакомому.

Мари Броссе продолжает систематически работать над освоением произведения Руставели и, благодаря этому, все более углубляется в богатый мир его образов и идей. В своем «Докладе» Азиатскому обществу 28 апреля 1831 года тогдашний секретарь Общества Эжен Бюрнуф отметил, что «г-н Броссе про-

должал сообщать в «Журналь азиатик» плод своих разысканий по грузинской поэзии и по роману о Тариэле.

Ко времени выхода Мари Броссе на научное поприще существовало одно-единственное издание «Витязя в барсовой шкуре» на грузинском языке, осуществленное в 1712 году стараниями царя Вахтанга VI. С тех пор прошло больше столетия и никто не брался за переиздание грузинского шедевра. Броссе с самого начала почувствовал парадоксальность такого положения и еще в Париже сделал попытку переиздать Руставели. Тогда это не удалось сделать по техническим причинам. Но мысль эта не покидала Мари Броссе и с первых же дней пребывания в России ученый стал исподволь готовить почву для осуществления своего заветного замысла. Он правильно улавливал пропорцию явлений. Изю всех культурных ценностей, созданных Грузией, первостепенными представлялись ему поэтический шедевр Шота Руставели и цикл древнейших исторических хроник. Руставели он хотел переиздать, «Картлис цховреба» впервые издать, то и другое опубликовать на французском языке в своем полном переводе. Замысел удалось осуществить частично: перевод Руставели не был полностью издан.

Переиздание Руставели вышло в Петербурге в 1841 году. Вместе с Мари Броссе его подготовили Давид Чубинашвили и Захарий Палавандишвили. Из писем последнего к Броссе перед нами ожили разные подробности подготовки издания и, в особенности, его медленного распространения в Грузии. Но в исторической перспективе цель была достигнута, и неплохо. Броссе, до конца жизни внимательно следившему за печатной судьбой любимшегося ему творения, довелось увидеть, помимо своего, еще четыре различных переиздания Руставели. Одно издание примерно за четыреста лет со времени изобретения книгопечатания и — пять изданий за сорок лет. Этот определяющий скачок произошел на глазах Мари Броссе, к его радости и с его легкой руки. Поверил бы Броссе, что пройдет еще примерно сто лет и какими бы тиражами ни издавался Руставели в маленькой Грузии, его «Витязь», едва выйдя из типографии, будет исчезать с прилавков книжных магазинов?

Тайна шедевров — в их неисчерпаемой жизненности. По мере того как их читаешь вновь и вновь, к ним привязываешься все сильнее. Это воздействие Руставели испытал на себе и Мари Броссе. Притяжение руставелевского гения оказалось

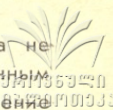
сродни зачаровывающему воздействию чистой музыки. Казав-
шиеся ему при первом мысленном «исполнении» варварскими/
звуки гортанной и загроможденной немислимыми согласными зву-
чи постепенно преобразались в восприятии иностранца. Как
далеко признание «Предисловия» 1841 года от памятных пер-
вых впечатлений! «Чем больше раз вы читаете подряд «Вепхис-
ткаосани», — пишет Броссе, теперь уже издатель Руставели, —
тем больше нравится вам произведение. Причиной тому, в пер-
вую очередь, прекрасная форма романа (в тексте: «сказки»),
благозвучие шаири, изысканное красноречие, прекрасная переда-
ча мыслей и высокофилософское живописание истины. Во-вторых —
превосходное описание Руставели обычаев и глубинной жизни
грузин. Поэтому я утверждаю, что книга эта на грузинском язы-
ке не имеет себе равной, да и в самой Европе не много най-
дется превосходящих ее сочинений».

За экзотической оболочкой произведения Мари Броссе пра-
вильно усмотрел картину Грузии и характер ее народа: «Мораль
героев, их поведение, мужество, братская любовь несомненно ри-
суют нам душу, мораль грузин, одним словом — весь их харак-
тер».

По сравнению с тем временем, когда он комментировал
«Мириани», произошел красноречивый сдвиг в оценках Мари
Броссе и теперь расстояние между «европейским вкусом» и про-
изведениями грузинской цивилизации для него значительно сокра-
тилось: «Хотя азиатский вкус не совпадает с европейским, — пи-
шет он сейчас. — следует, однако, сказать, что грузинская бесе-
да и правила письменного изложения не так далеко отстоят от
нас, как, например, персидский или арабский строй мысли, и по-
этому хороший перевод грузинских писателей на европейские
языки должен понравиться всем. Если когда-либо будет напеча-
тан перевод «Вепхисткаосани» (как я слышал, произведение это
переводится на русский, я же готовлю его французский перевод),
то надеюсь, что его с радостью примут в Европе».

Наблюдение Мари Броссе сближает синтетическую по своему
характеру культуру Грузии скорее с европейским типом цивили-
зации, чем с восточным. Именно к этому выводу со все большей
убедительностью придет и грузинская гуманитарная мысль.

Мари Броссе упоминает Руставели и в своей работе 1877 года
«О грузинской романической литературе». До конца невыяснен-
ными остаются для него некоторые вопросы, связанные с «Веп-
хисткаосани». Как переводить «вепхи»: тигр? пантера? леопард?
Выяснение этого вопроса продолжится еще долго после Мари
Броссе. Об авторе по-прежнему известно мало, но для себя Брос-

се уже уточнил, что придворная должность Руставели была не «генерал», а «казначей». Непокоренным и даже укрепленным остался основной вывод исследователя о том, что произведение Руставели является «самым известным и действительно самым артистическим с точки зрения композиции и стиля среди всех плодов воображения грузин».

Первым из европейцев Мари Броссе проник в чудесный мир образов и мыслей творения Руставели. Постепенно приближаясь к нему и поддаваясь его чарам, он с удивлением и благодарностью обнаруживал в нем все новые красоты. Оставшись наедине с синтезом иной цивилизации и иного языка, он нашел в себе достаточную способность к самообновлению, чтобы не застыть на первых впечатлениях и, пусть даже пользуясь привычными ориентирами, открыть свое восприятие для явлений, дотоле ему неведомых. В ответ Руставели щедро одаривал его и поддерживал на его жизненном пути. Благотворным оказалось притяжение Руставели. Он был и высшим вознаграждением за принятый молодым французом дальний путь с множеством неизвестных, и обещанием щедрого плодоношения всех его трудов: в радость будущего открытия Европой «Вепхисткаосани» войдет доля труда первого переводчика и толкователя грузинского поэта.

VII

ЭХО ШАТЕЛЬРО

С САМОГО основания русских периодических изданий в Тифлисе Мари Броссе начал сотрудничать в них. В газете «Кавказ» статьи его печатались с 1846 года.

Регулярная грузинская периодика развилась несколько позже. Соответственно и статьи Броссе в грузинских газетах и журналах, и упоминания его имени встречаются, начиная с 1860 года, с четвертого номера журнала «Цискари», опубликовавшего описание обеда в Гори, составленное Димитрием Мегвинетхуцесишвили еще во время путешествия ученого по Грузии, но напечатанное двенадцать лет спустя.

В двух своих номерах 1861 года тот же «Цискари», редактируемый Иванэ Кереселидзе, подтверждая свою заинтересованность научным творчеством Броссе, опубликовал в гру-

---

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

зинском переводе Иосифа Сакварелидзе его статью «Обзор истории и литературы Грузии». А в 1866 году сам Иосиф Сакварелидзе перевел и напечатал в своем журнале работу Броссе о взаимоотношениях грузинских и русских царей. Журнал знакомил читателей и с другими трудами петербургского ученого.

25 декабря 1869 года в газете «Дрозба» появилась статья «Об издании древних сочинений» за подписью Нико Бердзнишвили, Петрэ Умикашвили и Георгия Церетели. Эти три имени принадлежали молодым людям, которым предстояло оставить значительный след в истории родной культуры. Авторы ратуют за внимательное отношение к рукописному наследию отечественной литературы, за тщательную выверку рукописей и за их введение в широкий оборот путем публикации. В статье отдается должное первопроходцам в этой области: Мари Броссе и Давиду Чубинашвили.

В той же газете за 14 и 16 января 1876 года Александр Чкониа помещает рецензию на раннюю французскую книгу Мари Броссе «Основы грузинского языка» (1837). Рецензия написана в Париже, где в свое время писалась и книга. Начинается она красноречивым вопросом: «Удивительно ли, что французы обращают внимание на нашу родину и изучают ее прошлое и настоящее? На этот вопрос любой человек ответит нам, положив руку на сердце: нет. Нет ничего удивительного в том, что один народ желает познакомиться с другим народом, точно так же, как нет ничего удивительного в желании одного человека познакомиться с другим».

Такое расширительное осмысление значения деятельности Мари Броссе станет характерным для грузинской критики: именно на уровень знакомства друг с другом двух народов — грузинского и французского — будут возводить грузинские авторы результат деятельности ученого. Конечно, если строго придерживаться пропорции явлений, это было преувеличением: работы востоковеда читались лишь в узком кругу специалистов. Но в таком подходе отражались и надежда, и перспективы на будущее.

Все чаще жизненный путь Мари Броссе будут ставить в пример молодежи. «Удивительно то, — продолжает Чкониа, — что Грузию не изучали те, чьим прямым долгом это являлось. Непонятно, почему эти лица утверждают, будто Грузия не стоит затрачиваемого на ее изучение труда. Непонятно и поразительно, когда видишь, что соотечественники, наделенные природой некоторыми способностями и могущие изучить свою родину и принести тем самым ей пользу, ничего не делают для Грузии,

в то время как французы и, отчасти, итальянцы постоянно держат ее в своем поле зрения. Иные наши соотечественники убиваются из-за одной сколоченной и состряпанной диссертации, чтобы при ее помощи заполучить имя ученого. О Грузии же они вовсе не думают. Даже если сегодня исчезнет всякое упоминание о ней, их это вовсе не беспокоит».

Такой откровенный, острый разговор о служении родной культуре — тоже характерное явление для передовой грузинской периодики тех лет. Принципиальное осознание настоятельных потребностей обновляющейся грузинской культуры помогло совершить то значительное поступательное движение, которым для всех областей грузинской культуры отмечена вторая половина прошлого столетия. Научное творчество Броссе постоянно находится в центре этой злободневной проблематики.

Читателя интересует, над чем в данный момент работает Мари Броссе, и поэтому, даже не располагая прямым источником информации, газеты помещают время от времени заметки вроде той, которую 20 июля 1878 года публикует «Дрозба»: «...как говорят, академик Броссе пишет в настоящее время на французском языке историю грузинской литературы».

Отражая всеобщий интерес, к престарелому ученому обратился с письмом Захарий Чичинадзе. Он просил Мари Броссе прислать для размножения и публичной распродажи в Грузии свою фотографию. Фотография не заставила себя ждать, но получилось так, что в продажу она поступила лишь в год смерти Броссе и следующее объявление печаталось в ряде номеров «Дрозба» вслед за поступившей из Франции печальной вестью: «В книжном магазине Захария Чичинадзе (возле Александровского сада и русского храма) продается фотография Мария Ивановича Броссе, цена — 30 коп. На деньги, поступившие от продажи, будут изданы некоторые статьи самого Броссе, переведенные с французского на грузинский язык».

Как видим, Мари Броссе не был обойден вниманием при жизни. Интерес к его деятельности особенно возрос к ее концу. Смерть, подведшая черту под его целеустремленной и наполненной страстью деятельностью, с еще большей отчетливостью выявила и масштаб работы ученого, и ее значение. Никогда еще имя и названия работ Броссе не мелькали так часто на страницах грузинских газет и журналов. Волна благодарности подымалась к нему из разных слоев грузинской общественности.

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

Скорбная весть пришла из Франции, где в маленьком, нико-
му доголе не известном городе Шательро 3 сентября (22 ав-
густа) 1880 года скончался Мари Броссе. О его кончине сооб-
щила местная газета «Эхо Шательро». Наверное, никогда еще за
все время существования этой газеты эхо ее строк не разно-
силось так далеко. Скорбными некрологами откликнулись на не-
го петербургские газеты. Добрым словом помянули отзывчиво-
го и обязательного коллегу петербургские академики. Но как
общественную утрату осознала потерю Грузия.

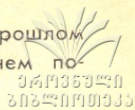
Почувствовав приближение конца, Мари Броссе аккуратно
уложил в чемоданы по одному экземпляру своих работ, рассчи-
тался с Петербургской Академией и выполнившим свой долг
человеком вернулся во Францию. Перед родиной хотел он мыс-
ленно отчитаться в прожитой жизни и ее земле доверить свои
останки. Последние сознательные его действия так же неброски,
продуманны и полны достоинства, как и вся долгая жизнь. Еще
несколько месяцев на родине даровала ему природа. Впервые
за свою жизнь Мари Броссе не занят каждодневным исследо-
вательским трудом, впервые он нашел досуг для того, чтобы
оглянуться на сделанное. Конечно же, полностью доволен собой
лишь тот, кто ничего не делает. Броссе кажется, что можно бы-
ло сделать и лучше, и больше. Но если ему удалось зажечь в
молодых грузинах тот будоражащий огонь, который его самого
вел от одних затемненных мест истории к другим, если ему уда-
лось «разбудить» их, как он мысленно не раз говорил себе, то
основное удалось. Так утешает себя Мари Броссе, и он прав.
Начатое им — бесконечно. Впереди — большая дорога, на ко-
торой путникам неизбежно сменять друг друга.

В сентябре 1880 года газета «Дрозба» поместила статью свое-
го редактора Сергея Месхи о Броссе и некролог, подписанный
Ионой Меунаргия. Провозгласив покойному «вечную память»,
Месхи продолжает: «Никому не надлежит в такой степени ска-
зать эти слова, как нам, грузинам, потому что благодаря этому
человеку имя наше и память о нас навечно утвердились в Ев-
ропе.

В самом деле, прежде, в отдаленные времена нашего ис-
торического существования, просвещенная Европа в большей или
меньшей степени была знакома с нами. Она знала, что на Кав-
казе живет храбрый народ, иверы, который стойко противостоит
народам Азии и борется с ними, в особенности — с персами и
турками.

Однако после того как судьба Грузии оказалась связанной
с Россией, упоминания о нашей стране почти полностью исчез-

ли в Европе. Броссе первым возвестил миру о нашем прошлом историческом существовании, о нашей судьбе и нынешнем положении.

Вот чем заслужил новопреставленный Броссе от каждого грузина вечную благодарность и уважительную память.

Такова одна сторона его жизни и деятельности. Вторая еще больше заслуживает нашего внимания: по рождению Броссе был французом, любовь к науке и подвергшемуся испытаниям народу породила в этом чужом для нас человеке желание изучить наше историческое существование и помочь нашей литературе. Всю свою жизнь и свой неутомимый труд употребил он на изучение народа маленькой Грузии и ознакомление с ним других. Он был подлинным сыном французского народа, одним из отменных и достойных похвалы свойств которого является то, что даже во времена своего несчастья и затруднений он не забывает о тревогах и порабощении других народов...

Не являются ли примерными жизнь и деятельность этого человека для нас, грузин, которые с таким равнодушием относимся к делу преуспeyания и умственного продвижения нашей собственной страны? Не должно ли быть нам стыдно, что появляется некий француз и заботится о нас, знакомит с нами Европу, исследует нашу историю, литературу и язык...»

Сергей Месхи клеймит тех из своих соотечественников, кто заботится «о получении почетного чина и звания, о хорошем окладе., о своей карьере, кармане и о наполнении своего желудка», и, ставя Мари Броссе им в пример, завершает статью словами, с которых начал: «Вечная ему память».

В своем некрологе Иона Меунаргия воссоздал основные вехи жизни и деятельности Броссе. Отметив, что французскому ученому было 25 лет, когда он опубликовал в «Журналь азиатик» свою первую статью о грузинском языке, Иона Меунаргия продолжает: «С тех пор, на протяжении более чем полувека, неутомимый труженик, подобно мифическому Бриару, пятьюдесятью головами и сотней рук трудился для исследования истории Грузии и для изучения ее литературы».

Ссылкой на авторитет античности заканчивает некролог Иона Меунаргия, уверенный в том, что будущее «взвесит труд» покойного, как говорил Ювенал.

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

Грузинская «Дрозба» и русская газета «Кавказ» в нескольких своих номерах в траурной рамке на первой полосе возвестили тифлисцам о кончине Мари Броссе. «Дрозба» пригласила любителей грузинской словесности и истории» на панихиду по усопшему.

Панихида состоялась в четверг, 4 сентября, в полдень. Под сводами Сионского собора собралась горстка людей: человек восемнадцать-девятнадцать, по подсчетам очевидца. Пришли журналисты из «Дрозба» со своим цензором, двое учеников, с десяток семинаристов и гимназистов, один пожилой генерал и старый почтовый чиновник. О чем думал каждый из них в сосредоточенном молчании церемониала? Казалось ли служилому воину, что он отдает последнюю почесть другому солдату, солдату науки, и не вспомнились ли работнику почты конверты и бандероли, прибывавшие из Петербурга, испещренные корявым, но внушавшим какое-то особое уважение почерком петербургского академика?

По окончании богослужения речь произнес архимандрит Григол Дадиани:

«Братья во Христе! Собрались мы сегодня в священном соборе с тем, чтобы отдать последние почести человеку дальнему и чужестранцу, который с молодости полюбил край Картлоса, его народ, язык и прошлое историческое существование. Сегодня прощаемся мы с его мирским плотским существованием, с его в трудах проведенной жизнью и скорбим по поводу того, что этот человек, известный в каждой просвещенной грузинской семье и при жизни зачисленный в ряд больших классических имен Грузии, ушел от нас...»

Напомнив пастве, что «Броссе умер для мира и родился для истории и потомства», воздав должное издателю «Картлис цховреба» и географии Вахушти, архимандрит сравнивает жизнь ученого с жизнью «тех миссионеров, которые покидают родную землю и направляются на край света, чтобы возвестить учение Божие. Так и он, апостол исторической истины, покинул Францию, свою родину, но не для распространения истины, оставленной Всевышним, а для того, чтобы искать истину, скрытую историей и временем.

В этой отдаленной стране сердце его познало двойное удовлетворение: во-первых—из-за того, что он познакомил Европу с неведомым для нее народом и, во-вторых—потому что знание прошлого этого народа пополняло всеобщую историю древности».

16.03.59
012.0110333

Призвав присутствующих помолиться за упокой души усопшего, оратор продолжал: «Древняя Иверия, на полях которой Броссе, подобно апостолу Андрею, установил знак, возвещающий успех грузинской истории в будущем, узрит, рано или поздно, увенчание начатого Броссе дела и со своей стороны сама установит ему памятник со следующей надписью: «Броссе — от благодарной Грузии».

Речь архимандрита выражала чувства, охватившие многих, кому были дороги судьбы родины. Для людей верующих естественным казалось сравнение светской миссии, выполненной ученым, с евангелической миссией апостола Андрея. Другие попросту усматривали в этом образное сравнение заслуг Мари Броссе перед наукой и перед Грузией.

Оставалось, однако, недоумение по поводу столь малого стечения людей. К недоумению примешивалось жгучее чувство стыда за неблагодарность. Не скрывал своих чувств обозреватель «Дрозба», подписавшийся «Картлосом», как бы подчеркивая в данном случае, что он говорит от имени сознательных соотечественников: «Позор нам за такое неуважение к человеку, который почти пожертвовал собой делу изучения Грузии и который восстановил в представлении Европы некогда известный и затем потерянный ею из виду народ. Чем доказали мы праху его наше уважение? Неужели тем, что поленились пожертвовать ему даже одним часом ради его поминовения в веках? Если безделье оставляет нам столько времени, что с утра до полуночи мы топчем бульвар, то почему мы не могли, для того чтобы оценить заслуги Броссе, однажды перекреститься? Но нет! Не наше дело подобные действия! Взаимная зависть, действие во вред друг другу, поношение, пьянство, наполнение живота, сплетни и прочее в том же духе является предметом наших молитв, нашим утешением. Этим живем и гордимся».

В потоке горестных наблюдений у «Картлоса» вырывается и полное душевной боли восклицание, неожиданным образом повторяющее одно из излюбленных выражений самого Мари Броссе: «...когда же мы проснемся от этого ужасного глубокого сна?»

Чувство стыда и недоумения испытал и один из читателей, приславший в редакцию «Дрозба» письмо, в котором пытался для самого себя и для других объяснить необъяснимое: наверное, думает он, людей оказалось так мало на панихиде Броссе потому, что в первых днях сентября многие тифлисцы еще не

вернулись в город из деревень. Что же, возможно и в этом доля правды.

Вслед за Тифлисом панихиду по Мари Броссе устроили и другие города Грузии. 9 сентября при большом стечении людей службу справили в католическом костеле в Кутаиси. Обрадованный этой вестью, Иона Меунаргия размышлял на страницах «Дрозба» о своеобразии имеретин, живо откликающихся на общественно полезные дела и начинания. Уроженцев западной части Грузии автор ставит в пример своим восточным соотечественникам, которых он уподобляет хору в опере, поющему «Идемте вперед!» и остающемуся на месте.

С панихидой в Кутаиси связаны и некоторые примечательные подробности. Общественность хотела справить ее в главном соборе города, как это было в Тифлисе. Однако епископ не дал на то своего разрешения под тем предлогом, что «французы не признают правил православной панихиды».

В католической церкви церемониал был торжественным и многолюдным. В костеле поместили символический гроб усопшего, украшенный цветами и выписанными на листках бумаги заголовками основных сочинений покойного. Кроме того, на гроб положили и сами работы, которые оказались под рукой. Среди них выделялось прекрасное издание «Картлис цховреба». Присутствие книг Мари Броссе символизировало бессмертие человеческого труда. Тему эту словно бы подхватила музыка, когда в наступившей тишине раздались глубокие звуки органа и высь поднялись чистые голоса хора.

Проникновенную речь произнес перед собравшимися в костеле кутаисцами известный писатель и общественный деятель Георгий Церетели:

«Со слезами на глазах стоим мы в этом соборе, грузины двух различных вероисповеданий. Одинаково горячим чувством кипят у нас сердца перед покойным. Кто этот человек, собравший нас у гроба своего и заставивший плакать двух кровных братьев по вере, разделенных столь долгое время? Это — прославленный историк Грузии Мари Броссе, по фамилии француз, по вере католик, сердцем грузин и благодеянием своим — выдающийся представитель рода человеческого.

Как историк Броссе занимает первое место среди историков Грузии. Он является основателем исторической науки в Грузии.

Поистине щедрым талантом, одаренным и проницательным, оказался этот француз. Когда он приступил к изучению грузинского языка и в сердце своем задумал разработать ис-

5920
101033

торию Грузии, грузины и их бытие были настолько преданы забвению, что не только у чужестранцев, но и у самих передовых грузин того времени не было надежды на то, что Грузия еще сможет обновиться и что племя грузин окрепнет. В то время когда густая темень покрывала прошлое и будущее Грузии, Мари Броссе нащупал жизненный нерв грузинского народа и понял, что у грузинской истории — великолепное будущее.

Вот, прежде всего, почему он приступил к изучению грузинского языка и взял на себя пересмотреть заново и опубликовать «Картлис цховреба», текст которой был исправлен во времена Вахтанга VI. Однако, по мысли Броссе, этого было недостаточно. Он чувствовал, что историческое исследование должно было основываться на более надежных и подлинных документах, и с этой целью он дважды объездил Грузию и Армению — в 1848 и 1851 годах¹. Броссе перелистал все исторические гуджары и документы на грузинской земле, всюду, куда дошли его руки. Затем он приступил к их рассмотрению. Но и этим не закончилось его благодеяние по отношению к Грузии. Он грамматически рассмотрел грузинский язык и по правилам филологии собрал подлежащий рассмотрению материал, он же переписал надписи с исторических руин и обратил внимание ученых на древние грузинские монеты. Наконец, Броссе издал в двух книгах описание своего археологического путешествия. Исполнилось его достойное намерение. Он прославил свое имя в науке и предстал основоположником археологии Грузии.

Таким был этот выдающийся француз, который взял в свои руки позабытое нами знамя науки и водрузил его на земле Грузии со следующими словами: «Грузины, свет науки подступил к вашей стране! Настало время проснуться вам и восстановить вашу падшую родину!

Отныне для каждого грузина стал дорогим народ Франции, который послал своего выдающегося сына апостолом для науки нашей страны и для того, чтобы возвестить о будущей

---

¹ Помимо Георгия Церетели, некоторые другие лица упоминали в дни поминовения ученого о якобы совершенном им в Грузию втором путешествии. Событие это само по себе было бы чрезвычайно интересным, но нигде в других источниках мы не нашли следов, которые подтвердили бы, что оно действительно состоялось (Прим. автора).

прекрасной судьбе Грузии. Отныне каждый грузин с еще большей надеждой смотрит на Францию.

Да здравствует народ, который растит сыновей-благотворителей, подобных Броссе!

Велика заслуга Броссе перед грузинами, и Грузия никогда не сможет забыть вклад Броссе. Не только тем незабываем для нас Мари Броссе, что он показал нам наилучшее оружие для защиты нашей самобытности. Знаете ли, братья, чем в еще большей степени он стал для нас любимым и дорогим? Тем, что он первым познакомил Францию и всю Европу с нашей забытой родиной. Благодаря Броссе сегодня вся просвещенная Европа читает о жизни наших знаменитых предков. Чрез труд Броссе дела их приобрели большую ценность в глазах всех государств Европы».

Вслед за Георгием Церетели экспромтом выступил князь Ираклий Лордкипанидзе. Начал он с того, что собравшиеся в этот день пришли почтить не родственника, но каждый по своей воле пришел сюда, чтобы почтить память человека, трудившегося ради всех грузин. И не имело значения, что усопший был чужестранец, принадлежал иному вероисповеданию, чем большинство грузин; главное заключалось в том, что человек этот трудился во имя добра, заботился о преуспевании Грузии. Чувства, которые испытывали присутствующие, мысленно воссоздавая жизненный путь Мари Броссе, Ираклий Лордкипанидзе назвал прекрасными.

Торжественность панихиды и обе речи произвели на слушателей впечатление. Люди покидали костел просветленными. Выйдя вместе с ними на солнечный свет, корреспондент тифлисской «Дрозба» размышлял над капризами человеческой природы и над тем, что неисповедимы пути признания: «Имя Броссе, — думал он, — сейчас популярно среди нас. При жизни о нем ничего не слышала добрая половина тех, кто знает о нем сейчас, после его смерти. Своевольна судьба: неужели человеку нужно сначала умереть, чтобы общество должным образом познакомилось с ним и оценило в нем подлинного общественного деятеля и выдающегося человека?»

В атмосфере подъема и осознания бесценного значения вклада Мари Броссе тогда же родилась в Кутаиси идея объявить сбор средств для того, чтобы с процентов от собранных денег можно было основать премию имени Броссе за лучшее сочинение по истории Грузии.

Извещенный о почестях, оказанных в Грузии памяти его отца, Лоран Броссе телеграфировал из Петербурга в редакцию

«Дрозба»: «Примите и передайте друзьям моего отца благодарность нашей семьи за то сочувствие, которое было оказано по случаю кончины Броссе».

5 октября панихиду устроили в католической церкви деревни Хизабавра, куда съехались и жители из соседних деревень Баргава и Биэли. В грузинском календаре октябрь называется «месяцем вина». Соответственно и народные обряды связывались с этой порой года. Отразилось это и на поминальном обряде Мари Броссе. Гроб украсили гроздьями и листьями виноградной лозы. Принесли осенних цветов. Здесь так же, как и в Кутаиси, на гробе лежала «Картлис цховреба», украшенная небольшим венком. Вокруг горели восковые свечи. Собравшийся в церкви простой народ проявил сочувствие, крестьяне и крестьянки слушали молебен с такой грустью, словно они оплакивали своего близкого. В полной тишине, сосредоточенно выслушали и слова священника Гварамадзе:

«Любящие Христа, верующие люди!.. Покойный заслуживает с нашей стороны большого сочувствия, так как все мгновения основной части своей благословенной жизни он посвятил любви к нам, грузинам, трудился во имя успехов в науке, чем разбудил позабытое и приглушенное в нас стремление к знанию и употребил это на пользу просвещения!».

Оратор напоминает старшим по возрасту прихожанам о том, что 32 года тому назад, во время своего путешествия по Грузии, Мари Броссе посетил и Хизабавру: «...многие из вас видели его и помните, как по-отечески подробно расспросил он вас о былом и новом в вашей жизни. Точно так же, как здесь, среди вас, поступал он и повсюду в Грузии и затем обобщил результаты своей благой деятельности: исправил историю Грузии и напечатал ее; составил археологические сведения о нашей стране, по-научному исследовал основы нашего языка и множеством французских статей со всей ясностью представил нас не только во Франции, но и во всем мире...»

Отец Гварамадзе говорит о поминовении души Мари Броссе в тифлисском Сионе, этой «матери церковей» грузинских, в кутаисском католическом костеле и о произнесенной там «проникновенной речи» Георгия Церетели.

Тем временем в Петербурге Лоран Броссе, готовясь к выполнению порученной ему русским правительством дипломатической миссии в Испании, первым и неотложным долгом своим почел приведение в порядок оставшихся по смерти отца бумаг.

Сыновним добросовестным трудом воздвиг он подлинный памятник Мари Броссе. Том «Аналитической библиографии» трудов Мари-Фелисите Броссе, предваренный биографическим очерком и снабженный подробными и безупречно верными комментариями, указателем имен и названий, отныне станет надежным и неперменным путеводителем для тех, кого заинтересует полувековая история исследования одним человеком жизни далекой для него страны.

В первую очередь книга адресована грузинам, и Лоран Броссе делится с ними результатами своих разысканий. До опубликования книги он составил список трудов отца — их оказалось 237 — и послал его в «Дрозба», которая тотчас же информировала своих читателей о получении драгоценного отправления. Пройдет еще несколько лет тщательной проверки сведений, разысканий в периодической печати, хронологической систематизации материала, и Лоран Броссе пришлет в Грузию уже вышедшую в Петербурге на французском языке книгу, помеченную 1887 годом. 31 мая того же года газета «Иверия» делится с читателями радостью по поводу получения книги Лорана Броссе, которую автор прислал нескольким тифлисским ученым в дар, спрашивая их при этом, кому бы ее еще приятно было получить. «Прекрасно и чисто напечатанная», книга эта, по мнению газеты, «очень интересна и содержит весьма необходимый материал для всех наших интеллигентов, кто желает узнать о прошлых событиях Грузии и Армении».

О конкретном воплощении своей признательности к Мари Броссе думали и грузины. Идея собрать средства для увековечения его памяти, мы помним, родилась в Кутаиси. 19 сентября 1880 года к этому вопросу вернулась газета «Дрозба» в основательной статье, озаглавленной «Премия имени Броссе». «Смерть Броссе, — писала газета, — взбудоражила всех грузин. Потерю такого человека, как Броссе, грузины восприняли как всенародное горе». В редакцию газеты начали поступать письма от читателей из Кутаиси, Гори, Телави, Ахалцихе. Казалось, вновь совершает по ним путешествие ученый, но уже при помощи своих трудов. Читатели предлагали собрать деньги и основать премию и стипендию имени Мари Броссе.

Среди прочих поступило письмо и от Христофора Мамацашвили, родственника Димитрия Мегвинетхуцесишвили, который гостил у Броссе в Петербурге и вернулся в восторге от его человеческого обаяния и от теплого приема. И для жителей Хизабавры, и для Христофора Мамацашвили, как и для многих других грузин, которым посчастливилось познакомиться с Мари

Броссе, он оставался высоким авторитетом и как человек, и как ученый. И вот сейчас Христофор Мамацашвили писал в редакцию:

«...Приятно для каждого патриота видеть сочувствие, которое наша страна выразила по отношению к человеку, посвятившему свою жизнь изучению нашей древней литературы и показавшему нам, равно как и всей Европе, ее достоинства и богатство. Без Броссе у нас не было бы и того малого представления, которым мы располагаем теперь, о нашем прошлом историческом существовании, которое примечательно во всех отношениях. Равным образом, не будь трудов этого уважаемого человека, мы по сей день не познакомились бы со своими собственными предками, которые на протяжении почти двух тысяч лет защищали свою отчизну, язык, самобытность и бесценную для грузина свободу».

Далее Христофор Мамацашвили говорит: «Помимо того, что он неустанно трудился [изучая прошлое Грузии], г-н Броссе всем сердцем любил нас, и поэтому мы тоже обязаны не забывать его и предпринять что-либо в память о нем.

Если бы мы, по разным причинам, не были бедны, нашим прямым долгом было бы воздвигнуть Мари Броссе памятник, но, поскольку наше стесненное положение не позволяет нам этого, доверим это потомству, которое, быть может, окажется богаче и счастливее нас, мы же поступили бы недурно, если бы на протяжении одного или нескольких лет собрали деньги и на проценты от них назначили бы несколько стипендий имени Броссе в гимназии, семинарии или университете. В особенности следовало бы иметь в виду тех учащихся, которые проявили бы наибольшие способности и добились бы наилучших успехов в изучении грузинского языка.

Если вы сочувственно относитесь к моему предложению, неплохо было бы, если бы редакция взяла на себя сбор необходимых средств для этого полезного и славного дела...»

Так и поступили. Редакция «Дрозба», во главе со своим редактором Сергеем Месхи, охотно откликнулась на это предложение. Подходя к вопросу реалистически, редакция рассуждала так: прекрасно, если удастся собрать средства и на премию, и на стипендию. Если же придется выбирать, то для стимулирования грузиноведения предпочтительнее первое, ибо «грузинское историческое сочинение важнее для страны, чем

учеба того или иного стипендиата». Организацию подписки на премию редакция «Дрозба» взяла на себя, обязуясь каждую неделю или раз в две недели печатать списки жертвователей и суммы денежных поступлений.

Желающие могли собирать деньги на месте и только потом передать их в редакцию. Если бы кто-либо пожелал дать вечер или представление, сбор с которого предназначался бы для премии, газета обязывалась бесплатно поместить об этом объявление.

Вскоре начали поступать первые пожертвования. Подав пример, редакция «Дрозба» внесла 10 рублей. При участии князя Захария Чавчавадзе в Пасанаури собрали 42 рубля 70 копеек. Княжна Багратиони - Мухранская пожертвовала 15 рублей. К ноябрю 1880 года в кассе «Дрозба» набралось 117 рублей 70 копеек, в марте 1881 года сумма составила 355 рублей 70 копеек и еще в течение некоторого времени нарастала. Затем в вопросе этом как-то забыли, в редакции «Дрозба» произошли изменения — в 1883 году газету у Сергея Месхи приобрел Иванэ Мачабели, известный в будущем переводчик Шекспира, а в 1885 году из-за финансовых затруднений газета прекратила существование.

Но, еще будучи студентом, Иванэ Мачабели откликнулся на сбор средств для основания премии имени Броссе. 16 февраля 1881 года он писал из Петербурга тогдашнему редактору «Дрозба» Сергею Месхи:

«Господин редактор! Находящиеся здесь наши студенты передали мне для отправки в Вашу редакцию для основания премии имени покойного Броссе пятнадцать рублей.

Разумеется, это небольшое пожертвование не сможет быть особо полезным, однако если принять во внимание ту бедность, в которой ныне находятся грузинские студенты и, вместе с тем, мысль о том, что каждый патриот не должен останавливаться перед малостью средств и долгом своим почитать оказание родине посильной услуги, тогда, конечно, каждый случай такого сочувствия окажется весьма и весьма приятным».

В постскрипуме Мачабели приписал: «На тот же предмет примите от меня десять рублей».

О премии имени Броссе и о ее судьбе вновь вспомнили лишь в 1893 году. Все началось с того, что в хронике без подписи церковная газета «Мцкемси» («Пастырь») задалась вопросом: куда делись средства, собиравшиеся якобы газетой «Дрозба» для установления памятника Шота Руставели? Сергея Месхи к тому времени уже не было в живых и с вопросом обра-

тились к последнему редактору «Дрозба» Иванэ Мачабели. В открытом письме на имя редактора «Мцкемси» князь Мачабели отрицал сам факт сбора средств на памятник поэту. Тогда Илья Чкониа опубликовал в той же «Мцкемси» открытое письмо на имя редактора, в котором уточнял, что речь должна была бы идти о сборе средств не на памятник Руставели, а... на премию имени Броссе. «Я доподлинно знаю, как тогдашний сотрудник «Дрозба», — писал Илья Чкониа, — что в 1880—1883 годах (точно не помню, в какое именно время) в упомянутой газете по подписке набралось около шестисот рублей, предназначенных для учреждения премии имени покойного историка М. Броссе, и когда С. Месхи передал «Дрозба» уважаемому князю И. Мачабели, использование этих средств по назначению было поручено последнему, и он, я надеюсь, подтвердит правоту моих слов».

На этот раз сама газета «Мцкемси» засомневалась: не добавляет ли уважаемый Илья Чкониа один вымысел к другому? Однако последовал ответ Иванэ Мачабели, полностью подтверждавший и сам факт, и свою ответственность за судьбу собранных средств. Объяснившись перед читателями, Иванэ Мачабели напомнил, что газету «Дрозба» он получил вместе с ее значительными долгами, объем которых еще более возрос в годы его редакторства, что и вынудило его закрыть газету. В настоящее время, писал Мачабели, он постепенно расплачивается с долгами и непременно вернет обществу и сумму, собранную для премии имени Броссе. Но только, добавлял он, учитывая его нынешнее финансовое положение, придется, возможно, подождать еще год или два.

Дело осложнилось со вступлением в публичную полемику против Иванэ Мачабели Ильи Чавчавадзе. С горечью писал об этой досадной задержке и Георгий Церетели. Обманутыми сочли себя и некоторые подписчики на премию.

Но, конечно же, злого умысла со стороны Иванэ Мачабели, одним из первых выславшего деньги на премию, не могло быть никакого. Ему, как и другим передовым деятелям грузинской культуры, но с меньшей удачей, пришлось нести груз нелегкого продвижения вперед грузинского печатного слова.

История со сбором средств для основания премии имени Броссе, свидетельствуя об искреннем стремлении передовой общественности отдать долг заслугам ученого перед грузинской культурой и способствовать ее дальнейшему развитию, в то же

время является показателем того, в каких материальных и духовных тисках находилась в те годы возрождавшаяся собственными усилиями эта культура.

В 1898 году, в возрасте сорока четырех лет, исчез Иван Мачабели. До этого он успел передать полностью сумму, собранную для премии, в недавно основанное Общество по распространению грамотности среди грузин. Для учреждения премии суммы этой оказалось недостаточно, и Общество использовало ее для своих нужд. Так, не дойдя до своего конечного назначения, деньги, собранные в память Мари Броссе, все же послужили делу просвещения и распространения знаний.

Через свое научное наследие Броссе и после смерти активно присутствовал в делах и помыслах грузинской интеллигенции. Удивительно емкое осмысление деятельности ученого находим в интересном воспоминании Александра Чкониа, опубликованном газетой «Шрома» 21 октября 1881 года.

Само воспоминание относится, по всей вероятности, к началу 1877 года. После учебы в Париже на родину возвращался молодой грузинский юрист, которому вскоре предстояло стать в Тифлисе «присяжным адвокатом Александром Мириановичем Чкониа», защитником своих клиентов в лабиринтах судопроизводства.

По пути в Тифлис Александр Чкониа на несколько дней остановился в Петербурге. Стояла холодная северная зима. Но молодой грузин не мыслил покинуть Петербург, не постаравшись увидеть двух деятелей грузинской истории и словесности: Давида Чубинашвили и Мари Броссе. «Не увидеть их, — замечает Александр Чкониа, — было бы так же убийственно для моего сердца, как если бы верующий католик направился в Рим помолиться и не смог бы увидеть там Папу».

Первый визит Чкониа решил нанести соотечественнику, Давиду Чубинашвили. Хозяин принял посетителя с грузинской добросердечностью и гостеприимством. Весьма интересная беседа произошла в рабочем кабинете профессора, в окружении его превосходной коллекции книг и рукописей. Поговорили об историческом прошлом Грузии, о некогда самостоятельном существовании грузинского царства, о людях культуры — Антонии-католикосе, Давиде-ректоре, Бесарионе Габашвили... На первых порах Давид Чубинашвили выглядел бодро и перед произносившимися с профессиональной четкостью словами его отступала старость и чувствовался молодой задор. Естественно, заговорили и о «Грузино-русско-французском словаре», недавно

законченном Чубинашвили и переданном им для опубликования Обществу по распространению грамотности среди грузин

В беседе незаметно прошло около двух часов, причем больше говорил хозяин, а гость, замороженный и логикой изложения, и теплом грузинской речи, по которому он истосковался, больше слушал. Затем Давид Чубинашвили предложил перейти в гостиную, где беседа продолжалась в обществе жены и детей профессора. Семья не понимала по-грузински и хотя хозяин, по естественной склонности грузин и, может быть, из патриотического рвения, продолжал обращаться к молодому человеку на родном языке, Александр Чкониа, повинувшись приличию, перешел на русский. Здесь уже речь зашла об общих предметах современности, о парижских и петербургских новостях. И хотя госпожа Чубинашвили старалась вести обычную светскую беседу, хозяин дома, конечно, не мог удержаться от углубления злободневных для него вопросов. Теперь заговорил он о Грузии современной, о новом искусстве, словесности, о чистоте языка. То ли хозяин устал, то ли гостю так показалось, но взору Александра Чкониа вдруг предстал человек, согбенный под тяжестью годов, изверившийся в сокровенных чаяниях, погасший. На глазах у гостя произошло непонятное и резкое превращение. В салоне «беседа осталась для меня, — запишет Чкониа, — настолько же обидной и болезненной для сердца, насколько приятным и интересным был разговор с господином Чубиновым о временах минувших. Трудно себе представить, какое отчаяние и безнадежность вырисовывались в словах г-на Чубинова, когда он говорил о нынешнем нашем положении и словесности».

Гость робко пытался возражать, называя имена писателей, драматургов, актеров, которыми, он был уверен, будут гордиться потомки. Но у профессора Чубинашвили возражения гостя вызывали лишь снисходительную улыбку.

Много позже, во время визита Чубинашвили в Грузию, Александру Чкониа удастся подробнее узнать взгляды ученого и уяснить для себя причину его скептицизма. Оказывается, Чубинашвили считает, что «грамматические формы грузинского языка разработаны очень хорошо, изменять или исправлять их нет необходимости. Разве что новые слова можно вводить в грузинский язык, а в иных изменениях он не нуждается». В конкретной литературной ситуации конца прошлого столетия, когда шла борьба между сторонниками обновления литературного языка и его

приближения к народному языку, во главе с Ильей Чавчавадзе и их противниками, ратовавшими за сохранение архаических и громоздких конструкций, Давид Чубинашвили оказывался на его роне консерваторов. Время же целиком подтвердило правоту новых грузинских писателей. Александру Чкониа, человеку, не вовлеченному непосредственно в литературную борьбу и смотревшему со стороны на происходившие процессы, изменения представлялись очевидными: на глазах нового поколения безнадежно устарел не только язык Антония-католикоса, но и язык Теймураза Багратиони. Этот процесс представлялся ему естественным и находил аналогию и подтверждение в европейских языках.

В тот вечер Александр Чкониа немного скомкал свой визит к Чубинашвили и в грустных и смятенных чувствах вышел от него. Дул пронзительный ветер, и он, преодолевая сопротивление, машинально направился в сторону Васильевского острова, где жил Мари Броссе. После Парижа Александр Чкониа оказался недостаточно тепло одетым для петербургской зимы: ноги коченели, мороз проникал сквозь одежду и острыми иглами вонзался в тело. До ближайшего моста через Неву было далеко, и Чкониа, с южной импульсивностью, решил идти прямо по льду реки. Одной рукой он плотнее прижимал к груди полу пальто, а второй придерживал шляпу. Не оставляло сомнение: «Стоит ли идти к Броссе или нет?».

Тем временем он оказался перед домом Академии. Дверь открыл сам хозяин. Как только молодой человек представился, Броссе улыбнулся и сказал:

— Вы, наверное, мингрелец?

Гость возразил.

Но Мари Броссе не мог отказаться от желания поделиться с ним своим наблюдением:

— Простите меня, но, знаете ли, почему я вам задал этот вопрос? Не знаю, известно ли вам, что ваша фамилия по-мингрельски обозначает определенную породу дерева?¹

Такое неожиданное начало сразу отогрело гостя от петербургской стужи и создало ощущение давнего знакомства.

Броссе пригласил гостя в дом. С первого взгляда семидесятипятилетний ученый казался немощным старцем. Однако стоило ему опуститься в кресло напротив Александра Чкониа и заговорить о любимом предмете, как лицо его преобразилось. На нем читались такое воодушевление и такой восторг, что посети-

¹ «Чкони» в мегрельском диалекте — «дуб». (ред.).

телем овладела полная иллюзия общения с двадцатилетним юношей. От слов Мари Броссе ощущение было такое, что общает не какие-то давно добытые им и уже неоднократно высказанные истины — от которых всегда немного тянет к зевку, — но только вчера обнаруженную новость, которой ему страстно хотелось поделиться с кем-нибудь. И вот этим желанным первым собеседником оказался он, Александр Чкониа.

Вначале настороженный, по мере развития беседы гость чувствовал себя все более непринужденно. Он радостно констатировал про себя, что по всем основным вопросам его взгляды полностью совпадали с мнением г-на Броссе. К тому же Броссе обогащал его знание родной литературы сообщением новых имен, фактов, понимающим и сочувственным отношением к ним. Хозяин пристально следил за реакциями собеседника и стремился найти в нем единомышленника, привлечь его на сторону своих соображений. В сознании молодого грузина вдруг со всей отчетливостью мелькнуло: «Мысли Броссе и Чубинова различны, как день и ночь». Мари Броссе с неослабным интересом следил за развитием грузинской литературы, историографии и с надеждой смотрел в будущее.

— Я рад, — сказал он гостю, — что грузины постепенно просыпаются от своей инертности и стремятся лучше изучить свое прошлое существование и, в то же время, улучшить нынешнее. Сейчас у вас у самих имеются такие люди, которые по-научному исследуют ваше историческое прошлое. Возьмем, к примеру, прекрасно зарекомендовавшего себя г-на Димитрия Бакрадзе, чье «Археологическое путешествие в Гурию и Абхазию» сейчас печатается здесь. Вы постепенно обогащаете вашу литературу хорошими книгами. Я ежегодно печатаю в изданиях Академии свои заметки и соображения о ваших новых произведениях.

Многого Мари Броссе не договаривал из скромности. Но ему действительно было свойственно не отделять будущего от настоящего, думать о лучшей жизни для людей. К чему иметь богатое и славное прошлое, если оно не окрыляет для создания лучшего настоящего и будущего? Грузии, которую на протяжении долгих лет он узнавал все лучше, Броссе желал возможно полного выявления себя, как пожелал бы своему любимому ребенку. И хотя все это не было выражено словами, настрой академика проявлялся и в интонации, и во взгляде. Говоря о новых прекрасных произведениях литературы, Мари Броссе думал и о

Гастон Буачидзе. Страницы жизни Мари Броссе.

повести Ильи Чавчавадзе, с колоритными персонажами которой он успел сжиться в процессе перевода.

Поговорить успели еще о многом другом, но преимущественно — и это показалось гостю симптоматичным — о нынешнем положении Грузии и ее культуры.

Дом Броссе, вспоминает Александр Чкониа, «я покинул в состоянии приятного волнения и восторга. Беседа с Броссе подняла во мне множество вопросов. Между прочим, думал я про себя: почему у этих двух знатоков нашей истории, господ Чубинова и Броссе, должно быть столь различное мнение о нашем нынешнем положении? Почему г-н Чубинов, а не г-н Броссе смотрит с таким отчаянием на наше настоящее и будущее? Почему у г-на Броссе, а не у г-на Чубинова есть надежда на нашу будущую судьбу?».

Размышляя над этим жгучим вопросом и в течение последующих лет, Александр Чкониа для себя нашел на него ответ в том, что Броссе «как француз, несомненно должен был быть воспитан с той мыслью, что постоянно все живое и, следовательно — также язык живого народа, находится в состоянии изменения и развития. Поэтому Броссе и смотрел с такой надеждой на нынешнюю нашу словесность и на ее будущее».

Конечно же, обобщение Александра Чкониа несколько наивно: недостаточно быть французом и получить французское воспитание, чтобы быть оптимистом и видеть диалектику развития. Ведь мольеровский мизантроп был тоже французом. Но полностью прав Чкониа в том, что касается конкретного француза: Мари Броссе. Он действительно пронес через годы твердую веру в силы и возможности грузинского народа и даже к концу своей жизни укрепился в этой вере. Доводы сердца для него подтвердились принесенными наукой положительными фактами, и Мари Броссе был рад разделить напрашивавшиеся из них выводы.

А для грузинской общественности, на примере Александра Чкониа, актуальными оставались не только результаты научных разысканий Броссе, но и его жизненная позиция.

Об актуальности научного наследия Мари Броссе после его смерти свидетельствует множество фактов.

В 1881 году с публичными лекциями о Шота Руставели и его творении выступил Акакий Церетели. Одну из таких лекций он прочитал 19 апреля в Кутаиси. В ней пользовавшийся всенародной любовью поэт, в частности, выразил свое сожаление по поводу того, что о Грузии мало упоминают во всеобщей истории. Откликаясь на эти слова, Илья Чкониа ссылается на труды

Мари Броссе и выражает надежду, что очень скоро настанет время, когда все признают справедливость слов, написанных двадцатилетним французом: «Грузия и грузины являются передовым рядом христианства и цивилизации в Азии». В словах этих критик усматривал признание вклада Грузии во всемирную цивилизацию, о недооценке которого говорил Акакий Церетели.

Особый интерес вызывает оценка научного наследия Мари Броссе со стороны его непосредственных продолжателей на ниве истории Грузии. Одним из них был Димитрий Бакрадзе. В 1883 году газета «Иверия» опубликовала начало оставшейся без продолжения работы Бакрадзе «Труд европейских ученых, в особенности Броссе, по выявлению источников по истории Грузии». Димитрий Бакрадзе отмечает заслуги Сен-Мартена перед зарождающимся в Европе грузиноведением и вкратце прослеживает жизненный и творческий путь его ученика Мари Броссе до его приезда в Петербург.

Некоторым завершением этой обрывающейся работы могло бы послужить начало другой статьи Бакрадзе, «Профессор Патканов и источники по истории Грузии», опубликованной в 7 и 8 номерах «Иверии» за 1884 год:

«Удивительна и достойна сожаления та роковая особенность, которая преследует дело изучения нашей истории. Прежде всего следует отметить, что еще не так давно ученые люди были убеждены, будто Грузия чрезвычайно бедна историческими материалами и будто если и располагаем мы чем-либо в этом роде, то и оно неловко почерпнуто царем Вахтангом из грузинских хроник. Однако, когда в 1822 году в Париже основали «Азиатское общество», один из его членов, известный Сен-Мартен убедил это общество в том, что Грузия не бедна историческими источниками, как обычно думают, и что их учет осветил бы историческое прошлое Востока». Далее Бакрадзе упоминает о поистине странном событии, если оно действительно имело место. «По предложению Сен-Мартена, — пишет он, — около пяти членов общества горячо приступило к изучению истории Грузии; однако, к сожалению, все они вскоре умерли; из них остался один только Мари Броссе...» Легендой о целеустремленном витязе, бросающем вызов судьбе, веет от этих слов.

Димитрий Бакрадзе продолжает: «Броссе своими трудами полностью подтвердил мнение Сен-Мартена. Броссе неожиданно обнаружил хроники разных лет, написанные по-грузински и по-

армянски. Он сопоставил их с европейскими и азиатскими источниками; исследовал местные археологические сведения, познал Европу с произведениями прошлых веков — рукописями, посвященными различным предметам; он рассмотрел множество гуджаров, грамот...»

Со смертью Мари Броссе, пишет Бакрадзе, вновь «остановилось поступательное движение» грузинской историографии. Говоря о том, что Броссе одному приходилось делать по изучению истории Грузии то, что в области истории других народов делало содружество многих ученых, Бакрадзе красноречиво заключает: «Правда, труды Броссе лишь положили основание исследованию грузинских источников, но основание это такого рода, что человек, который окинет взглядом написанное им, должен быть либо умственно ограниченным, либо умышленно закрывать глаза, чтобы не увидеть, какое богатство для будущих исследователей указывают они».

В словах Димитрия Бакрадзе и справедливая дань сделанному Мари Броссе, и оценка специалиста. Время и события подтверждали справедливость суждения грузинского историка. В 1886 году газета «Мцкемси», говоря о продолжающемся воздействии трудов Мари Броссе в ученом мире, отмечает, что «примеру французов последовали немцы»: появились работы, посвященные Грузии Артуром Лайстом, бароном Зутнером... Конечно, были и до Мари Броссе немцы, писавшие о Грузии. Но теперь, после основательных и разносторонних трудов французского ученого, уже никто в Европе не мог писать о Грузии, не принимая их в расчет. Волна интереса к маленькой кавказской стране распространилась и дальше в Европу. Вскоре живой и плодотворный интерес к Грузии проявят и англичане — брат и сестра Оливер и Марджори Уордроп. Последуют и другие. В Европе и в Америке ученые будут заниматься сравнительно молодой научной дисциплиной: картвелологией или грузиноведением. Ее духовным стцом по справедливости будет признан Мари Броссе.

В самой Грузии никто из будущих историков не обойдет основные результаты его трудов. В 1887 году молодой историк Мсэ Джанашвили, к мнению которого уже прислушиваются, отметит, что «начало основательному, добросовестному и беспристрастному изучению истории Грузии положил незабвенный Мари Броссе...» И далее: «Да, Броссе был беспристрастным, неутомимым тружеником, он превзошел всех наших историков, он воздвиг грузинскому народу вековечный памятник». И молодой грузинский историк перечисляет основные труды Броссе, отмечая их значение.

В 1901 году редактор выходившего в Тифлисе на французском языке журнала «Le Caucase illustré» Жюль Мурье обратился к городскому голове Евангулову с предложением воздвигнуть в Тифлисе памятник Мари Броссе и швейцарскому путешественнику Дюбуа де Монпере.

Ровно в сотый день рождения Броссе, 23 января 1902 года, должна была появиться в «Иверии» статья о нем. По технической причине — из-за временной приостановки работы типографии — статья «Мари Броссе» была напечатана на первой полосе «Иверии» за 25 января. Под статьей нет подписи, но, разумеется, вышла она в свет с одобрения главного редактора «Иверии» Ильи Чавчавадзе.

«Сочинения Броссе,—писала газета,—и сегодня должны постоянно находиться в руках у того, кто считает своим призванием исследовать наше прошлое. В этом смысле следует считать его духовными учениками таких наших историков, какими были, например, покойный Димитрий Бакрадзе, Димитрий Пурцеладзе, сегодняшние исследователи истории: профессор Александр Цагарели, Николай Марр, Александр Хаханашвили, Тэдо Жордания, Эквтиме Такаишвили, Мосэ Джанашвили и другие».

Так постепенно определилась литературная преемственность по отношению к творчеству Мари Броссе. В намеченном им направлении продолжал трудиться основной отряд исследователей исторического прошлого Грузии. Отмечая, вслед за другими, заслугу Броссе в деле ознакомления Европы с Грузией, газета добавляет: «Заслуга эта такова, что о ней никогда не должна забывать наша сознательная общественность и грузинская интеллигенция». В передовице высказывалось пожелание, чтобы перевели на грузинский язык и издали отдельной книгой одну из наиболее значительных работ Мари Броссе, и в качестве такой называлось его «Введение» к изданию «Картлис цховреба».

В траурной рамке на первой полосе «Иверия» от 1 марта 1902 года сообщала читателям, что «по инициативе Общества по распространению грамотности среди грузин 2 марта в грузинском католическом соборе Успения Богоматери будут отправлены богослужение и панихида по случаю столетия со дня рождения покойного историка-археолога Грузии Мари Броссе».

Как и предполагалось, религиозное торжество началось в половине двенадцатого дня и продолжалось один час. На богослужении присутствовали епископ Кирион, представители всех грузинских духовных и светских учреждений, консул Франции,

журналисты, ученые, писатели и множество народа. Свидетельством того, что вся мыслящая Грузия отдавала почести памяти Мари Броссе, было то, что в церкви находились сам Илья Чавчавадзе и известный литератор и общественный деятель Нико-
Николадзе.

Богослужение шло на латинском и грузинском языках. Прекрасно пел хор под управлением Захария Палиашвили, будущего основоположника грузинской классической оперы.

По окончании церемонии, в качестве председателя Общества по распространению грамотности, устроителя торжества, Илья Чавчавадзе направил министру народного образования Франции Жоржу Леги следующую телеграмму:

«Сегодня в присутствии множества людей и консула Франции Общество по распространению грамотности среди грузин справило в Тифлисе, в костеле грузинских католиков, по случаю столетия со дня его рождения, праздничную мессу и панихиду в поминавание души француза Броссе, члена парижского Азиатского общества и Российской Академии наук, выдающегося историка Грузии и распространителя истории Грузии на всемирном французском языке. Великий народ Франции создает великих людей не только для Франции, но и для всех народов. Привет Франции!».

Одновременно послали телеграмму Лорану Броссе, находившемуся в то время на русском дипломатическом посту в Барселоне.

Из Парижа поступила ответная телеграмма французского министра: «Восхищаюсь тем, что Ваше общество чтит память ученого Броссе. Рассматриваю оказанную Вами честь как новый знак тех дружеских связей, которые объединяют обе наши страны». Со своей стороны, Лоран Броссе телеграфировал из Барселоны: «Весьма тронут тем, что благородный грузинский народ чтит память моего отца. Прошу Вас передать Обществу по распространению грамотности среди грузин благодарность нашей семьи и мою личную признательность».

«Иверия» сообщила о состоявшейся 29 января в Петербургском университете, по просьбе грузинских студентов, лекции Николая Марра о жизни и деятельности Мари Броссе.

По ходатайству Общества по распространению грамотности Тифлисская городская управа решила переименовать улицу Водовозную в улицу Мари Броссе. И поныне эта улица, которая вьется параллельно главной артерии города — проспекту Руставели, — носит имя Броссе. За всеми этими инициативами стояла добрая воля Ильи Чавчавадзе.

На столетний юбилей Мари Броссе откликнулись и другие органы грузинской прессы. В «Цнобис пурцели» от 24 января 1902 года Д. Каричашвили поместил пространную статью «Мари Броссе и его деятельность». Перечисляя основные вехи жизни ученого, автор замечает относительно петербургского периода: «Броссе работал с великим прилежанием, писал увлеченно и с большой симпатией относился как к грузинам, так и к их языку, литературе и прошлому». Особо выделяет Д. Каричашвили старания Мари Броссе основать кафедру грузинского языка сначала в Париже, а затем — в Петербурге. Правда, в обоих случаях хлопоты не увенчались успехом, но для истории небезразлична сама постановка вопроса. Кроме того, Мари Броссе по собственной инициативе читал некоторое время в Петербургском университете лекции по грузинской филологии и по истории Грузии. И в этом он тоже оказался первым. «...Броссе брался, — пишет Каричашвили, — за все то, что имело какое-либо значение для истории и литературы Грузии. Он обращал внимание на каждый оставшийся след, на каждый новый материал и будил интерес к Грузии всего просвещенного мира посредством академических изданий». Каричашвили трезво заключает: «У его трудов есть немало мелких недостатков, что было неизбежно в такой поспешной и огромной работе, какой была работа Броссе, но эти недостатки легко будет исправить тем, кто следует по проложенному им пути. Броссе вдохнул жизнь в грузинскую историографию, заготовил для нее множество материалов и завещал другим растить и развивать одушевленную им науку». Новому поколению грузинских историков автор статьи желает «энергии, любви и преданности делу», присущих Броссе.

Жизнь Мари Броссе, оборвавшаяся в далеком Шательро, продолжалась на грузинской земле, где отныне ничему не дано было прервать ее. Один неожиданный штрих дружеским теплом завершил жизнь ученого и как бы связал ее конец с началом. На смерть Броссе откликнулась своеобразно и грузинская речь. Ученому, любившему вопрошать образный строй грузинских слов и охотно прислушивавшемуся к их этимологии, несомненно понравилось бы это неожиданное и деликатное совпадение: в то время как для европейцев месяц, оканчивавшийся последним в его жизни, был сентябрем, для грузинских газет он оказался... месяцем Мари, «мариамобистве». Так

август называется в грузинском календаре, с мыслью о боге-родице, о святой Марии. Рождению и смерти Мари-Фелисите сопутствовало все то же легкое недоразумение с женским именем. Но теперь оно вовсе не было досадным. Отныне грузинское слово, для вящей славы которого он трудился, приняло его в свое лоно и не умолкнет в нем эхо Шательро.

Благодаря множеству живых нитей, навсегда связавших Мари Броссе с деятелями старшего поколения — Теймуразом Багратиони и Александром Чавчавадзе, со своими младшими современниками и последователями Захарием Палавандишвили, Давидом Чубинашвили, Платоном Иоселиани, Дмитрием Мегвинетхуцесишвили, Дмитрием Бакрадзе, благодаря его неискрывшему интересу ко всем проявлениям грузинского духа — от Руставели до Ильи Чавчавадзе — Мари Броссе стал неотъемлемой частицей Грузии. И еще он навсегда стал проводником в Грузию для всех тех, кто из любознательности или по влечению сердца пожелает направиться к ней издалека.

Созданные по решению майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС агропромышленные объединения уже ведут большую плодотворную работу по успешной реализации Продовольственной программы страны. Эти объединения, являющиеся практическим воплощением идеи совершенствования управления отраслями агропромышленного комплекса, призваны обеспечить рациональное сочетание территориального и отраслевого принципа управления, укрепить районное звено, способствовать дальнейшему подъему сельской экономики. В этом отношении в Грузинской ССР накоплен значительный опыт, начало которому положил широко известный в стране «абашский эксперимент», осуществлявшийся еще с 1974 года. Кроме Абашского, несколько позднее сельскохозяйственные производственные объединения были созданы еще в 14 районах республики. Они явились прообразом сегодняшних РАПО — районных агропромышленных объединений и полностью доказали свою жизнеспособность и положительное влияние на рост и развитие сельскохозяйственного производства и всех отраслей агропромышленного комплекса. Корреспондент «Литературной Грузии» обра-

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
ПРОГРАММА
ЗАБОТА ВСЕНАРОДНАЯ

НЕ
ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ
НА
ПОЛПУТИ

БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИ-
ТЕТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕН-
НОГО ПРОИЗВОДСТВА ГРУ-
ЗИНСКОЙ ССР, ГЕРОЕМ СО-
ЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
ГУРАМОМ МГЕЛАДЗЕ

тился к Председателю Государственного комитета сельскохозяйственного производства Грузинской ССР, Герою Социалистического Труда Гураму Мгеладзе с просьбой рассказать о деятельности РАПО в республике, поделиться своими соображениями по вопросам дальнейшего совершенствования структуры управления отраслями агропромышленного комплекса.

ВОПРОС. Гурам Давидович, в чем уже проявились преимущества новой системы управления отраслями агропромышленного комплекса в нашей республике?

ОТВЕТ. Разговор об огромном положительном влиянии аграрно-промышленных объединений на производство сельскохозяйственных продуктов я хочу начать с конкретного примера. Гурджанский — один из ведущих в Грузии виноградарских районов. Здесь занимаются также полеводством, животноводством, овощеводством и бахчеводством, возделывают плодовые сады, производят в большом количестве посадочный материал для закладки виноградников, но главное внимание, бесспорно, уделяется развитию виноградарства.

Минувший год выдался для виноградарей Грузии, да и не только для них, крайне неблагоприятным. Стихийные бедствия следовали одно за другим, нанося непоправимый ущерб урожаю. И все-таки гурджаанцам удалось собрать в 1982 году 62 тысячи тонн винограда. Конечно, это намного меньше, чем планировалось (150 тысяч тонн), но это намного больше, чем было бы собрано (в условиях многократных градобитий) до того, как начали действовать районные аграрно-промышленные объединения. Что же помогло делу в экстремальных условиях?

Известно, что последствия стихийных бедствий необходимо по возможности максимально ликвидировать в самые сжатые сроки. Для этого нужна немедленная мобилизация трудовых ресурсов, техники, транспорта, ядохимикатов и других материально-технических средств в больших количествах. Все это и было успешно осуществлено гурджаанцами, как, впрочем, и в других подвергшихся градобитию регионах. И решающую роль в этом сыграли РАПО. Дело в том, что была обеспечена массовость проводимых мероприятий не только за счет колхозов и совхозов, в отношении которых только и были правомочны прежние райсельхозуправления, но и за счет многих других предприятий и организаций, ныне входящих в РАПО на правах партнеров.

Во многом преодолению последствий стихийного бедствия способствовало также и рациональное, оперативное применение специального централизованного резервного фонда объединения.

Это позволило вернуть виноградники на больших площадях в нормальное состояние и создать основу для высокой их урожайности в нынешнем году.

Конечно, стихийные бедствия бывали и прежде, и борьба за ликвидацию их последствий, как и нынче, проходила под руководством райкома партии, но сейчас появилась возможность задействовать такие преимущества РАПО, как резервный фонд и ряд других экономических рычагов, имеющих в арсенале аграрно-промышленных объединений.

В течение ряда лет узким местом в районе была переработка плодов и овощей на местном консервном заводе, построенном еще в пятидесятые годы. На совете объединения в 1982 году было решено ликвидировать это узкое место. С первых же дней нового, 1983 года здесь уже разворачиваются работы по реконструкции предприятия за счет фонда расширения производства.

Далее. В том же Гурджаанском РАПО эффективно использовали фонд материального стимулирования труда животноводов, в результате чего резко возросли надои молока, вес и кондиция снимаемого с откорма скота. Так, например, средний сдаточный вес каждого бычка возрос до 327 килограммов. Убыточно работавшее со дня своего основания в 1974 году откормочное хозяйство закончило 1982 год с прибылью более 50 тысяч рублей при планировавшемся убытке в 400 тысяч рублей.

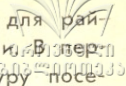
В районе действует межхозяйственный комбикормовый завод. Однако его успешной работе мешает отсутствие постоянных квалифицированных кадров. Совет объединения решил направить средства фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства на сооружение благоустроенного 24-квартирного жилого дома поблизости от предприятия. За это решение охотно голосовали работники не только данного завода, но и других организаций—партнеров по РАПО. И это понятно: новоселами станут также и труженики ряда предприятий, в одиночку вряд ли осиливших бы строительство жилья.

ВОПРОС. Является ли объединение денежных средств партнеров в рамках РАПО основным рычагом успешной их работы?

ОТВЕТ. Создание и рациональное использование в интересах партнеров централизованных фондов — одно из важных, но не единственное преимущество новой формы управления в районном звене. В том же Гурджаанском районе, использовав принцип планирования производства непосредственно в колхозах и

Не останавливаться на полпути.

совхозах, задалась целью вывести непрофилирующую для района отрасль — животноводство — на передовые позиции. В первую очередь укрепили кормовую базу, улучшив структуру посевов. Было завезено на фермы свыше 800 голов породистых телок из Латвии, начато строительство четырех коровников на 200 голов каждый, широко внедрены прогрессивные формы материального поощрения доярок и скотников, проведен ряд других мероприятий. Эти усилия увенчались успехом: животноводы района удостоились республиканского переходящего Красного знамени по итогам 1982 года.

Примеров успешной работы аграрно-промышленных объединений, кроме Гурджаанского, можно привести много. К числу передовых РАПО, где обеспечена слаженная многообразная полезная деятельность партнеров по агропромышленному комплексу, относятся Абашское, Махарадзевское, Гардабанское, Цхакваевское, Зугдидское, Ланчхутское, Гагрское, Кобулетское, Горийское, Каспское, Сагареджойское, Дманисское, Ленингорское и многие другие объединения.

ВОПРОС. Как известно, природно-климатические условия Грузии, ярко выраженная вертикальная зональность и другие факторы создают весьма различные возможности для ведения хозяйства в разных регионах республики. Это и приводит к большой пестроте экономических показателей в деятельности колхозов и совхозов. Было бы интересно, Гурам Давидович, узнать о роли и влиянии РАПО в этом деле.

ОТВЕТ. Объединения ведут последовательную работу по укреплению экономики убыточных и низкорентабельных хозяйств в горных и предгорных регионах. Вследствие специфичности природно-климатических условий республики у нас еще сохраняется около 300 отстающих хозяйств, или 22 процента от общего количества. Наличие контрастных условий по рентабельности отдельных продуктов позволило перераспределять чистый доход между высокорентабельными и убыточными хозяйствами. В результате за ряд лет перераспределено 220 миллионов рублей и резко сократилось количество убыточных и низкорентабельных колхозов и совхозов.

Главное преимущество такой практики состоит в том, что в экономически слабых хозяйствах увеличивается производство сельскохозяйственных продуктов. В значительной мере этому способствуют и созданные в рамках РАПО централизованные стимулирующие фонды, в которых в минувшем году было аккумулировано 45 миллионов рублей. По решению совета объединения эти средства могут направляться либо в отдельные хозяйства,

либо на создание производства общего пользования, как это видно из приведенных выше примеров.

В числе осуществляемых Госкомитетом сельскохозяйственного производства Грузинской ССР мероприятий комплексного плана по улучшению экономической работы на селе на 1982—1985 годы — изучение экономики отдельных хозяйств; оказавшееся весьма эффективным детальное рассмотрение планов социально-экономического развития районов на совместных заседаниях коллегии Госкомитета и бюро райкомов партии; республиканские смотры экономических и бухгалтерских служб колхозов и совхозов; повышение материальной заинтересованности работников этих служб и др.

Следует отметить, что в результате проведения этих и других мероприятий рентабельно завершили 1981 год 85 процентов колхозов, 63 процента совхозов, тогда как в целом по стране процент рентабельности хозяйств не превышает соответственно 49 и 41 процент. По предварительным данным, и минувший год был в этом смысле удачным.

ВОПРОС. Какие новшества осуществляются в системе агропромышленного комплекса, так сказать, в организационном плане, с точки зрения применения новых форм организации и оплаты труда?

ОТВЕТ. В 1982 году в порядке эксперимента в Абашском и Цхакаевском РАПО осуществили безнарядно-бригадную систему организации труда. Была введена аккордно-премиальная система оплаты труда с повременным авансированием, естественно, в увязке с количеством и качеством продукции. В Абашском районе за комплексной бригадой Маранского спецотделения Грузгоскомсельхозтехники из 10 человек закрепили 1000 гектаров земли для возделывания кукурузы на зерно, сои и фасоли. Производство продукции с гектара земли в результате этого возросло на 60 процентов, а затраты на ее производство снизились более чем вдвое. Характерно, что до введения безнарядной системы оплаты труда, куда, кстати, входит и натуроплата зерном, общие затраты на обработку 1000 гектаров площади составляли 1 миллион 7 тысяч рублей, а при безнарядно-бригадной системе — всего 458 тысяч рублей. Количество работающих сократилось со 138 до 10 человек, расход заработной платы — почти втрое, выход продукции на одного работающего возрос в 9 раз. Себестоимость 1 центнера кукурузы при новой форме

Не останавливаться на полпути.

составила 9 рублей 80 копеек против прежних 16 рублей 56 копеек. Аналогичные результаты получены и в Цхакаевском РАПО.

В некоторых районах республики с учетом вертикальной зональности в порядке эксперимента в 1982 году была применена новая организационная форма уборки урожая колосовых с помощью комплексных уборочно-передвижных бригад. Созданная, например, в Сигнахском районе такая бригада в составе 35 человек десятью комбайнами убрала урожай зерна в 22 хозяйствах семи районов Грузии на площади 5110 гектаров. Рациональное использование техники позволило максимально сократить простои и довести выработку на один зерноуборочный комбайн до 511 гектаров против 130 в среднем по республике. Расходы в расчете на один гектар сократились до 40 процентов, а урожайность на 2,7 центнера превзошла средний уровень по этим районам. Уборочно-передвижная бригада в Тетрицаройском РАПО добилась выработки на каждый комбайн в 540 гектаров за сезон.

Таким образом, передвижные комплексные уборочные бригады эффективно использовали технику в пиковый период, в сжатые сроки убрали урожай, значительно снизили потери зерна, более чем в 3,6 раза увеличили сезонную выработку комбайнов.

Итоги 1982 года показали высокую результативность безрядно-бригадной формы организации и стимулирования труда вне зависимости от погодных и климатических условий. Эта форма взята на вооружение нашими РАПО и в нынешнем году в соответствии с разработанными инженерными проектами будет внедрена не менее чем в 20 различных регионах республики.

ВОПРОС. Партия нацеливает нас на активный поиск резервов для скорейшей реализации Продовольственной программы. Наверное, новая форма управления отраслями АПК позволяет придать этому делу еще более целенаправленный характер. Что делается в этом плане нашими РАПО?

ОТВЕТ. Одной из важнейших задач по реализации Продовольственной программы для районных аграрно-промышленных объединений Грузии является расширение масштабов кооперирования личных подсобных хозяйств с общественными для производства продуктов животноводства. В Абашском, Махарадзевском, Гардабанском, Дманисском, Каспском и других районах республики накоплен неплохой опыт производства свинины, говядины, молока, птичьего мяса на началах кооперирования. В Абашском районе, например, за три года население продало государству дополнительно 4200 тонн свинины. В настоящее время

мя здесь количество заключенных договоров на кооперирование удвоилось и приближается к пяти тысячам с тем, чтобы к концу пятилетки довести годовую дополнительную продажу государству мяса до пяти тысяч тонн без капитальных вложений. Чтобы производить такое количество мяса, потребовалось бы построить комплекс на 54 тысячи свиней сметной стоимостью 34 миллиона рублей, а на строительство и освоение его ушло бы примерно 10 лет. И еще пример для сравнения. На 1 центнер привеса в общественных хозяйствах Грузии затрачивается 10 центнеров кормоединиц, в целом по республике — 11,8, в передовом Гиоргицминдском свиноводческом комплексе — 8,5 центнера. А там, где применяется кооперирование личных подворий с общественными хозяйствами, обходятся всего 4—5 центнерами кормоединиц на 1 центнер привеса.

По нашему глубокому убеждению, кооперированием нужно грамотно управлять, начиная с самых высоких инстанций — от Госплана СССР до конкретной практической работы с каждым сельским двором на местах. Планирующие органы должны, на наш взгляд, изыскать возможность увеличить выделение комбикормов для тех регионов, которые, участвуя в общесоюзном разделении труда, производят в основном ценные многолетние культуры и не обеспечены зерном собственного производства. Эти дополнительные объемы, в частности, в Грузии могли бы целевым назначением выделяться для кооперирования. Точный расчет говорит, что каждые дополнительно выделенные 100 тысяч тонн комбикормов дадут при этих условиях 25 тысяч тонн дополнительного мяса.

Личные подсобные хозяйства—составная часть общественного хозяйства, и ими надо управлять, руководствуясь этим положением. А чтобы успешно это осуществить, настала пора привести в соответствие действующие нормативные акты.

ВОПРОС. Гурам Давидович, с созданием РАПО во всех отраслях агропромышленного комплекса дела, как показывают результаты, пошли лучше. Значит ли это, что найденная на данном этапе оптимальная форма управления позволила решить все связанные с этим проблемы и вопросы?

ОТВЕТ. Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями о дальнейшем совершенствовании управления сельским хозяйством в системе агропромышленного комплекса. Успешная деятельность РАПО после решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, а в Грузинской ССР—за ряд лет в порядке эксперимента, ставшего

Не останавливаться на полпути.

опытом и одобренного Центральным Комитетом нашей партии, ясно показывает, что найдена новая мобильная форма для оптимального сочетания отраслевого и территориального принципов управления. Новая модель управления производством проверена практикой и стала в Грузии частью экономической жизни республики.

Но тот же опыт работы РАПО показал, что образовалось определенное несоответствие между районным и республиканским уровнями управления.

Сейчас для многих уже стало ясно, что успех РАПО прямо зависит от формирования всех отраслей агропромышленного комплекса в единый производственно-хозяйственный механизм. Создание его — дело нелегкое, но вполне достижимое.

На ноябрьском (1982 г.) Пленуме Центрального Комитета нашей партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов сказал: «Следует без раскачки переходить к решению новых задач, рассматривая их в тесной увязке с коренными направлениями развития агропромышленного комплекса, имея в виду, что речь идет именно о комплексе, где второстепенных задач нет». Сегодня районное объединение стало организационной формой единого управления АПК. Но ведь входящие в него предприятия и организации продолжали сохранять ведомственную подчиненность. Следовательно, имел место и ведомственный подход, отнюдь не всегда отвечающий интересам сельского хозяйства. Поскольку сельское хозяйство — главная отрасль АПК, смысл всех осуществляемых мероприятий в том-то и состоит, чтобы создать благоприятные условия для неуклонного роста производства продукции именно в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях.

Практика убедительно показала, что чем больше управленческих функций будет передано от министерств и ведомств районным агропромышленным объединениям, тем ритмичнее они будут работать. Между тем первые результаты деятельности РАПО говорят о том, что министерства и ведомства по-прежнему непосредственно управляли своими предприятиями и организациями, минуя РАПО. Получается, что объединения мы создали без необходимых управленческих функций, а это во многом ухудшало положение сельскохозяйственного производства и мешало укреплению авторитета, роли и влияния объединения как органа единого управления.

Будем откровенны: отношения предприятий и организаций двойного подчинения с РАПО в основном были ограничены выделением средств на содержание аппарата и участием в форми-

ровании централизованных фондов, которое к тому же нередко осуществлялось в принудительном порядке. Следует прямо признать, что мы в этом деле остановились бы на полпути, сохранив ведомственную подчиненность обслуживающих отраслей, и в районном звене мы имели бы механическое объединение, а не единый орган управления.

Неправильно, на наш взгляд, решался и основной вопрос единой системы управления, касающийся подчиненности РАПО, которое согласно Типовому положению должно подчиняться райисполкомам и в нашем случае — Совету Министров республики. В условиях, например, Грузии, где не сохранены районные управления сельского хозяйства, это означало, что республиканское Министерство сельского хозяйства юридически не имело на местах своих органов. Такая ситуация, когда один и тот же аппарат, один и тот же руководитель одновременно выполняет функции двух органов и подчиняется двум ведомствам, неминуемо привела бы к путанице и неразберихе. Да и вообще непонятно, каким образом РАПО — орган хозяйственного управления — может непосредственно подчиняться правительству республики.

Теперь, после того как Политбюро ЦК КПСС одобрило исходившие от ЦК Компартии Грузии предложения по совершенствованию управления сельскохозяйственным производством, эти вопросы решены положительно. Грузия вновь стала гигантским полигоном, на котором начал набирать силу новый эксперимент в масштабе всей отрасли. У нас в республике упразднены министерства сельского хозяйства, мелиорации и водного хозяйства и Грузгоскомсельхозтехника. На их базе создан Государственный комитет сельскохозяйственного производства Грузинской ССР, который призван осуществлять единую политику на селе в масштабе республики и отрасли. И РАПО являются уже непосредственными органами нового Госкомитета на местах. Нет больше и ведомственной разобщенности между службами сельскохозяйственного производства, мелиорации и водного хозяйства и сельхозтехники.

В своей речи на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов подчеркивал, что «необходимо создать такие условия..., которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость. И наоборот, плохая работа, бездеятельность, безответственность должны са-

---

Не останавливаться на полпути.

мым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграждении, и на служебном положении, и на моральном авторитете работников». В этой связи нам представляется весьма актуальной проблема повышения материальной заинтересованности работников сельского хозяйства. Убежден, что внедрение смелых дифференцированных форм материального поощрения с приданием большей самостоятельности в этом деле местным органам — подлинное веление времени.

Что же, по нашему мнению, необходимо сделать? Грузия делом доказала, что многообразие природно-экономических зон позволяет отрабатывать здесь различные модели социально-экономических экспериментов, приемлемые для широкого распространения по многим регионам страны. Мы считаем целесообразным получить «добро» и на то, чтобы применить в порядке очередного важного эксперимента дифференцированную систему мер материального стимулирования работников сельского хозяйства, в частности более смелую оплату их труда натурой. Это, бесспорно, повысит их заинтересованность в конечных результатах, будет способствовать успешной реализации Продовольственной программы.

И наконец, о расширении самостоятельности объединений, предприятий, колхозов и совхозов, о чем тоже говорилось на ноябрьском Пленуме. Сейчас хозяйственные руководители скованы десятками регламентаций, они не вольны действовать самостоятельно, а лишь выполняют спускаемые «сверху» задания по каждому показателю. До каких пор работники Госкомитета, Госплана будут «учить» своими директивами руководителей хозяйств, специалистов, практиков на местах, где и что у них лучше растет, в какие сроки им пахать, сеять и проводить те или иные работы? А сколько времени отнимают у них бесконечные совещания, заседания и прочие мероприятия! Ведь подчас складываются даже курьезные ситуации. Не так давно мне довелось побывать в колхозе села Наразени Зугдидского района. Здесь вырастили хороший урожай кукурузы — 50 центнеров зерна на круг. В ответ на мою похвалу председатель колхоза Михаил Ломая не без иронии рассказал, что в период посевной кампании, чтобы его не вызвали в районные и республиканские инстанции, всеми правдами и неправдами «выбил» себе отпуск, но отдыхать не поехал, а провел его на поле, с механизаторами. На всех совещаниях представлял его заместитель. А сам он в это время, находясь, так сказать, «в подполье», организовывал работу, следил за ее качеством, постоянно бывал с людьми.

ми, и положительные результаты не замедлили сказаться. Вот на какие уловки иной раз мы сами вынуждаем идти наших работников!

Колхозное крестьянство Грузии, сельский рабочий класс, интеллигенция сделают все, чтобы претворить в жизнь предначертания XXVI съезда нашей партии, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС, успешно взять в сердцевином году пятилетки новые высокие рубежи.

ВОПРОС. Гурам Давидович, серьезный и успешный опыт руководства сельским хозяйством побудил Вас и к литературному творчеству. Читателям «Литературной Грузии», думаю, будет небезынтересно узнать о Ваших успехах на этом поприще.

ОТВЕТ. В прошлом году в издательстве «Сабчота Сакартвело» вышла моя книга «Попытка, ставшая опытом (Записки секретаря райкома)» на грузинском языке, в которой я постарался изложить свои мысли и соображения о создании, совершенствовании и практическом осуществлении новой формы управления, рождавшиеся в процессе моего девятилетнего руководства Абашским райкомом партии и проводимого там эксперимента. Эта книга, вызвавшая довольно широкий интерес и немало одобрительных откликов, была моим первым литературным опытом.

Сейчас готовится к изданию новый вариант книги, предназначенный для русского читателя. В ней будет не только проанализирован и осмыслен опыт «абашского эксперимента», но и многое из того, что открылось для меня сейчас, в процессе деятельности на посту министра сельского хозяйства, а с недавних пор председателя Госкомитета сельскохозяйственного производства Грузии. Я не мог не высказать свои соображения по вопросам практического осуществления новой формы управления отраслями агропромышленного комплекса в масштабах республики и страны.

Теймураз ДОИАШВИЛИ

ИСКУССТВО, ЖИВУЩЕЕ ВО ВРЕМЕНИ

ДЕБЮТ Нугзара Шатаидзе в своем роде был парадоксален — привлечение писатель, чье творчество вполне уместается в рамках традиций. Такого внимания, как правило, удостоиваются те, кто приносит в литературу новый материал, своеобразное видение действительности, стилистические новшества. А Нугзар Шатаидзе фактически без художественно-тематических новаций создал такие рассказы, которые не оставили читателя равнодушным. Несмотря на близость к известному стилистическому потоку грузинской прозы, было в этих рассказах и какое-то оригинальное, самобытное начало, однако не лежащее на поверхности и не бросающееся в глаза, а сокрытое, едва уловимое.

Нугзар Шатаидзе — автор коротких рассказов. Самые пространные из них редко превышают пять-шесть страниц. В них нет широкой, эпической разработки темы. Да и событие не имеет для писателя первостепенного значения. Даже такая фабула, которая содержит в себе возможности раскрытия или осложнения сюжета, преподносится сжато, концентрированно. Автор удовлетво-

ряется обрисовкой одной-двух сцен или картин, точной организацией деталей.

Структура прозы, как правило, создается двумя основными компонентами: описанием и повествованием. Обычно в тексте они сменяют друг друга. Только большим мастерам удается добиться их слияния, взаимопроникновения, когда описание содержит элементы повествования с характерным для него динамизмом, а само повествование уживается с описанием-отображением, отмеченным печатью статичности.

В шатаидзевской прозе условно вырисовываются три типа композиционной организации материала: пейзаж, картина или сцена и комбинация пейзажа и картины (сцены). Исходя из этого, смело можно сказать, что писателю внутренне близка манера описания с подчиненным ему повествовательным началом. Но более существенно нечто другое. В рассказах Н. Шатаидзе сменяют друг друга не эпизоды, где действие развивается во времени, а именно СЦЕНА и КАРТИНА, в которых действие пространственно локализовано. Время же неизменно — повествование всегда ведется в настоящем времени. Ограничены также пространство и место действия — это разыгранная перед нами сцена, живая картина.

На мой взгляд, проза Н. Шатаидзе по своему принципу композиционной организации материала более близка к живописи, чем собственно к прозе. Действие, изображение здесь строится скорее в пространстве, тогда как проза безраздельно связана с представлением о времени.

Конструктивный принцип живописи, разумеется, не ограничен для прозы и даже чужд ей, однако в рассказах рассматриваемого автора не чувствуется принуждения, искусственности материала. Причина этого в интуитивном или сознательном, но почти безошибочном отборе таких тем, при разработке которых проза естественно ориентируется на живопись. Как уже было сказано, это — пейзаж и ограниченная пространством жанровая картина, переданная повествованием в настоящем времени. Композиция рассказа создается либо каждым из этих элементов в отдельности, либо их комбинацией. С этой точки зрения типичны, как образцы пейзажной прозы, с одной стороны, «Главное место», «Накануне зимы», а с другой — «Картина», «В пекарне», как композиции, осуществленные в ограниченном пространстве. Пример слияния пейзажа и картины — рассказ «Осень».

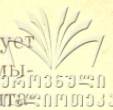
Как пейзаж, так и жанровые сцены писатель рисует умелой рукой мастера. Для его пейзажей характерны четкость изображения, точность деталей, стремление к словесному репродуцированию физических параметров картины. За показной объективностью описания ощущается настроение автора. Природа отражает душевное состояние художника. Вот один из образцов искусства пейзажа Н. Шатаидзе:

«В сентябре жара становится терпимой. Небо — более глубоким и лазурным. Река очищается и вяло несет свои мягкие горчичные волны. В прозрачной воде хорошо видны оклизлые плоские камни. В воздухе носятся запахи мокрых листьев и рыбы. Прохладно в прибрежном лесу. Коричневый мох колышется у оснований деревьев. В опаленной траве скачут большие кузнечики. Сойки и хвостатые сороки трещат на всю округу. Выше, на плато, и за ним, в золотистой жнивье причитают жирные перепелки. Село тоже преобразилось — сады и виноградники словно покрылись налетом ржавчины. На проселочной дороге носится благоухание осени. Ореховые деревья уже потрясли, на земле валяются желтые листья и черная наружная скорлупа. Почти в каждом дворе на ивовых плетенках разложены сушеные яблоки и персики. А на столбах балконов висят нанизанные на нитки орехи для чурчхел. Вдали, южнее, узкая полоска леса подернута ржавчиной».

Этот пейзаж увиден наблюдательным человеком. Его внимание к формам предметов, особенно к цвету, и, что самое главное, способность найти и передать основной тон, настроенные картины природы не вызывают сомнения. Иногда детали и даже отдельные нюансы настолько емки, что полностью заменяют описание. Примером этого может служить хотя бы такой прекрасный образ предзимнего пейзажа, как «ожившие склоны», или такой красноречивый штрих летнего пейзажа, как «черная опушка леса светится желтизной кизила...»

Пейзажи Н. Шатаидзе очень конкретны, как бы осязаемы физически. Рисуя картины природы, писатель порой достигает такого обобщения, когда созданное им изображение приобретает символическое звучание.

В современной грузинской прозе много и хорошо написано о судьбе горных селений. Грузия обратила, наконец, взор на обезлюдившие горы, и в этом немалая заслуга грузинской литературы. При таком положении вещей писать на эту тему, не найдя своеобразной формы, одинаково опасно и для темы, и для автора. В рассказе «Хранительница очага» Н. Шатаидзе нигде не касается этой проблемы непосредствен-

но. Без всякой риторики и высокопарности он лишь рисует пейзаж, достигая при этом такой степени эмоционально-словой концентрации, художественного обобщения, что читатель чувствует затаенную между строк боль.

Проблема грузинской деревни еще более остро и болезненно поставлена в рассказе «Крапивой поросло покинутое жилище». Это элегия о брошенной деревне, о покинутой всеми одинокой старухе, о гибели села, о «разоренных гнездах», заросших крапивой. Вот два художественных образа, характерных для описываемой ситуации: «Село, подобно усопшему, никем не оплакиваемому, было погребено в снегу»; «Все село походило на разошедшуюся, непригодную бочку, и старуха жила в этой старой бочке так, как летучая мышь в облюбованном ею темном дупле». Первое сравнение отражает объективную действительность, а второе характеризует взаимоотношения села с его единственным обитателем. Старуха борется с крапивой, которая с поразительной быстротой покрывает окрестность, однако борьба эта безысходна. И прежде всего потому, что старуха одинока и слаба. Кроме того, ее связь с селом уже нельзя назвать любовью. Это скорее всего инстинктивная преданность летучей мыши облюбованному месту.

Странен и неожидан финал этого традиционного рассказа. Поднявшиеся в село люди насильно увозят старуху в город. Связанная, сидит она на арбе и истошно вопит, как вдруг «нежданно появившийся на белом коне всадник» освобождает и похищает ее. Это недвусмысленное указание на всадника на белом коне и чудесное спасение старухи рождает некую абстрактную надежду — возрождение поросшего крапивой села, которое в свое время было разорено бессердечными чиновниками, подобно описанному в рассказе же «незнакомцу», возможно только в результате чуда.

Что наболело в проблеме грузинского села, что произошло такое непоправимое, что потеряно столь безвозвратно? На этот вопрос у социологов есть научно обоснованный ответ. Но не думаю, чтобы главная причина боли была бы названа более точно, чем в рассказе Н. Шатаидзе «Ожидание». В этом произведении писатель прибегает к условности. Однако эта условность, точнее, условно-символический образ так конкретизируется при повествовании, что трудно разобратся, имеем ли мы дело с действительно условно-симво-

---

Теймураз Доишвили. Искусство, живущее во времени.

лическим образом, или здесь действует реальный персонаж произведения.

ЛЮБОВЬ оставляет деревню. Тайком пробирается она ночью по узкой проселочной дороге. В повествовании ЛЮБОВЬ персонифицируется в образе прислуги, что является своеобразным способом достижения художественной правды. Деревню покидает ЛЮБОВЬ! Одна эта фраза вмещает все то, что хочет сказать автор. Съездившись, сидит бедняжка ЛЮБОВЬ на окраине села, ожидая появления милосердного человека. ЛЮБОВЬ покидает деревню! — вот исток негативных перемен, результатом которых явилась миграция. Исчезла любовь к земле, труду, вообще ощущение радости бытия, а без всего этого деревня существовать не может. Вернуть селу ЛЮБОВЬ! — вот в чем спасение.

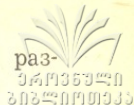
Однако вернемся к началу разговора и обратимся ко второму основному виду композиции — жанровой сцене.

В рассказах Нугзара Шатаидзе присутствуют художественно разработанные отдельные фрагменты сельской жизни. Бытовые сцены, созданные писателем, настолько естественны и точны, а уровень поэтизации действительности настолько высок, что эти простые фрагменты получают право на самостоятельное существование. Иллюзия реальности, отличающая произведения Н. Шатаидзе, достигается не просто. В большинстве случаев автор пользуется этой своей способностью весьма целесообразно, то есть решая творческие задачи. Хотя при чтении некоторых рассказов («Птица», «Град», «Село») создается впечатление, будто писатель несколько самонадеян, демонстрирует свою технику.

К счастью, Н. Шатаидзе не удовлетворяется созданием поэтических дубликатов действительности. В его маленькие рассказы, где очерчены грани не только географической среды, но и временные и пространственные грани повествования, естественно и непосредственно входят большие темы, и притом так, что не явления или ситуации конкретизируют общие идеи, а сама идея вырастает из жизни и дает почувствовать конкретное содержание страха, смерти, любви, добра и надежды.

В рассказе «Встреча» дается ничем не примечательная картина из сельской жизни: рубят старое ореховое дерево. Во дворе хлопочут мужчины. В доме женщины накрывают стол. Этот простой фрагмент в рассказе получает смысловую нагрузку, углубляется, в результате чего происходит не

репродуцирование действительности, а концептуальная раз-
работка материала.

Во «Встрече» описаны две смерти — дерева и старухи. (Такая параллель не чужда литературе. Для этого достаточно вспомнить «Три смерти» Л. Толстого). В произведении Н. Шатаидзе эти явления внешне ничем не связаны между собой. Здесь только совпадение — старуха скончалась во время рубки орехового дерева. Однако, несмотря на отсутствие внешней близости, между этими фактами существует внутренняя связь, выраженная в произведении посредством параллелизма, что, в свою очередь, создает возможность для сравнения и противопоставления.

Есть в этих двух смертях нечто схожее, даже тождественное, — оба, и человек и дерево, умирают тихо, безропотно, красиво. Но в этом сходстве проглядывает и глубокое различие. Дерево умирает тихо и безропотно потому, что для него смерть остается непознанной («Право, не могло же оно знать, что должно быть срубленным»). И смерть старухи очень схожа со смертью благородного дерева — и здесь есть нечто стихийное, какой-то естественный переход от бытия к небытию. Старуха-труженица — душой и телом дитя природы, принимающее как должное ее неизбежный закон. Просто, молча смотрит она в глаза смерти. В ее сознании смерть даже обретает некую своеобразную красоту, созданную иллюзией встречи с уже ушедшими из этого мира. Старуха уходит из жизни без страха и мук. Это есть преодоление смерти человеком, его возвышение над нею. Так из внутренней логики сюжета непринужденно вытекает позиция автора.

Приведенная параллель указывает и на то, что он видит нечто общее между неодушевленными и одушевленными предметами и мыслит их как части какого-то большого целого. Такие рассказы, как «Лиса», «Волк», «Крот», свидетельствуют о том, что Н. Шатаидзе обеспокоен отчуждением человека от окружающей природы, обусловившим бессмысленную жестокость и беспощадность по отношению к окружающей его среде. Природа едина, цельна, гармонична, и голодная лиса или греющийся на солнце крот так же имеют право на существование в этом мире, как и человек.

Способность Нугзара Шатаидзе придавать простым жизненным событиям идейную, смысловую глубину ярко проявилась также в рассказе «Шакриа и Шала».

Поздней осенью, в скверную погоду Шакриа везет из лесу дрова. Поравнявшись с домом своего крестного — Шала, он замечает, что у того кончились дрова. Неожиданно какая-то неосознанная мысль пронзила его, и он разгрузил дрова во дворе крестного. Вот и вся история. Читатель, разумеется, легко проникает в замысел автора — это еще один рассказ о добре, о радости, доставленной добром. Однако как донесен этот замысел до читателя?

Шакриа идет по разбухшей от дождей дороге и думает: «Все же что это было, как устроен этот благословенный мир... В ожидании чего-то хорошего проходила человеческая жизнь... Шел он обычно домой. Нет, сначала заходил к Шала, и шли они вместе домой. А там хорошее вино, хорошие квашенья, лобно, хлеб и открытое сердце. Неужто это и было все?!»

Так естественно, непринужденно входит в рассказ извечная общая проблема: что есть наша жизнь, наше бытие. Но в то же время это не только общая проблема, так как она увидана конкретной личностью. «Неужто это и было все?!» — задается вопросом Шакриа, и мы видим человека, возвысившегося над утилитарным понятием жизни, который не просто физически существует, но и задумывается над ее смыслом.

На поставленный вопрос у Н. Шатаидзе, разумеется, нет оригинального ответа. Писатель верит, что существование человека оправдано, если он творит добро. Добро — внутреннее свойство человека, и поступок Шакриа — инстинктивное проявление добра. Автор так конкретно передает чувства и переживания персонажа, что известный ответ приобретает своеобразную, новую окраску.

Его писательская интуиция проявилась еще в одной детали этого рассказа. Автор, разумеется, мог закончить произведение застольем Шакриа и Шала, однако он чувствует, что даже при самой естественной разработке этой проблемы следует внести какой-то нюанс, смысловой или настроенческий, в противном же случае все труды будут тщетны. И Н. Шатаидзе предлагает нам интересный финал: во двор к Шала на большом грузовике привозят дрова. И дрова Шакриа, с таким трудом добытые в тот день, совсем затерялись среди поленьев, распиленных по размеру печи.

16435340
302 010333

Автор очень точно передает душевное состояние Шакриа. Добро как бы поблекло. Шакриа «стоял и молча наблюдал за хлопотами людей. Какая-то непонятная печаль медленно овладевала им. Затем потихоньку пробрался к калитке и, не оглядываясь, побрел по разбухшей дороге»... Такая смена настроения обогащает общую идею смысловыми обертонами, придавая ей особую жизнеспособность.

Как уже говорилось, сознательное или неосознанное использование конструктивного принципа живописи обуславливает изобилие в прозе Н. Шатаидзе пейзажей и жанровых картин. Несмотря на то, что благодаря этому принципу является особенность таланта писателя, нельзя не почувствовать непривычную для прозы скованность в выборе материала. Суживается объект описания, в результате чего многообразные явления действительности остаются вне художественного усвоения. Ниже, анализируя три рассказа, входящие в один цикл, я пытаюсь показать, какой результат дает соответствие конструктивного принципа материалу, с одной стороны, с другой — дисгармония между ними и, наконец, как происходит подчинение не очень удобного материала, его преобразование в соответствии с конструктивным принципом, расширение его возможностей.

Старики — излюбленные персонажи Нугзара Шатаидзе. В произведении «Хизанбарели» дается образ дряхлого крестьянина. Из-за несоответствия между своими желаниями и возможностями старик часто попадает в трагикомические ситуации. Писатель верно подметил интересный штрих в психике поседевшего в труде крестьянина — он не может примириться с бездейственностью, собственной бесполезностью. Безделье для него означает быть бременем для других, рождает в нем комплекс ненужности. Поэтому, как может показаться с первого взгляда, он некстати вмешивается в чужие дела, а окружающие не могут понять, что эта старческая суета — единственная форма его существования. В рассказе акцентировано самое типичное свойство старости — бессилие, и на его фоне непреодолимое стремление к деятельности. Художественно реализовать это свойство легче всего с помощью синонимических ситуаций. А это именно та сфера, где Н. Шатаидзе чувствует себя весьма свободно. Материал и принципы отображения приводятся в полное соответ-

---

Теймураз Доишвили. Искусство, живущее во времени.

ствие. Композиционно рассказ формируется как последовательность синонимических сцен.

Иное положение наблюдается в рассказе «Старик», разрабатывающем традиционную для литературы тему старик и смерть. В силу традиционности темы особое значение придается тому, какой аспект выделяет в ней писатель. Из известных нам классических вариаций Н. Шатаидзе избирает самую распространенную — явление страха, то есть в традиционной теме акцентируется традиционный аспект. Как же раскрывается конкретное содержание страха? Страх — особенное состояние психики, и поэтому он требует разработки темы в психологическом плане. Именно здесь проявляется основной недостаток стилевого принципа Н. Шатаидзе вообще, и этого рассказа, в частности. Талант писателя, столь очевидный при знакомстве с его описаниями (кстати, и в этом рассказе есть хорошие описания), блекнет при разработке психологических пассажей. Психологический анализ вновь уступает место описанию. Писатель рассказывает:

«В сердца обоих закрался страх. Они чувствуют холодное дыхание смерти, сидящей на заборе, на котором обычно сидят их внуки, но не подают виду и с наигранным спокойствием оглядывают собравшийся народ и крышку гроба, прислоненную к столбу балкона. Оба стараются поддержать разговор, сказать такое, что не будет иметь отношения к смерти, но тщетно. Страх лишил их дара речи».

Насколько было бы лучше, если бы то, что описывает автор, было показано путем анализа сознания стариков, в их действиях, диалогах. Однако здесь дело не в лучшем или худшем. Это единственный путь разработки избранной темы. Распространение стилевой инерции писателя на материал, не соответствующий этому стилю, с художественной точки зрения дает нежелательный результат.

Вообще Н. Шатаидзе, мне кажется, следует больше внимания уделять психологическим пассажам. В том же рассказе мимоходом говорится, что бывших врагов подружило горе. Это настолько интересный факт с точки зрения психологического анализа, что писатель не должен был обходить его. Свободное повествование и описание — сильные стороны писательской техники Н. Шатаидзе, но нельзя, чтобы она имела односторонний характер.

Та же тема старика и смерти затронута и в рассказе «Старик и собака». И здесь, так же как и в «Стариках», акцентирован страх перед смертью, однако она разработана

иными средствами: переживания старика писатель не описывает и не передает обобщенно, а показывает в действии его психическое состояние и таким образом раскрывает перед нами душу персонажа.

Ранним утром, перед самым рассветом, старик услышал вой собаки и вдруг почувствовал какое-то беспокойство. А причина для беспокойства у него действительно была — уже давно вой собаки стал для него предвестником несчастья. Впервые Тортлиа завывала, когда во двор внесли тело его единственного сына, растерзанного медведем. Затем под этот вой испустила дух и старуха. Народное поверье, что вой собаки — предвестник несчастья, для старика — конкретная истина. Поэтому сердце почувствовало недоброе. Старик подумал: «По кому она еще не выла?» И вдруг его пронзила мысль: «Может...», и как наяву почувствовал дыхание смерти. Для старика она имеет конкретный образ. Это — собака. Убьет он собаку, значит спасется от смерти. Именно здесь и предлагает Н. Шатаидзе хоть и жуткую, но в художественном отношении сильную картину. Перед нами яркие образы старика с помутившимся от страха перед смертью разумом и верной собаки. Ни одного чисто психологического штриха, акцент перенесен на картину в целом, с помощью которой мы реконструируем психологическое содержание.

«Старик и собака» — лучший рассказ Н. Шатаидзе, свидетельствующий не только о его художественных возможностях, но и найденном своеобразном методе обработки темы, не совсем подходящей к его стилю. Как в «Стариках», так и в «Старике и собаке» писатель разрабатывает тему страха. Однако если в первом рассказе теме навязан стиль писателя, общее описание и повествование психологического состояния, то во втором — происходит преобразование, трансформация темы. Уклоняясь от психологического анализа, автор доводит рассказ фактически до одной сцены-картины, а затем разрабатывает ее в присущей ему манере. Такое преобразование материала в соответствии с собственным стилем, думается, знаменует начало нового этапа мастерства.

Нугзар Шатаидзе, автор написанных превосходным грузинским языком таких замечательных рассказов, как «Сисуа», «Тедо», «Махровая ложь», «Волки» и другие, бесспорно талантливый художник. Однако этот талант нуждается в

шлифовке и совершенствовании. Думается, наипервейшей его заботой должно стать расширение стилистического диапазона, что даст писателю возможность разнообразить круг разрабатываемых тем или проблем.

Описательная проза, к которой симпатии автора очевидны, особое внимание обращает на образность и главным своим союзником считает язык. Поэтому художественный эффект прозы этого типа определяется в основном достоинствами языковой ткани. В этом отношении она приближается к поэзии. Пожалуй, в данном контексте не будет неуместным вспомнить известное изречение: поэзия — это то, что остается после перевода. Это тем более касается прозы. Слишком большое доверие к феномену языка в прозе не оправдано. Хочется вспомнить еще одну известную мысль: «Прозе необходимы мысли, мысли и еще раз мысли». Живая, развивающаяся мысль протекает во времени. И истинная проза — также живущее во времени искусство.

ОТКРЫТЬ книгу поэта —
Открыть дверь в его мир.
Не просто! Открывая дверь
в мир Шота Нишнианидзе,
мы не обязательно должны
соотносить его с другими
поэтическими мирами. Впро-
чем, так поступят историки
литературы, когда дойдет
очередь до них. Иное дело
соотнести этот поэтический
мир со временем. Об этом
позаботился сам поэт. Его
творчество органично впи-
сывается в нашу современ-
ность. Мгновение и вечность
не перестают его волновать.
Дни нашей жизни, наши за-
боты, наши тревожения.
Что сокрыто за этим?

«Истинная поэзия, — го-
ворит Поль Элюар, —
должна отражать реальный
мир, а также наш мир внут-
ренний — тот преображен-
ный мир, который рисуется
нам в мечтах; ту правду,
которая живет в нас, когда
мы смотрим на жизнь ши-
роко раскрытыми глазами».

Есть у любого поэта соб-
лазн выбрать в качестве
вечного провожатого так на-
зываемого лирического ге-
роя. Понятие «лирический
герой» всегда было у меня
под вопросом, даже под по-
дозрением. Если это не ав-
тор, то кто же он, этот прес-
ловутый «лирический ге-
рой»? А между тем лирика
Нишнианидзе нередко обре-

Лев ОЗЕРОВ

МИР ПОЭЗИИ ШОТА НИШНИАНИДЗЕ

тает эпическую форму. Это ее важное свойство. Можно говорить об образах героев в стихах поэта. Пусть они подчас сливаются с образом автора, но они есть, и мы нередко чувствуем их отдельное от автора существование. «Лирический герой» ли это? Как бы не так.

Эпос зреет в недрах лирики Нишнианидзе. Говоря «эпос», имею в виду не эпопею, а картины действительности, характеры, отдельные от характера автора, ситуации, укладываемые в рамки баллады, притчи, эпизода. Их в книге немало.

Поэт отличается от поэта. Иначе нет никакого смысла в существовании поэзии. Нишнианидзе дает представление об этой разнице, неожиданно сравнивая поэтов с поездами:

Тот — скорый поезд.
Этот — товарняк.
А тот вон —
В тупике и ждет буксира.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Неожиданность и меткость сравнений — прямое следствие богатой фантазии, роскошества вымысла, деятельной игры воображения. Так же, как разнятся поэты, разнятся и их поэтические миры. В одном случае — темная каморка, в другом — цветущий сад, в третьем — Вселенная. Итак, мы входим в мир поэзии Нишнианидзе. Каков он, этот мир?

Поэта не пугают ни фантазмагории, ни мистерии. Он открыто взывает к ним. Погибший солдат из могилы обращается к живым. Не с речью, а с лирическим монологом:

Через боль, и через скорбь, и через силу
В трубы траурные трубачи трубят:
«Кончен отпуск. Снова в братскую могилу
Возвращайся, неприкаянный солдат!»

(Перевод Б. Окуджава)

Все происходит как в реальности. И все по законам поэзии — неписанным и неограниченным, несмотря на то, что они «законы».

Отсюда и образность Нишнианидзе. Ее неожиданность (может сперва показаться — взбалмошность), а порой даже парадоксальность диктуются сложными задачами его поэтического мышления, выходящего за пределы обычных сопоставлений, аналогий, подобий, расхожих ассоциаций.

Вот на костылях висит человек,
Как на ночах — отвоевавший день,
Как висит обычно распятая жизнь
На датах рожденья и смерти.

(Перевод О. Чухонцева)

В другом стихотворении сами погибшие в катакомбах Керчи слагают себе эпитафию. Их голоса сливаются с голосом автора.

К необычности этой образности читатель не вдруг, не сразу привыкает. Поначалу он может недоумевать. Ему нужно вдуматься в эти образы, почувствовать их, и только тогда он поймет своего поэта. И найдет с ним общий язык. А найти общий язык с поэтом необходимо, иначе его образный мир окажется недоступным.

Стуженность и глубина образных решений Нишнианидзе подчас потрясает. Сколько было стихов, песен, баллад о мече и о сердце. Но вот:

Ты меч, искривленный, как серп полевой,
Ты — серп, распрямленный, как меч боевой.

(Перевод Ю. Мориц)

Снайперски-меткий образ!

Попутно отмечу блестящее переводческое решение этого двустипшия. Крылато, глубоко, ярко! По-русски это двустипшие звучит первозданно, нисколько не смахивая на перевод.

Война запеклась на теле поэзии Шота Нишнианидзе. Подчас его строки напоминают рваные линии окопов и блиндажей. Он чувствует время. И передает его в воспаленных строках своих. Это не мрамор, а боль. Поэт видит прокопченную и пропыленную каску на враге. И он видит эту же каску с гнездом ласточки. Он видит блиндажи, заросшие как межи. Он слышит, как степной ветер свистит в гильзах. В книге то там, то здесь, то исподволь, из глубин подтекста, то прямо, в лоб, открытым текстом идет лирический разговор о судьбах войны и мира. О долге нашем оберегать мир.

О мое поколение! Ты — виноградник бессмертный.
Мы не просто стареем, взирая на мир из окна.

Мы, наверно, затем и живем, чтобы сгала последней
Та минувшая, не забытая нами война.

(Перевод Б. Окуджава)

Тема войны и мира возникает у Нишнианидзе непроизвольно. Она проходит через всю жизнь, через всю поэзию. Можно сказать: поэт пишет не о войне, а войной, не о мире, а миром. Это скорей даже не тема, а пафос творчества, его атмосфера.

Нишнианидзе предельно заостряет идею, доводит реальный образ до гротеска. Моцарта призывают на войну. Солдат он плохой, но — солдат.

...во время славных наступлений,
Музыкант, он слышал звук сонат.
Ах, маэстро, вы всего лишь гений,
Может, потому плохой солдат.

(Перевод Н. Гребнева)

Грянул залп. Моцарт убит.

И сегодня, через двести лет,
Мы не слушаем его токкаты,
Не были сочинены сонаты.
Мы не плачем в сладком их плену,
Потому что в некий день когда-то
Моцарта призвали на войну.

(Перевод Н. Гребнева)

Мысль заострена. И она достигает цели: война губительна, она лишает человечество моцартов.

Поэт растравляет себя совестью, которая не дремлет и не меркнет. Сколько прекраснейших людей умирали молодыми. Я старше их. Прав ли я в своем временном превосходстве над ними?

Так уж не трус ли тот, кто прожил столько?
Не страх ли оправданье долгих лет?

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Вахта поэта круглосуточна. Чувство вины не дает ему покоя. Праздная ли это проблема? Нет, речь в конечном счете идет о том, как достойно прожить свою единственную жизнь:

Дай столько лет мне, сколько раз за друга
Я умирал. Не больше, нет.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

Лирик терзает себя «проклятыми проблемами бытия», но сам не становится проблематиком. Он настраивает себя на героический лад. И это ему удается. По той причине, что его корень глубоко в почве родного народа. Нигде специально и особо поэт об этом не говорит. Он чуждается деклараций. Читатель чувствует своего поэта, знает место и время действия его поэтической драмы.

Героическое начало находит Нишнианидзе в истории Грузии. Но не только Грузии. Он глубоко почувствовал образ Ильи Муромца и передал в былинах дух старой Руси:

Там были крылатые — журавли всемогущие
Ощущень истории переносят в грядущее.
Журавлиные крылья, журавлиная песня.
Журавлиные клинья — письма поднебесья.

(Перевод В. Соколова)

Этим переключением исторического в современное, а современного в грядущее жива поэзия Нишнианидзе. Он владеет регистрами времени и уверенно кладет руку на рубильник, переключающий одну эпоху в другую.

Углубленный в думу о мире, Нишнианидзе подчас бывает самозабвенно упоен его щедротами, его бесценными дарами.

Я свищу, как мальчишка...
Лечу,
Захочу — и туда вон летаю,
И Арагву, когда захочу,
Вокруг пояса обмотаю.

(Перевод Г. Плисецкого)

Как и полагается художнику, Нишнианидзе легко раним. Словно соотечественники поручили ему все их боли принять на себя. Не таков ли каждый подлинный поэт? «Я где боль, — везде», — говорил Маяковский.

Конечно, зная о случаях чудовищного отношения современников к реликвиям былого, можно было бы спокойно пе-

реадресовать заботу о них обществу по охране памятников старины. Но поэт ничего никому не переадресовывает. Он отвечает за все. Спрос с него самого. И он не ждет, чтобы спросили со стороны. Сам себя спрашивает:

Ржа подтачивает иконы,
Где когда-то сверкали камня,
Паутина — символ исконный
Нерадивости и запустенья.

(Перевод Г. Плисецкого)

Болевая сфера — особая область работы поэта. Ее он не передоверяет. И в этом его сила. В этой сфере и ждут его решительные удачи.

У Нишнианидзе есть стихотворение, название которого напоминает выкрик дуэлянтов. Вижу, как поэт всем корпусом подается вперед, весь — порыв, окрыленность, отвага.

Когда дурак кудахчет над талантом
И торжествуют рыцари карьеры —
Во мне взывает совесть секундантом:
К барьеру!

(Перевод А. Вознесенского)

Мастер полутонов, нежной, размытой акварели, ласковой свирельной песенности, Нишнианидзе умеет писать и в лоб, напрямик, наотмашь. Лирическая исповедь у него сменяется гневной инвективой, а она, в свою очередь, этическим повествованием. С этим поэтом не соскучишься. Он вас не убаюкивает, но и не задерживает. Он с вами беседует, дружелюбно и зыскательно. Не льстит, но — обнадеживает.

Читатель иногда просит своего поэта: утешь меня! Нишнианидзе не утешает. Он озадачивает. И в конечном счете читатель за это благодарит его сильнее и сердечней, чем за утешение. Озадачивает... Да, потому что сам озадачен.

Поэт мается из-за того, что «болит некрепкая строка». Хочет «понять, о чем шумит листва, чтобы постигнуть тайну человека». Слышит, как в яйце ворочается цыпленок. Живое хочет жить. Поэт — он и дождь, и тропа, и малая река, и старинная грузинская башня. Перевоплощения возможны потому, что перед нами натура артистическая, глубоко чувствующая, поэт.

«Камень есть камень» — Нишнианидзе не боится такой очевидности. Он открыто идет на эту очевидность. И поэтически раскрывает, что стоит за ней:

Будет ли он, словно горе, огромен,
ростом ли только велик,
Сын громовержущих каменоломен,
красный базальт базилик?
Камень для храма, тюрьмы и пекарни,
для межевого столба...
Но большинство — неприметные камни...
Может быть, это — судьба.

(Перевод М. Синельникова)

От очевидности, от констатации — до глубинного раскрытия смысла. Камень — судьба. Поэт спрашивает, взвешивает, сравнивает. И предлагает материал для раздумий.

Поэт — среди всех его миссий — летописец добрых дел, мужества, верности. В 1609 году монах Тевдоре повел неприятельские турецкие войска по неверному пути и завел их в засаду. Тевдоре был изрублен саблями. Подвиг Сусанина, свершенный до Сусанина.

Героическое, творческое, созидающее начало в жизни всего более привлекает поэта.

Перо Нишнианидзе создает беглые, стремительные портреты творцов. Это Байрон и Уитмен, Лорка и Муса Джалиль. Поэты гибнут, живет поэзия.

Поэзия — солнце на знамени вечного боя.

(Перевод Ю. Мориц)

Поэтический подвиг смыкается с подвигом таких сынов Грузии, как профессор Жордания, в гибнущем самолете отдавший девочке свой спасательный жилет. Поразительный пример человеческого благородства в нашем двадцатом веке!

Мужество, жертвенность, отвага, духовность — вот что влечет поэта. Вот что он воспекает.

Поэт — по Пастернаку — не должен отличать победы от поражения.

Выпадет удача — удивись,
Но не удивляйся неудаче.

(Перевод Н. Гребнева)

Рассудительно? Нет, не только. Умно сказано. И не без горечи, настоянной на опыте жизни.

Умеющий дельно говорить умеет и молчать к делу.

Культура Нишнианидзе не показная, истинная, душевная. Он легко сочетает плоды разных, друг от друга далеко отстоящих ветвей одного дерева. Сократ и Швейцер участвуют у него в одной поэме. Страшный афоризм Ницше «падающего подтолкни» он сопоставляет с грузинской мудростью: «упавшему врагу помощи подняться». Он воскрешает зодчего Арсакидзе и окружает его воскрешенным народом: виноградарями, косарями, пасечниками.

Мысль, пластика, мелодика в их единстве — цель усилий мастера. Но его усилия были бы тщетными, если бы не покоились на своеобразии, на индивидуальности, на природной одаренности.

Эта одаренность видна и в том, как поэт чувствует себя в разных эпохах, в разных странах. Как он любознателен — не турист, а коренной житель страны.

Я во Франции родиться
Мог бы встарь, в веку веселом.
Я сумел бы пригодиться
Трем отважным мушкетерам.

(Перевод Г. Плисецкого)

Он свой в более ранней эпохе французской истории, во времена «буйного Вийона». Он в Испании — вместе с Дон Кихотом. Или еще верней: Дон Кихот — это он.

Переключивая в другие эпохи и страны, Нишнианидзе склонен делать и обратное: приглашать века и народы в Грузию. Мы неожиданно и обрадованно видим, что на голове знаменитого идалго — «башлык имеретинский», что борода американского поэта Уолта Уитмена перепуталась с грузинскими травами. Привычное поэт делает непривычным, знакомое раскрывает незнакомыми нам сторонами. Так образ обретает глубину: «Откуда-то является рассвет, как девочка с корзиной земляники, идущая из сказки сотни лет». (Перевод Н. Гребнева).

Принято считать, что Шота Нишнианидзе — поэт стихийный, поэт, в котором властвуют эмоции. Так ли это? Ничто человеческое ему не чуждо. Обуреваем страстями, он славит разум. И вместе с тем не вполне ему доверяет. Он мыслит, потому и оригинален. Он «оригинален — ибо мыслит» (это говорил в свое время Пушкин о Баратынском, — Пушкина не грех повторить).

Лиризм Нишнианидзе я не назвал бы самозабвенным, тем более самоупоенным. В этом лиризме всегда содержится антиномия, противоречие, взрыв:

...радости мои отравлены
Чужой печалью и страданием.

И далее —

Когда я счастлив от влюбленности,
Отравлен каждый миг мой благостный.

(Перевод Г. Плисецкого)

Мне было важно и интересно узнать, что своими любимыми поэтами Нишнианидзе называет Важа Пшавела и Федора Тютчева. Именно с их именами ассоциируется обнаженность чувств, их противоборство. Из горной породы изваяны образы Важа Пшавела. Источник света — не фонарь или лампочка, а солнце, небесные светила. Светотеневое письмо автора «Змееда» и «Бахтриони» служило образцом для Нишнианидзе. Живописное видение мира далось не сразу. Это длительная и трудная школа. Мысль в поэзии Нишнианидзе не хочет быть невидимкой, фата-морганой; она стремится облечь себя в ощутимые для глаза и слуха формы. Чувственная прелесть образа такова, что со страницы просится на холст, на стену, на клавиатуру, в оркестр.

Художник, поставивший перед собой столь грандиозную задачу, должен быть чуток к малейшему проявлению жизни, к самому малому веянию бытия. Трава придавлена камнем. Поэт чувствует тяжесть этого камня, придавленность травы. Чувство взывает к действию. Он откатил камень. Трава выпрямилась. Жизнь восторжествовала.

А я всего лишь камень с места сдвинул —
И выпрямилась желтая трава.

(Перевод М. Синельникова)

Трещины в теле башен отзываются болью в теле поэта. В сердце его. Это в духе всей поэзии Нишнианидзе, совмещающей радостные начала бытия с болевыми. Они нераздельны, они слитны, как в самой жизни.

У Шота Нишнианидзе острое чувство ритма. Не только стихотворного. Ритм для него существует во всем — в топоте коня, и в движении небесных тел. И стихотворный ритм — только частный случай этого вселенского ритма. Поэт, не чувствующий его, — всего лишь рьяный стихотворец, решающий свои малые словесные задачи, осуществляющий инструментовку не своей, а чужой музыки.

Поиск индивидуальности. Поиск собственного почерка. Поиск манеры и стиля. Все это для Шота Нишнианидзе сводится к поиску сути.

...в мире я искал одно и то же:
Я самого себя искал всегда.

(Перевод Ю. Ряшенцева)

В ходе этого поиска поэту раскрывалась жизнь в ее многообразии, драматичности, противоречивости.

Здесь я старался показать изобразительную силу поэта, разнообразие и самобытность его кисти. Но, уверен, он скорей потерпел бы попреки в недостаточности изобразительной силы, чем потерпел бы упрек в лести, подобострастии, фальши, неискренности. Кодекс чести и достоинства у этого автора надежно защищен его натурой. Натурой, вырисовывающейся за строками его стихов.

Некоторые наши писатели, актеры, художники как в Грузии, так и вне ее много потрудились над созданием внешне колоритного, броского, но в основе своей анекдотического типа дельца, эпикурейца, сочинителя тостов, преуспевающего пижона. И это выдавалось за нечто типическое для Грузии и национально-эффективное. Но нет ничего более неверного и призрачного, чем эта версия. Нынешнее искусство и литература выправляют это впечатление от характера грузина. Такие черты, как одухотворенность, мечтательность, бескорыстие, доброта, душевная отвага, выходят на первое место, отодвигая на задний план вышеназванные качества. Герой Нишнианидзе скорей инфантилен, чем деловит, скорей фантазер, чем клерк.

Видение совершенного человека владеет всем существом поэта. Он подчас принимает чаемое за сущее. И в этом он романтичен. И его можно и должно понять.

Истинно вынесу все испытания,
Только плоды безгранично, потомственно

Души, способные на сострадание

К боли чужой — еще больше, чем к собственной.

(Перевод Ю. Мориц)

Он максималист, Шота Нишнианидзе. И это — отрадно. Не быть же поэту минималистом-бытовиком, скаредом, скопидомом.

Музыка небесных сфер, музыка природы, музыка души человеческой — все это естественно входит в мир поэзии Нишнианидзе. Музыку Грузии поэт называет виноградной. Виноградная лоза звучит как симфония. Крепость или храм звучат как песнопение, молитва, месса. «Церковь — немая симфония камня». И еще: «...владеет, как музыка, мной запах пашен и запах покосов...» По мановению дирижерской палочки «на свирель присел соловей», и эта дирижерская палочка — то клинок, то стрела. Власть музыки повсеместна.

Тайны мастерства должно беречь. Шота Нишнианидзе помнит об этом. И его возмущает, если мастером именуют того, кто этим высоким именем не имеет права называться. Игра в мэтров и неоправданное самовозвеличивание, бытующее среди молодых, выводят поэта из себя.

Талант и совесть многих молодых

Гуляют нынче в шапке-невидимке.

(Перевод Г. Плисецкого)

Это высказывание не против молодых. Это высказывание в защиту искусства.

Сатира — обратная сторона лирической медали. Шота Нишнианидзе ироничен, и это украшает его стихи. Его перо бывает беспощадным к злу и его носителям.

Он речи произносил,

Восхвалял кого-то порою,

Потом с трибуны сходил

И нам говорил другое.

Как, впрочем, я сам или вы.

(Перевод Н. Гребнева)

Первые четыре строки сами по себе метки, но пятая придает этим четырем особый смысл. Она рефреном проходит че-

рѣз все стихотворение. Дурак смеется над умным, умный над дураком, и только мудрый смеется над собой. Поэт пред-
почитает третий случай. Это не значит, что мы спешим на-
звать поэта мудрецом. Речь идет только о спасительной само-
иронии, которая так украшает стихи этого поэта.

Не только окрыленное, витийственное слово свойственно Нишнианидзе. Ему не чужд и «фламандской школы пестрый сор». Он любит живописать плотское, яркое, броское, сочное.

Развалясь на боку, сопит от усилия
Сытый бог изобилия.
Голоса продавцов истерические,
То отпугивающие, то зазывающие.
И похожи на жертвенники языческие
И столы, и прилавки пылающие!

(Перевод Г. Плисецкого)

Буйство красок, неистовство жизнелюбивой кисти.

Что уносят с базара? Овощи? Фрукты? Нет, осень. Это определение поэта. И это его выход из быта в бытие.

Карнавал, балаган, пантомима увлекают Нишнианидзе; он с ними смешивает реальность, трезвую мысль, поиск истины.

Люди, мы странный народ,
С болью мешаем сказки,
Вечен людской хоровод,
И карнавал, и маски.

(Перевод Н. Гребнева)

Любопытно, что от «мы» поэт по привычке переходит на «я». Не только вы балаганщики. Не только вы участвуете в пантомиме.

Я тоже действую
В качестве мима.

В книге Нишнианидзе так полно представлена его жизнь, что нет особой надобности в подробной биографии. Если я скажу, что Шота Нишнианидзе родился в 1929 году, мне все равно не поверят. Это молодой поэт—по духу, по строю образов, по смыслу стихов. Кстати, Нишнианидзе никогда не прятался под душеспасительные своды «поколения». Он отвечал прежде всего за себя. И говорил от своего собственно-

го имени. Вслед за Янисом Рицосом наш поэт мог бы сказать: «Я возвращаюсь из бесконечной молодости, которая не хочет стареть».

Вероятно, читателю будет интересно узнать, что в 1953 году Нишнианидзе окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Рано, еще со студенческой поры, поэт печатался в периодике. Первый его стихотворный сборник вышел в 1956 году, а через год, в 1957 году, Шота Нишнианидзе был удостоен диплома первой степени и золотой медали на Всесоюзном фестивале молодежи.

Летопись продолжается — для любознательного читателя. В 1960 году Нишнианидзе окончил Высшие литературные курсы при московском Литературном институте имени М. Горького.

В 1975 году Нишнианидзе — лауреат премии Шота Руставели, в 1977 году — лауреат премии Галактиона Табидзе.

С 1978 года поэт редактирует литературный альманах «Саундже» («Сокровищница»), выходящий на грузинском языке.

Главная дата: свыше четверти века Грузия слышит голос своего поэта. Сейчас этот голос слышен и за пределами Грузии.

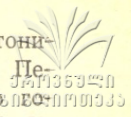
Существует давняя традиция чтения и восприятия грузинской поэзии. Через посредство наших классиков (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Полонского), через посредство современников (Пастернака, Тихонова, Антокольского, Заболоцкого) мы создали прочную традицию восприятия не только стихов грузинских авторов, но и грузинской поэтичности, как явления духа, грузинской образности. Это — верная тропа к Нишнианидзе.

Роксана АХВЕРДЯН

РУССКИЕ ПОВЕСТИ МИХАИЛА ТУМАНИШВИЛИ

МИХАИЛ Биртвелович Туманишвили, друг Никола Бараташвили, был глубоко и всесторонне образованным человеком, свободно владевшим русским и французским языками, блестяще знавшим историю и литературу народов Закавказья, России и Западной Европы. Роль и значение М. Туманишвили как автора произведений на русском языке изучены недостаточно. До настоящего времени было известно, что он написал на русском языке ряд стихов и прозаических очерков, помещенных в рукописном журнале «Цветок Тифлисской гимназии», несколько статей, опубликованных в тифлисской прессе. Нам удалось обнаружить и другие произведения М. Туманишвили на русском языке, проливающие новый свет на его деятельность по упрочению дружбы между двумя братскими народами.

По происхождению М. Туманишвили был из знатного грузинского княжеского рода. Предки его занимали наследственные должности мдиванбегов. Отец его — Биртвел — был секретарем при царевиче Вахтанге. От первой жены у Биртвела был сын Автандил, который с ранней юности вы-

ехал в Петербург, где служил секретарем у Давида Батонишвили. Автандил был автором вышедшей в 1816 году в Петербурге на русском языке книги «Описание грузинского рода Гори» и других неопубликованных произведений. П. К. Ратиани на основе новых архивных материалов установил, что А. Туманишвили за вольнодумство и связи с руководителями имеретинского восстания в 1819 году был посажен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где, находясь в исключительно тяжелых условиях, ослеп, а вскоре по пути на каторгу в Сибирь умер¹.

Анна — вторая жена Биртвела — дочь почетного гражданина Тбилиси Мариманова была женщиной твердого и сурового характера, отличалась большой образованностью. У них было четыре сына и одна дочь. Михаил, самый младший в семье, родился 19 мая 1818 года в селе Хелтубани Горийского уезда. Первоначальное образование получил в Гори, где отец его служил городничим. В 1831 году Михаила привезли в Тбилиси и определили в гимназию. Вскоре и вся семья переехала в Тбилиси.

Тифлисская гимназия для истории грузинской культуры и литературы имела почти такое же значение, как для России прославленный Царскосельский лицей. Особую роль в духовном формировании учащихся сыграл преподававший в гимназии выдающийся грузинский мыслитель Соломон Додашвили. Ученики увлеченно изучали творчество русских и западноевропейских поэтов и писателей, современную грузинскую литературу.

Около 14 лет было гимназистам, когда их учитель Соломон Додашвили и почти все их близкие родственники были посажены в Авлабарские казармы, а затем сосланы за участие в восстании 1832 года. Ответом гимназистов на это событие явился рукописный альманах, который они выпускали в 1832—1833 годах. В нем наряду с их собственными произведениями — первыми поэтическими опытами были помещены и стихи арестованных Соломона Додашвили, Григола Орбелиани, Георгия Эристави и других. Некоторые из этих произведений отличались острым политическим содержанием. М. Туманишвили поместил в альманахе свои переводы из поэмы Пушкина «Кавказский пленник», а также нескольких басен Крылова.

¹ Ратиани П. К. Заживо погребенный талант. Тб., 1982 г. (на груз. яз.).

В 1835 году Н. Бараташвили и М. Туманишвили расширяют свой литературный кружок, включают в него новые силы из числа способных учеников гимназии разных национальностей и основывают журнал «Цветок Тифлисской гимназии». М. Туманишвили был главным организатором, редактором и переписчиком журнала, в котором больше всего было его произведений под псевдонимом «Граф Горский» (т. е. из города Гори). Журнал выходил на русском языке, чему способствовал интернациональный состав учеников гимназии. Русский язык для М. Туманишвили, так же как и для всего его поколения, становится вторым родным языком.

Поражают высокая образованность и культура учеников гимназии, которые проявляются в «Цветке». Они свободно вели беседы на любые темы из мировой истории. Произведения, входящие в «Цветок», совсем не оставляют впечатления ученических упражнений. Общий тон журнала, основа, на которой он базировался, была общечеловеческая, материалы проникнуты духом интернационализма.

С одной стороны, романтизм и сентиментализм стиля, отсюда печаль, разочарованность, неприятие жизни, с другой — желание насладиться жизнью, неудержимое стремление к познанию мира и будущего, проявление симпатии к вольнолюбивым идеям, проповедь демократии, антипатия к монархическому строю и самодержавному режиму, глубокое уважение к прошлому страны — вот что характеризовало в основном произведения всех номеров журнала.

М. Туманишвили предстал в журнале как автор многочисленных романтических поэтических произведений, отличающихся многообразием форм и содержания, а также ряда прозаических произведений, написанных в духе сентиментализма. Таковы очерки «Приезд в Картли» и «Вечер на горной дороге». Но уже в очерке «Приезд в Картли» встречаются те иронические нотки, которые в дальнейшем будут развиты автором русских книг и фельетонистом «Цискари». В очерке «Праздник Телетоба» М. Туманишвили проявляет отличное знание русской жизни, обычаев, нравов. Здесь много подробных описаний и уже видны зачатки того реалистического стиля, который впоследствии будет характерен для русских повестей М. Туманишвили.

Настоящее геройство проявил М. Туманишвили, поместив в журнале свои переводы статей высланного из Грузии С. Додашвили — «Царствование Ираклия II» («Из истории грузинского царства») и «Краткое обозрение грузинской лите-

ратуры», которые были напечатаны в грузинских приложениях к «Тифлисским ведомостям». Статьи эти проникнуты чувством истинного патриотизма. Стиль и язык переводов точны и ясны.

Особый интерес с точки зрения идейных взглядов М. Туманишвили представляют помещенные в журнале его статьи об истории Древнего мира и средневековья. Статье «Взгляд на события Древнего мира» предпослан эпиграф: «Могущество народов есть наследие одних потомков, чувства и мысли — всего человечества». Эта гуманистическая мысль является основой творчества самого М. Туманишвили, который, будучи сыном грузинского народа, грузинским поэтом-романтиком, писал параллельно и на русском языке, стараясь лучше познакомить русского читателя с грузинской культурой и действительностью и в свою очередь расширить кругозор грузинских читателей. В этих статьях отражено диалектическое мышление автора, который, правда с идеалистической точки зрения, старается раскрыть историю веков и народов. Автор выказывает большую образованность, глубокое знание истории и литературы Древней Греции, Рима, эпохи Возрождения, оригинальность мышления.

К сожалению, не все номера «Цветка» сохранились полностью, но из общего оглавления ко всем номерам выясняется, что прогрессивно мыслящие гимназисты были близко знакомы с декабристскими идеями и сочувствовали им. Как видно, они знали произведения русских вольнодумцев, которые распространялись в рукописях. В журнале нет ни одного случая прославления русской монархии. В своих статьях о Древнем Риме М. Туманишвили посвящает восторженные строки только республиканскому правлению и очень сдержанно говорит о правлении монархическом. Отсюда ясно, какое большое значение имел этот журнал, выходящий в тот период, когда в Грузии и по всему Кавказу не существовало периодической прессы, когда передовые силы страны были повержены и вынуждены были молчать. И велика роль М. Туманишвили как главного инициатора и составителя этого журнала.

После окончания гимназии М. Туманишвили решительно отходит от романтических увлечений и приближается в своем творчестве к реалистическому направлению. Несомненно, что на М. Туманишвили в этом отношении самое большое влия-

ние оказало творчество Гоголя. Почти во всех своих статьях, опубликованных в русской прессе, он прямо указывал на необходимость «следовать за Гоголем», называя его произведения образцом для писателя; «отчеканенное слово» Гоголя неизменно вызывало восхищение М. Туманишвили. В списках его бумаг значится «Заметка о «Мертвых душах», к сожалению, не сохранившаяся. Следует учесть и то влияние, которое оказал на М. Туманишвили его друг, польский поэт Т. Лада-Заблочкий; в своих письмах он предостерегал М. Туманишвили от увлечения романтизмом. О том, что М. Туманишвили к этому времени сознательно отошел от романтизма, свидетельствует и его письмо к другу Л. Исарлишвили, в котором он выступает против таких романтических стихотворений, которые сам писал недавно.

Окончив гимназию, М. Туманишвили вынужден был поступить на службу в Грузинскую казенную экспедицию. Службу начал он коллежским секретарем, а в конце жизни, сделав отличную карьеру, стал членом Совета при наместнике Кавказском. С 1838 года М. Туманишвили начинает работать в Комиссии по составлению проекта положения Закавказского краевого управления. Из формулярного списка М. Туманишвили выясняется, что в апреле 1838 года он был прикомандирован к комиссии сенатора Гана¹. В том же году М. Туманишвили получил должность помощника столоначальника, а 14 июля 1839 года был уже столоначальником по следственной части, а затем и губернским секретарем.

В эти годы М. Туманишвили основательно работал над дальнейшим своим образованием. В научной литературе существует мнение, что, окончив гимназию и поступив на службу, М. Туманишвили временно отходит от литературы. Мнение о том, что он в эти годы ничего не писал, весьма распространено². Но обнаруженные материалы свидетельствуют, что и в этот период М. Туманишвили вел интенсивную творческую деятельность.

В Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в отделе редких книг нами были найдены три неизвестные до настоящего времени книги М. Туманишвили, напечатанные в 1839—1840 гг. в Москве, в типографии

¹ Институт рукописей А. Н. ГССР. Фонд М. Туманишвили д. 8.

² Махарадзе А. Грузинские романтики. Тб., 1982, с. 349 (на груз. яз.).

И. Смирнова при Императорских московских театрах: «Колдун или приворотный корень. Быль XIX века» (1839 г., 78 с.), «Дешевый стряпчий или обнаруженное плутовство» (1839 г., 180 с.), «Уар железная лапа или живой мертвец разбойник. Народное предание в 2-х частях» (1840 г., I книга — 123 с., II книга — 97 с.).

В первой книге — «Колдун или приворотный корень» вместо фамилии автора стоят лишь инициалы: «Соч. М. Т.», во второй книге «Дешевый стряпчий» эти инициалы немного приоткрываются: «Соч. М...а Т...а», а в третьей — «Уар железная лапа» прямо сказано: «Народное предание, рассказанное Михаилом Тумановым».

Все три книги объединены не только тем, что напечатаны в одной и той же типографии, имеют один и тот же формат, шрифт и т. д., но и тем, что написаны одним и тем же стилем, в одной и той же манере, и это убеждает нас в том, что М. Т., М...а Т...а и Михаил Туманов — одно и то же лицо. А изучение и текстологический анализ этих произведений и очерков, помещенных в «Цветке Тифлисской гимназии», показывают, что автором их является Михаил Туманишвили. Несомненность этого подтверждается и тем, что он блестяще владел русским языком, знал прекрасно русскую литературу, следил за всеми ее новинками и к тому времени значительно отошел от романтических увлечений гимназических лет.

Да и кроме того, все существующие литературные словари и справочники, в которых даны имена писателей указанного периода, указывают лишь одного писателя — Михаила Туманова, известного нам Михаила Туманишвили.

Но каким образом его произведения были напечатаны в Москве? В хранящейся в архиве «Биографии» М. Туманишвили, написанной его сыном Георгием, указывается, что «М. Туманишвили и Г. К. Багратион-Мухранский были командированы в Петербург для представления в высшие законодательные учреждения проекта крестьянской реформы на Кавказе... при ...ском губернаторе и сопровождали последнего в поездке при обозрении и ревизии губернии». Вполне возможно, что речь идет о службе в комиссии Гана (т. е. о 1838—1840 гг.). В рукописи М. Туманишвили «Современные заметки», посвященной вопросам новой финансовой системы, он также говорит о своем участии в работе этой ко-

---

Роксана Ахвердян. Русские повести Михаила Туманишвили.

миссии. Эта рукопись — еще одно доказательство причастности М. Туманишвили к работе комиссии Гана, по делам которой он, возможно, ездил в Петербург или Москву в 1839—1840 гг., где и напечатал свои повести.

М. Туманишвили на протяжении всей своей жизни никогда об этих книгах не упоминал, как, впрочем, и о «Цветке Тифлисской гимназии», который впервые был обнаружен Георгием, сыном Михаила Туманишвили, в архиве отца только в 1916 году. Долгое время этот журнал оставался вне внимания ученых, впервые его изучением занялся Ак. Гацерелия в 1936 году. Как помещенные в «Цветке» произведения, так и первые русские повести, напечатанные в Москве, М. Туманишвили, по всей вероятности, считал пробой пера и не придавал им большого значения.

О чем же эти книги?

Первую книгу «Колдун или приворотный корень» предваряет предисловие, составленное в шутовском тоне, свидетельствующее о неприязнательности автора: «...Я порядочно ставлю буквы, но писать решительно не умею...» Указывая причину, которая заставила его взяться за сочинительство, автор в шутовских тонах намекает на бедность, на прохудившиеся сапоги. Определив столь «приземленную» цель своего сочинительства, он задает вопрос, в каком стиле ему писать: «В нравственно-сатирическом не могу, ибо не в силах подражать ни Ж.-Ж. Руссо, ни Буало, ни кому другому», поэтому он решает писать, как есть все в действительности, т. е. стремится дать реалистическое описание окружающей его жизни.

По своему содержанию «Колдун» — маленький неприхотливый рассказ-анекдот, он чем-то напоминает сюжеты гоголевских рассказов, а его герой — гоголевского Поприщина. Полупромотавшийся наследничек батюшкиного состояния Платон Пантелеевич был бездельником, никчемным человеком. Он влюбился в дочь полковника Марию, задумал жениться на ней. В этом предприятии ему взялись помогать слуга Андрей — пройдоха и плут и Трифон Фалалеевич — московский мещанин, занимавшийся темными делами и продававший приворотный корень. Вместе с горничной Прасковьей они решили обмануть Платона Пантелеевича и, говоря, что привораживают дочь полковника, устраивали ему свидания с переодетой Прасковьей поздним вечером, когда он не мог разглядеть ее. Под предлогом «привораживания» они ограбили Платона Пантелеевича вчи-

стую. Узнав об этом, он с горя подрался с маклером-приказным, прогнанным со службы за дурное поведение. Мошенники объявили Платона Пантелеевича сумасшедшим, его забрали в дом для умалишенных. Там его стали лечить трудом, и, выйдя из лечебницы, он стал жить совсем другой жизнью — заделался торговцем тростями.

Хотя эта вещь литературно еще слаба, но в ней уже есть зачатки реалистического изображения чиновничьей среды, канцелярской службы. Книга полна юмористических ноток, иронии, которые в дальнейшем так ярко расцветут в «Листках молакбе» («болтуна») — грузинских фельетонах М. Туманишвили.

Вторая книга «Дешевый стряпчий или обнаруженное плутовство» написана уже более зрелой рукой, она так и блещет юмором, хотя в ней еще чувствуется поэт-романтик. Здесь сильнее проступают черты реалистической гоголевской школы — перечисление предметных названий, иногда с характерными определениями, относящихся к разным грамматико-семантическим сферам; этот прием в его более острых формах типичен для стиля Гоголя и писателей гоголевской школы¹.

В этой повести, как и в произведениях вообще подобного стиля, имеется много подробных описаний. В ней шесть глав. В первой главе дается портрет героя — Козьмы Козьмича Тараканчикова. Прежде он был писцом в разных присутственных местах, а теперь находится в отставке за нерадивость и неявку в должность. И наружность у него отвратительная — уродливая, грязная, неопрятная. Он летний и неуч. Способом пропитания его были стряпчие дела, в которых он ничего не смыслил. Он олицетворение всех пороков — прожорлив, пьяница, нахал. Автор характеризует его как нравственную пиявку, сравнивает с пауками, которые «преспokoйно раскидывали узорчатые свои ткани и, по примеру хозяина, поджидали неосторожных насекомых, чтобы их высосать, ибо и тот прежде запутывал в тенета, а потом высасывал, конечно, не кровь, а деньги из своих просителей»... (с. 11—12). Такой жертвой его оказалась крестьян-

¹ Виноградов В. Проблема авторства и теория стилей, М., 1961, с. 96.

ская девушка Аннушка, которая освободилась от крепостной зависимости, приехала в город и хотела получить городскую прописку. Тараканчиков обманом и мошенничеством выманил из нее все деньги, но дела не сделал.

В этой повести за юмористическими описаниями явно чувствуются сатирические нотки, направленные против несправедливого царского суда, продажности чиновничества. В повести есть смешная сцена с пьяным пономарем, написанная в голевском стиле; сочно и с юмором описана старушка, с которой жила Аннушка. Девушка просит старушку одолжить ей денег, которые требует Тараканчиков для успешного окончания дела. Старушка рада помочь. «Она пошла в чуланчик, отперла сундук, вынула большой мешок, развязала и из него вынула еще мешочек, из мешочка тряпку, из тряпки суконку, а из суконки коробочку, в которой хранились заветные синички (синенькие деньги — Р. А.). Вытащив их, она увязала все по-прежнему, заперла сундук, потом чулан и возвратилась к беседующим».

Хотя повесть кончается вполне благополучно — Аннушке помогает добрый барин — важный чиновник, который разоблачает мошенничество Тараканчикова, и автор делает в конце вывод, что из-за таких продажных чиновников «начинают жаловаться на правительство, которое только и печется о благе подданных», эта концовка явно ироническая, о чем свидетельствует и весь настрой повести. И такая идейная направленность произведения — в духе многих последующих фельетонов М. Туманишвили.

Третья книга, как указывает ее название, — народное предание, легенда. Она состоит из двух частей. По содержанию эта повесть совершенно отлична от двух предыдущих и хотя написана позднее, но более подходит к романтическому стилю гимназиста-романтика, автора и издателя «Цветка». Повести предпослан эпиграф из Пушкина: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Повесть начинается с прославления Москвы-златоглавой, которое по своему стилю, языку весьма приближается к прозаическим произведениям «Цветка», принадлежащим перу «Графа Горского». Но, перейдя к повествованию, автор вновь возвращается к описательно-ироническому стилю, характерному для двух предыдущих повестей.

Действие повести происходит в середине XVIII века на окраине Москвы, где находились огороды зажиточного купца Золотодушина. Здесь же стояла избушка на курьих нож-

нах — «хилое жилище бедности», где жил отставной солдат Фома Семенович Птичкин, служивший у купца сторожем на огороде. Солдату было 70 лет, у него не было ноги и уха, он потерял их во время Полтавской битвы. Вместе с солдатом жил его приемный сын Уар, у которого от рождения на одной руке не было кисти, а другая, кривая, действовала плохо. Он занимался тем, что просил милостыню на церковной паперти. В повести описывается пир старых вояк — участников Полтавской битвы. Солдат и его друзья с любовью вспоминают Петра I. Во время пира солдат рассказывает легенду о пастухе, видевшем тень Мазепы, которая бродит, не находя себе покоя. Эта легенда запала Уару в душу.

Через месяц Птичкин умер. Уар, привыкший побираться, покинул избушку. Как и в предыдущих повестях, М. Туманишвили дает здесь портрет героя. Но он впервые делает попытку нарисовать психологический портрет персонажа, в частности Уара, озлобленного жизнью.

Бродяжничая, Уар встретил в лесу разбойника Рыжку, который соблазнил его возможностью прославиться на всю Москву. Уар пошел с ним. Автор дает подробное и красочное описание жилища разбойника в лесу — подземной пещеры, наполненной добром. Это романтическое описание напоминает волшебные сказки. Романтична также и история самого Рыжки, который из-за зависти, лживости, алчности убил брата, промотал все состояние отца-богача и в конце концов стал разбойником, грабителем на большой дороге.

Во второй части повести, где рассказывается о злодеяниях Рыжки и Уара, есть лирическое отступление: «О, совесть, совесть! Тягостней ты всех наказаний мира». Есть в повести и другие лирические отступления, драматические диалоги. Уар, вспомнив рассказ старого солдата о Мазепе, стал рядиться мертвецом и вместе с Рыжкой пугать и грабить прохожих. И он добился своего — слава о нем разнеслась далеко. Но как-то Уар увидел Марию, дочь купца Мошнова, и влюбился в нее. У Маши был жених — Андрей Миронов, смелый и честный юноша, которому в конце концов удалось разоблачить и поймать разбойников. За совершенные злодеяния их ссылают на каторгу. А в Москве празднуют свадьбу Марии и Андрея.

Язык повести яркий, красочный. много в нем народных пословиц и поговорок, хотя в общем это «народное предание» менее интересно, чем предыдущие две повести.

Анализ русских повестей М. Туманишвили показывает, что в них он делает первые шаги на пути следования за Гоголем — на пути создания реалистических произведений. Все три книги написаны М. Туманишвили во время его первых лет службы в Грузинской казенной экспедиции. По своему содержанию они не имеют ничего общего с Грузией, написаны в явно подражательной манере и носят иронический, а иногда и сатирический характер. Эта ироническая манера особенно ярко проявится в дальнейшем в фельетонах «Молакбе» («Болтуна»), публиковавшихся в «Цискари». В этих произведениях уже явно видна тенденция отхода М. Туманишвили от романтических устремлений юности и переход к реализму, к описанию окружающей его действительности. В связи с этим хочется привести слова самого М. Туманишвили, взятые Д. Рамишвили в качестве эпиграфа к его книге «Михаил Туманишвили»: «Что бы ни говорили идеалисты, все же в первую очередь необходима действительность» (Тбилиси, 1957, на груз. яз.).

Следует подчеркнуть несомненную схожесть стилей произведений, помещенных в «Цветке Тифлисской гимназии», русских повестей, напечатанных в Москве, и неопубликованных, хранящихся в архиве, черновики произведений М. Туманишвили. Таковы, например, рукописи: «Серый замок или гимн бурке (Отрывок из путевых записок)», «Путеводитель по Военно-Грузинской дороге», «Путевые записки об Ахалцихе», «Зурнист Алекси», «Светлое воскресение на Кавказе» и другие.

Известно, что творческая деятельность М. Туманишвили продолжалась и в последующие годы. В 1841 году М. Туманишвили и Д. Кипиани вместе работали над составлением литературного альманаха, куда должны были войти произведения не только тех авторов, которые были представлены в «Цветке», но и других прогрессивных литераторов, завсегдаев салонов М. Орбелиани и А. Чавчавадзе. Судьба этого альманаха нам неизвестна.

На протяжении всей своей жизни М. Туманишвили увлекался изучением русской литературы, о чем свидетельствуют его дневники, записные книжки, хранящаяся среди других его материалов в архиве рукописная копия знаменитой книги А. И. Герцена «О развитии революционных идей в

1935940
30309110333

России»¹, которую, возможно, М. Туманишвили хотел перевести на грузинский язык. Известны его прекрасные переводы. Кроме произведений Пушкина и Крылова, он перевел стихи прогрессивной русской поэтессы Е. П. Растопчиной «Зимние сумерки» и рассказ писателя П. П. Каменского «Конец мира».

Велика заслуга М. Туманишвили и как одного из главных деятелей «крестьянской реформы» в Грузии и автора фундаментального труда по этому вопросу — «О крепостном праве в Грузии», изданном в Тбилиси в 1864—1865 гг. на русском языке.

Поражают широта и многообразие интересов М. Туманишвили. Он является также автором интересных трудов по этнографии Кавказа — «Этнографических очерков».

Обширна и общественная деятельность М. Туманишвили. И хотя невелико по объему его творческое наследие, он внес несомненный вклад как в развитие грузинской романтической поэзии, так и русского художественного слова в Грузии. Неоценима его роль в русско-грузинских литературных взаимосвязях, в сближении двух братских культур.

---

¹ Богомоллов И. Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей, Тб., 1967, с. 112.

Алла МАРЧЕНКО

ВНАЧАЛЕ

БЫЛО

ЧУВСТВО...

НЕ ЗНАЮ, как другие читатели стихов, но я до сих пор открываю любой поэтический сборник в надежде на «езду в неизвестное» и каждый раз с тревогой: а вдруг заблужусь, заплутаюсь, не угадаю, где конец, а где начало «путеводной нити». Порой, увы, «неизвестное» оказывается всего лишь новым «микрорайоном», где и смотреть-то не на что: стандарт. Но порой, не часто, правда, и в самом деле попадаешь в незнакомый доселе мир, и для того, чтобы постичь законы, по которым он создан, приходится останавливаться «на постой» — задерживаться там надолго. Так случилось и с книгами Хуты Гагуа — «Гнездами звезд» и «Прозрачными крыльями» (последняя куда полнее и объемнее представляет поэта).

Фактически «Прозрачные крылья» — избранное, но составленное не так, как обычно компануются издания данного

Хута Гагуа. Прозрачные крылья. Стихи. Пер. с грузинского. Тбилиси, «Мерани», 1980, 222 стр.

Хута Гагуа. Гнезда звезд. Стихи и поэма. Авторизованный пер. с грузинского. М., «Советский писатель», 1981, 134 стр.

302.02 П1010333

типа. Отвергнув и циклический, и тематический, и хронологический принципы, Гауга «разделил» «Прозрачные крылья» между шестью переводчиками (Ю. Морид, Ю. Ряшенцев, П. Вегин, В. Казанцев, Д. Дадешкеллиани, О. Чухонцев), предложил нам как бы шесть разных интерпретаций своего творчества, шесть разных прочтений; и слить их, то есть добиться «стереоэффекта», не так-то просто. Тем более, что «раздел» был произведен отнюдь не механически: «раздавая» стихи переводчикам, автор, судя по всему, учитывал не только их вкусы, пристрастия и возможности. Шесть разделов, шесть глав «Прозрачных крыльев» — это «шесть разных Гауга», шесть его «я», может быть, даже шесть его жизней (если вспомнить классический французский афоризм: человек может быть так же отличен от самого себя, как и от других людей)... Поэтому первым побуждением было: учесть волю автора и написать именно о шести переводческих интерпретациях, но в процессе работы я отказалась от соблазнительной идеи, решение это, кстати, пришло в тот момент, когда отыскалось главное, ключевое с моей точки зрения, разумеется, стихотворение. Вот это:

Я — чувство, я — случай земной,
Еще не познавший законы,
Но я в себе мир повторил
По праву живого родства.

Я — чувство, я только гляжу
Ошую и одесную:
Вот небо, вот горы, вот я,
Связавший все это в одно.

(157, пер. О. Чухонцева)

Поэтическая декларация — всего лишь поэтическая декларация, история поэзии знает немало случаев расхождения между теорией и непосредственной практикой. Но в случае с Х. Гауга это отнюдь не слова. Здесь действительно — и ошую, и одесную — не столько «взор», сколько чувство — посредством взора, посылаемого как бы в разведку, наугад, без заранее заданной, составленной умозрительно программы поиска: «Как взор бежал — был неосознан бег» (78).

И вот что важно отметить: Хута Гауга никогда не попускает «гонца в незнаемое», он умеет и ждать, и не спешить, уверенный:

Пусть то, что было тайным до сих пор,
Не сразу станет явным.

Не спеши,
Настанет время — все увидит взор (59)

Отсюда — пристрастие к оттенкам, тонкостям — ко всему тому, чего обычно не замечают «вечно спешащие». Например:

Возле березы позже темнеет,
возле березы
раньше светает...

Или:

Луна сейчас вступила на подъем:
Вытягивает шею тень моя... (108)

Отсюда же и особо пристальное внимание к переходным, «кризисным» состояниям и в жизни души, и в жизни природы. Ведь именно в этот миг, в этот «промежуток краткий» — в миг встречи-противоборства «эпилога зимы» с прологом весны, душевной усталости («Пусто. Ни слова. Чувства все на засове») и назревающего взрыва нового — всегда первого! — «восторга», в сшибке отступающего дня и надвигающейся ночи — становится «явным» «тайное»:

Как пробеганье ветра по листьям
Или мельканье мыши летучей,
Зыбко даиси мерцает над кручей,
Искрами гаснет в воздухе мгlistом.

Никнет безмолвие — где же цикаде
Тишь взбаламутить? Вдруг из низины
Звук долетает, но ни морщины
Не остается на этой глади.

Кажется, кто-то смотрит из мрака,
Дух одинокий или виденье,
Стоит окликнуть — и в то же мгновенье
Ляжет у двери, словно собака.

Кто там? Почует тварь ли ночная?
Жизнь ли чужая плачет о давнем?

Слышишь, как слезы точит над камнем,
Как причитает вечность немая.

(168, пер. О. Чухонцева)

Поэт иного склада непременно назвал бы по имени плачущую о давнем чужую жизнь, Гагуа ограничивается намеком — ускользящим, зыбким, что-то чуть-чуть приоткрывающим, но и скрывающим в то же время, предоставляя нам возможность (ежели возникнет такая необходимость!) самим облечь этот намек в плоть реальности, разглядеть сквозь мерцание и гору святого Давида, и монастырь на ней, и вечную надпись на вечном камне: «Жизнь и дела твои бессмертны в памяти русских, но зачем пережила тебя любовь моя»...

Впрочем, так бывает далеко не всегда. Кроме импрессионистских, «скрывающих» свой потайной смысл («Великий смысл в пейзаже был сокрыт») лирических ландшафтов, схватывающих на лету мгновение перемены («Подвержена природа переменам», «Оцепененье не по силам земле, творящей перемены»), в книгах Гагуа есть и вполне реалистические вещи, маленькая поэма «Возвращение», например, с множеством бытовых деталей, проработанных тщательно, порой даже кропотливо, с явным уважением к «натуре», к характеру ее:

Сад проглотил язык, и молчуном
Торчит у председательского дома
Чинара, словно сторож под окном,
Но и ее охватывает дрема.

А дальше, головой зарывшись в грязь,
В крутом овраге, шелудив и черен,
Лежит, как старый боров развалясь,
Столетний дуб, поваленный под корень.

А дальше, дальше — черт не разберет,
Вот хрюканье доносится спросонья,
Как будто не хозяин не найдет
Хавронью, а хозяина — хавронья...

(216, пер. О. Чухонцева)

Поскольку выходов в быт (подобных только что процитированному) в поздних стихах Гагуа все-таки больше, чем в

Алла Марченко. Вначале было чувство...

ранних, романтических, их можно объяснить и возрастом души, склоняющим к «суровой прозе», и острой ностальгией, усиливающейся с годами, по стране детства (домашний акцент и намеренная непритязательность поэтической структуры особенно ощутимы тогда, когда Гагуа пишет о матери, отце, родной деревне)... Но, думается, дело не только в этих частных, сугубо биографических обстоятельствах, «творящих перемены», но и в сознательном, точнее — осознанном намерении использовать опыт того направления в современной грузинской поэзии, которое стремится «опрозить» лирику и которое Гургам Асатиани (в статье «Нужны ли противоречия в поэзии») связывал с творческими новациями Мурмана Лебанидзе, ратующего за простоту и непосредственность, за естественные интонации и даже «опростоложивание» поэтического языка...

Поиски М. Лебанидзе (и шире — поэтов новой, демократической ориентации) тем более должны были привлечь внимание Хуты Гагуа, что он изначально не признавал ни лирического красноречия, ни лирической витиеватости. Даже в своих мерцающих этюдах, где рисунок растушеван, размыт нюансами, он никогда не старался обрядить переживание так, чтобы «украшения» позвякивали как «награды» — за сложность, изысканность, тонкость, неординарность чувства... Ему вообще противопоказана любая чрезмерность, в том числе и чрезмерная откровенность. Речь идет, разумеется, не об элементарной «скрытности», ибо, как сказал великий поэт, «воздержанных поэтов не найдешь и днем с огнем»: «то, чего не скажем прозой, то друзьям своим «под розой» обязательно «болтнем».

Поэзия, если это настоящая поэзия, не сможет, даже если очень захочет, «утаить» — ни того, где «жил и вырос» поэт, ни того, что он «чувствовал и вынес»... Не может «утаить» этого и Хута Гагуа, и тем не менее — боль здесь всегда «скреплена волей», «крик — одернут разумом» (104). Принцип этот (и этический и эстетический) — сдержанность, «строгая тишина» («Тихо пишу, тихо, как пишут жизнь человека годы потерь», 167) и рассматривается и утверждается не как личное только достоинство (пункт кодекса личной нравственности), но как качество, присущее грузинскому национальному характеру, с одной стороны, с другой, как свойство, изначально природное, которое он, поэт, лишь «повторяет» — по праву живого родства...

же твердость этических установок и трепетность лирического/го чувствования: «Не дрогнет порода моя, но струна должна быть дрожащей для пенья»...

Вероятно, по той же причине и его лирический герой, ревниво охраняющий свой тайный мир и ясно осознающий единственность, неповторимость своего — земного—случая, своей судьбы — и жизненной, и поэтической — со всеми ее «неясностями», так уверенно чувствует себя в пространстве грузинского национального космоса, настолько уверенно, что может — без боязни сфальшивить, взяв «на два тона выше», — сказать о себе:

Я родился в незапамятные времена...

Ибо и эти—две его жизни—также «слиты воедино» и также «связаны в одно». И тоже — посредством чувства. Зрячего и пристального.

ВСЕ ЖАНРЫ ХОРОШИ, КРОМЕ СКУЧНОГО

ЭТОТ сборник исчез с полок книжных магазинов, практически не успев появиться. К стыду своему должен признаться, что я узнал о его выходе в свет только в конце октября 1982 года, обнаружив на 16-й полосе «Литературной газеты» ценное признание «дежурного администратора» «Клуба «ДС» В. Веселовского: «Внимательно ознакомившись с иронической поэзией, сатирической прозой, пародиями, фельетонами, небывлицами и др., вошедшими в сборник Юрия Мосешвили «Аполлон «под Бахусом», выпущенный тбилисским издательством «Мерани», можно ответственно констатировать, что вдохновение, вкус и профессиональное умение Юрия Мо не задержались на первом слоге его фамилии».

Мнение одного из авторитетных представителей литературного жанра, именуемого не иначе как «веселый», делает честь автору, не умаляя в то же время и достоинств издателя. То, что такое солидное издательство, как «Мерани», в последнее время дало путевку в жизнь не только книжке Юрия Мо, но и любопытному и тоже «веселому» сборнику фельетонов и рассказов Георгия Безиргани, вышедшему под символическим заголовком «Хобби», можно только приветствовать. Остается лишь сожалеть, что обе книжки выпущены очень небольшим тиражом и сразу же стали чуть ли не библиографической редкостью, тогда как спрос на литературу такого рода велик.

Юрий Мо. Аполлон «под Бахусом». Издательство «Мерани», Тбилиси, 1981 г.

Но вернемся к рецензируемой книжке. Почему у сборника такое интригующее название — «Аполлон «под Бахусом»? По этому поводу один знакомый мне деятель от литературы позволил заметить: «Умеют же люди продавать свои вещи в красивой упаковке». Я возразил, сказав, что в данном случае было что «упаковывать».

Кстати, об «упаковке» — то бишь оформлении — оно у книжки действительно превосходное. И дело, очевидно, не только в том, что за это взялся известный кинодраматург Реваз Габриадзе, который прекрасно проявил себя в качестве художника-оформителя, великолепно почувствовав и передав графически замысел автора, но, в первую очередь, в том, что сам материал, художественная ценность включенных в сборник произведений позволяли это сделать.

И если для Реваза Габриадзе, представшего перед нами в новом качестве, это, очевидно, хобби, ибо он в основном занимается другим делом, то для Юрия Мосешвили создание стихов, рассказов, пародий и фельетонов — смысл бытия, возможность проявить свою творческую потенцию.

Итак, сборник называется «Аполлон «под Бахусом». Почему? На этот вопрос автор отвечает так: «Это очень поучительное зрелище — наставник Муз «под шафе» или, как говорится в просторечии, выпимши. Тогда полет его фантазии не ограничен рамками здравого смысла, что, сами понимаете, сковывает творческую мысль. Спешу тут же уведомить, что книжка эта к искусству прямого отношения не имеет. Что касается иронической поэзии, сатирической прозы, пародий, небылиц и прочего, то все это возникает тогда, когда на просто поэзию, просто прозу, просто быть сил не хватает. Так что не принимайте меня всерьез».

В свою очередь я лично спешу заверить читателя, что автор излишне скромничает, хотя это, как известно, красит человека. Юрий Мо создал серьезную, умную, нужную, хлесткую и веселую книжку, которая помогает, как сквозь увеличительное стекло, увидеть «типические характеры в типических обстоятельствах», осмыслить их и бороться со всем тем, что все еще мешает нам более эффективно работать, более красиво жить и созидать.

Давайте вместе с вами, дорогой читатель, полистаем книжку Юрия Мо. Ее первый раздел — Ироническая поэзия — открывает «Ода лестнице».

О лестница! Какой лукавый гений
сложил твои ступени в мудрый смысл:

так нелегко и долго восхождение,
так головокружителен путь вниз.
Да, испокон соблазнов полон тайных
путь по тебе — то ввысь, то в небытье,
то сладко восхождение, то фатально,
но — все равно — без лестниц не житье...

Восемь иронических строк. Но вдумайтесь, пожалуйста, какой глубинный смысл в них заложен. Ведь, по сути дела, здесь не что иное, как философия жизненного пути.

А вот строчки из другого стихотворения — «Реверанс».

От холода дрожу я у печи,
Прохлады жажду, стоя на ветру,
Я постоянно бодрствую в ночи
И засыпаю только поутру.

Оглохнуть я могу от тишины,
Мой слух ласкает скрежет виражей,
Вино меня, конечно, не пьянит,
Голодным возвращаюсь с кутежей.

«Безобразие! — воскликнет кое-кто из не в меру ретивых. — Плагиат! Это же перепев известного стихотворения Франсуа Вийона».

Не надо эмоций! Все правильно. Однако верно и то, что мысль Вийона получила конкретную интерпретацию с учетом иных объективных условий. И совсем это не перепев, а творческое переосмысление. Впрочем, Юрий Мо, как бы предчувствуя возможность метания огненных стрел в свой адрес, делает великолепный ход, заканчивая свое ироническое стихотворение следующими строчками:

Прости меня за вольность, Франсуа,
А я тебя за гений твой прощу...

«Юбилей» — небольшая прозаическая миниатюра. Автор очень верно, точно и тонко подмечает характерные детали, ядовито высмеивая набившую оскомину ритуальную процедуру сусальных

торжеств, организуемых, как правило, самими юбилярами. Давайте поближе познакомимся с героем рассказа, ведь таких, как он, еще немало в жизни.

Вот он. Показан крупным планом. Гордо восседает на авансцене, тонет в лучах ослепительно сияющих юпитеров, выпятив вперед подбородок и в умилении закрыв глаза. Впрочем, лучше послушаем автора рассказа:

«Над головой, поскрипывая, мерно раскачивались от закулисных сквозняков огромные, обрамленные лавром цифры 80/60. Запрятанная в бархате кулис, жужжала кинокамера, отчего ему казалось, что на взмокшую лысину вот-вот усядется противная зеленая муха.

— И вместе с тем, — продолжал с трибуны оратор, — можно считать ярчайшим...

Из темноты зала донесся таинственный шорох.

«Шуршат конфетами», — догадался юбиляр.

— Не только у нас, но и далеко за пределами, — захлебывался оратор.

Юбиляр растерянно заморгал ресницами и осторожно переместил центр тяжести, высвобождая затекшую ногу.

— Всмотритесь в это на первый взгляд ничего не говорящее лицо...

В зале перестали шуршать. Между лопатками юбиляра, щечка, скользнула теплая капелька.

— Все без остатка, — здесь оратор взял высокую ноту, — все без остатка он отдал...

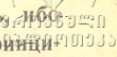
Зал взорвался аплодисментами. Юбиляр приподнялся для поклоня и обнаружил, что парадный сюртук почему-то стал тесен в плечах.

— Давайте окинем мысленным взором, — призвал оратор.

Юбиляр выпятил подбородок и закрыл глаза. Он внял оратору и вспомнил, что всегда был тих, терпел ругательную критику. Потом к нему привыкли. Жил долго. А что главное в искусстве? Главное — дожить до круглой даты».

Дожить до круглой даты. И в этой злой фразе — пафос сатирического произведения.

«Аполлон «под Бахусом» — книжка привлекательная и интересная во многих отношениях. Лично меня она удивила, в первую очередь, своим жанровым многообразием. Автор выступает во многих лицах — и как поэт, и как прозаик, и как пародист, и как фельетонист. Предвижу возражение: когда человек пробует свое перо в различных жанрах — это значит, что он еще не определился ни в одном из них.

К счастью, применительно к Юрию Мо этого не скажешь, ибо его творческое кредо зиждется на жизнеутверждающем принципе, гласящем, что все жанры хороши, кроме скучного. Тонкий юмор и хлесткая сатира, взятые на вооружение автором, органически вплетаясь в художественную ткань произведений, позволяют ему создавать яркие жизненные ситуации, в которых действуют персонажи его произведений. Острые его сатирического запала всегда нацелено на конкретный адрес, ибо юмор и сатира для автора не самоцель, а средство достижения цели. И это, на мой взгляд, самое ценное в творчестве Юрия Мо, который отлично знает, что хоть смеяться и не грешно, но смех ради смеха, равно как и критика ради критики — не более чем пустозвук. Смех хорош тогда, когда он оздоравливает и лечит, критика хороша тогда, когда она помогает устранить имеющиеся недостатки. Все это придает произведениям острую публицистичность, и это еще одна характерная черта творчества Юрия Мосешвили.

Нодар Думбадзе в своем предисловии к сборнику Юрия Мо берет на себя часть ответственности за выход книжки в свет. Он, в частности, пишет: «Дело в том, что в молодости, которой свойственно ошибаться, редактируя грузинский «Крокодил» — «Нинанги», я из номера в номер публиковал его произведения, выслушивая потом претензии оскорбленных героев. Затем я совершил вообще роковую ошибку — перевел и издал книжку его рассказов, оставив, тем самым, темное пятно в своей биографии».

Настоящим спешу заверить, что отныне снимаю с себя всякую ответственность за дальнейшее поведение пока еще, слава богу, не так широко известного публике любителя портить людям настроение. Хотя, по доброте душевной, ничего не имею против, если эта маленькая, но злая и ироничная книжка вызовет у читателя здоровые эмоции».

С мнением маститого писателя трудно не согласиться. Остается только пожелать Юрию Мо новых творческих успехов. В заключение хотелось бы выразить сожаление по поводу того, что в рецензируемой книжке немало досадных корректурных ошибок.

- ДОКУМЕНТЫ
- ПИСЬМА
- ВОСПОМИНАНИЯ

Александра
СМИРНОВА-КОЗЛОВА

АЛИО МИРЦХУЛАВА — «БРЮСОВЕЦ»

●

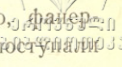
К 80-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

●

КОНЕЦ августа 1923 года. Экзамены в Высший литературно-художественный институт — ВЛХИ (впоследствии им. В. Я. Брюсова) сданы. Теперь мы студенты, да еще какого института!.. Такого нет нигде в мире.

Наше общежитие близ Курского вокзала, Земляной вал, дом 23 (теперь улица Чкалова) — небольшой двухэтажный дом грязно-желтого, а вернее сказать, неопределенного цвета, в глубине двора. Мы — будущие его обитатели своими силами привели это здание в «божеский» вид за неделю до вселения.

Половину второго этажа и весь первый занимали парни. В конце января — первых числах февраля 1924 года в институт поступили грузинский поэт Алексей Андреевич Машавили — Алио Мирцхулава (но мы его тогда знали только как Машавили) и будущий грузинский литературовед Валико Луарсамидзе. Их поселили на нижнем этаже в комнате вместе с двумя другими кавказцами. Эту дружную четверку всегда и всюду видели вместе. Им из дому регулярно присылали посылки: продукты, фрукты, домашнее вино. В дни посылок у наших южан наступало веселье, обычно длившееся за полночь. Пели

грузинские песни, плясали кавказские танцы. Естественно, фанер-ные перегородки не могли заглушить шума. На ребят поставили жалобы.

Меня и Симу Богатыреву выбрали в бюро комсомольской ячейки института. Сима — дочь старого большевика, железнодорожника из Пензы, отчаянная максималистка, была до предела требовательной к себе и к другим.

Мы с Симой решили вызвать Машашвили и Луарсамидзе на бюро и предупредить их об этом, так как твердо были убеждены, что Луарсамидзе и Машашвили следует влечь по строгому выговору за «недостойное поведение в быту», а о других двух сообщить руководству института.

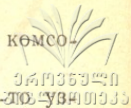
На другой или третий день после этого кто-то из них получил очередную посылку из дому. Ребята принесли нам в дар решето фруктов: виноград, груши, персики... У всех девчат нашей комнаты слюнки потекли при виде таких лакомств. Как правило, все посылки, получаемые от родных, дружно уничтожались всеми обитателями комнаты. И эти лакомства были бы уничтожены по тому же принципу. Но мы с Симой расценили это как взятку и попросили Нюру Коробову отнести подарок обратно. Не успела она вернуться, как следом за ней вошел Валико. Поставил решето на стол и с обидой, горячо произнес:

— Вы нас оскорбляете! У нас на Кавказе принято угощать друзей всем, что сам имеешь, а вы — взятка!.. Не считаете нас товарищами, друзьями?..

Он вышел, а нам от его упреков стало не по себе. Как же так?.. Ведь мы тоже за товарищество... А все-таки, если принять этот подарок, значит связать себя. Ведь через два дня мы будем обсуждать их поведение на бюро... Нет! Надо быть принципиальными до конца! Опять Нюра понесла решето обратно, а вернувшись, закрыла за собой дверь на крючок. Ткнувшись в закрытую дверь, посланец от ребят поставил фрукты на пол у двери. В третий раз понесла Коробова злосчастное решето обратно и тоже вынуждена была его поставить у закрытой двери кавказцев. На этом и закончилась «фруктовая эпопея». Как ни хотелось девчатам полакомиться, они единодушно одобрили наши «принципиальные действия». А мы с Симой решили к прежним «преступлениям» ребят присовокупить новое — попытку дать нам взятку. Недаром нас с ней в ячейке комсомольцы прозвали «комсомольскими ортодоксами». Это прозвище как-то сразу прилипло к нам. Вначале обижались, а потом привыкли.

Главным виновником четверки кавказцев мы считали Машашвили. А как же? Он у них признанный авторитет, вожак, ста-

рый комсомолец, ну и пусть отвечает по всем законам комсомольской морали!..

Но парторг института Иван Андреевич Козлов от которого узнал о нашей затее и пригласил меня и Симу в партком. На его вызов, сейчас уж не помню почему, пришла я одна.

— Ну, садись, милая, — обратился ко мне Иван Андреевич. — Давай поговорим. Так что у вас случилось в общежитии? Кого вы собираетесь прорабатывать и за что?

— Комсомольцев Машашвили и Луарсамидзе. За недостойное поведение в быту, — бойко отвечала я и стала горячо доказывать, что в целях укрепления дисциплины их надо наказать.

— В чем же выразилась недостойность их поведения? Вы с Богатыревой забываете, что они — дети солнечной Грузии. У них свои обычаи, они эмоциональны и непосредственны. Вот вы обвиняете их в пьянке, а не знаете, что на юге сухое вино пьют как мы с вами квас. И родители присылают им домашнее вино как гостинец, для общения с друзьями, а не для пьянки...

— Но они шумят, другим не дают заниматься...

— А вот об этом вы с ними и поговорите, да по-дружески, душевнее. Тогда вы друг друга быстрее поймете. Угроза — не лучший стиль товарищеских контактов.

Я поняла, что мы с Симой погорячились.

Вечером я передала ей разговор с Козловым. Поразмыслив как следует, мы честно признались себе — были неправы. Но говорить с Алио и Валико в тот вечер не стали.

Назавтра, после лекции, я отозвала в сторону Алио и Валико.

— Ребята, поговорить надо.

Путь от Садово-Кудринской площади (ныне площадь Восстания) до Земляного вала неблизкий. Шли не спеша. Успели поговорить обо всем, что касалось создавшегося недоразумения, перешли и на наши всегдашние темы: о комсомольской морали, новом быте, о мировой революции и нашем в ней участии. Потом мы стали расспрашивать ребят о них самих. Валико раскрылся быстро, а молчаливый Алио не сразу. Но в конце концов и он немало рассказал о себе. Перед нами предстали совсем не такие парни, какими мы их себе представляли. Особой симпатией мы прониклись к Алио.

Среди четверки южан он выделялся примечательной внешностью: крепыш, выше среднего роста, большие лучистые голубые глаза и шапка густых кудрей цвета спелой пшеницы. Он никогда не носил головного убора, шарфа, разве только в самые сильные морозы одевал какую-то темную кепчонку. В его движени-

ях не было стремительности кавказца, скорее они были плавными и даже ленивыми. Всегда он был спокоен, уравновешен. В глубине красивых глаз жила какая-то затаенная грусть. Он больше слушал других и молчал, иногда тихо чему-то улыбался и казался нам загадочным. Так мы его и прозвали «молчун».

В тот осенний вечер мы тихо шагали по сонным улицам Москвы и увлеченно разговаривали. Я обратилась к Алио, невольно произнеся его имя по-русски:

— Алеша, почитай нам свои стихи.

Он пристально и добро посмотрел на меня, с его лица сошло выражение замкнутости. Видимо, имя его, произнесенное по-русски, понравилось, и он с легкой улыбкой ответил:

— Но ведь я пишу, девушки, на грузинском языке, а вы его не знаете.

— Все равно почитай. Интересно их звучание на грузинском языке, — поддержала меня Сима.

Читал он проникновенно, и это вызывало душевное волнение, а Валико «пересказывал» нам их по-русски.

Много позже я нашла в его сборнике стихотворение под названием «Я». Тогда нас захватили строчки, созвучные нашим настроениям:

...Мчите меня,
Быстрые кони судьбы!
Многое вижу,
Многого в жизни хочу.
Буря, вперед!
В мире труда и борьбы
Я, вместе с солнцем,
Землю кругом облечу!..

С того вечера и началась наша дружба с кавказцами.

Валерий Яковлевич Брюсов, следивший за молодыми талантами, сразу рассмотрел среди них Машашвили и проявлял о нем отеческую заботу. Вспоминается такой эпизод.

Большинство пролетарского студенчества в то время было раздето, разуту, часто голодало. Наш «отец родной», как в шутку студенты называли «Пролетстуд» — объединение пролетарского студенчества, доставал с каких-то военных складов обмундирование: шинели, шапки, ботинки с обмотками, солдатское белье, гимнастерки, штаны, полотенца, папахи и даже

ремни с планшетами. Изредка присылали партии гражданской одежды. Однажды прислали пару валенок, два отреза шерстяной материи на платье и мужское драповое пальто.

В бюро комсомольской ячейки я была экправом, т. е. ведала экономическими и правовыми вопросами молодежи, и всякие распределения материальных благ мимо меня не проходили.

Узнав о таком богатстве, я попросила секретаря созвать бюро, чтобы посоветоваться — кому рекомендовать эти вещи. Сейчас уж не помню, кому выдали валенки. Отрезы по нашей рекомендации получили две комсомолки. Это решили легко и просто. Но кому дать пальто?.. Оно одно на всю раздетую братию комсомольцев. Пока судили да рядили, сидя в комсомольской комнате, оборудованной нами в бывшей домашней церкви графского особняка, к нам вдруг зашел Брюсов. От неожиданности мы растерялись, все, как по команде, повскакали со своих мест.

— Сидите. Пожалуйста, сидите! — Казалось, что он был смущен не менее нашего. А мы стояли истуканами, не зная, что еще сказать. Даже забыли пригласить его сесть. Он сам очень деликатно спросил:

— Разрешите присесть?..

— Конечно же, Валерий Яковлевич! Извините, пожалуйста, садитесь, — спохватившись, хором заговорили мы и бросились подавать свои стулья.

— Садитесь, товарищи. Пожалуйста, присядьте, — и чтобы погасить наше смущение, опустил на первый поданный стул. — Извините, что помешал вашим занятиям. Скажите, пожалуйста, кому вы определили пальто?

— Сидим, Валерий Яковлевич, и ломаем над этим голову.

— Я очень прошу вас, дайте его товарищу Машашвили. Он южанин, к нашим холодам не привык. Купить не сможет — из бедной крестьянской семьи, а семья революционная. Уж очень он легко одет, а зима нынче суровая. Учтите, Машашвили талантлив и со временем из него вырастет очень крупный поэт. Я убедительно прошу вас, помогите ему...

— Валерий Яковлевич, спасибо за совет! — радостно откликнулся наш секретарь.

Обрадованные, что кончилась «головоломка», все охотно согласились с этим предложением. А Брюсов, поблагодарив нас, вышел. Некоторое время мы сидели молча, озадаченные его приходом и просьбой.

Но еще больше я была поражена, когда через четыре дня, после своей лекции, он подошел ко мне и спросил:

— Товарищ Смирнова, получил Машашвили пальто?

— Второй день щеголяет в нем! — бодро ответила самой от волнения пересохло во рту и колени задрожали деревенской девчонке, никогда еще не приходилось так запросто разговаривать со знаменитым поэтом и нашим ректором. А тут сам подошел и фамилию мою знает...

Машашвили очень любил Маяковского и в своем творчестве был под сильным его влиянием. Никогда Алио не пропускал выступлений великого поэта. Однажды мы узнали, что в консерватории будет выступать Маяковский. Пригласительных билетов не было, а попасть туда очень хотелось. И вот человек пятнадцать, в том числе и Алио, шумно ввалились в вестибюль. У входа в зал два милиционера требовали пропуска или пригласительные билеты. Ни того, ни другого ни у кого не было. Машашвили с независимым видом в своем великолепном пальто вальяжно прошагал мимо них прямо в партер. У него билет не спросили. Видимо, решили — какое-то высокопоставленное лицо или знаменитый пиит. Иначе откуда же у этого важного гражданина столько уверенности и осанистости, да и одет — не то что какие-то обшарпанные студенты. А пиит, ни на кого не обращая внимания, уселся в одном из первых рядов партера. Нас задержали.

Напрасно мы старались доказать, что студенты ВЛХИ обязаны быть на выступлении Маяковского. Убедившись в том, что в зал не попасть, потребовали вызвать Маяковского.

— Не имеем права уходить с поста. Да и Маяковскому сейчас не до вас.

После такого ответа стражей порядка мы начали скандировать:

— Ма-я-ков-ский!.. Ма-я-ков-ский!..

— Ребята, граждане, товарищи! По-хорошему просим уйти и не нарушать порядок! — взмолились милиционеры. — Просим как людей!

— Позовите Маяковского, и мы утихнем.

— Сказано же вам — мы на посту и не имеем права отлучаться.

А «граждане» продолжали скандировать. Наконец по боковой лестнице в вестибюль спустился Маяковский. Ребята — к нему.

— Владимир Владимирович! Что же это такое!?. Мы из ВЛХИ и не можем попасть на ваше выступление...

— Товарищи, что же я могу сделать?

9619359440
802201101033

— Скажите, чтобы пропустили. Нас всего-то пятнадцать студентов...

— Здесь я никому не могу приказывать. Вот есть у меня один билет, — он вынул из бокового кармана билет. — Но это же вас не устроит...

Пока ребята толковали с Маяковским, а милиционеры на него загляделись, трое наших ринулись по лестнице вверх, а за ними и остальные. Спohватившись, милиционеры стали ловить бегущих, хватать за полы... Да куда там!.. Одного схватят, погонятся за другим, третий вырывается. Да и как двум справиться с пятнадцатью сорванцами. Маяковский, наблюдая эту сцену, весело смеялся, а милиционеры, махнув на нас рукой и вытирая вспотевшие лбы, заняли свои посты. Маяковский же, уходя, вслед нам крикнул:

— Молодцы, ребята! — Милиционеры тоже рассмеялись.

Позже выяснилось, что Маяковский вышел к нам потому, что Машашвили, разыскав его, рассказал ему, что в вестибюле студенты ВЛХИ «бунтуют», просят его выйти к ним. А наше скандирование, оказывается, Маяковский и не слышал...

Время летело неумолимо быстро, мы жили бурной студенческой жизнью. Весной все разъехались кто куда. Машашвили уехал на лето к себе в Хоргу и осенью 1924 года в институт не вернулся. Он перевелся в ГИЖ—институт журналистики. Много лет я не встречалась с Алио и не читала его стихов, а если бы и прочла, то не узнала бы, что это он. Ведь мы в ВЛХИ знали только его псевдоним — Машашвили, а он уже печатался под собственной фамилией — Мирцхулава.

Осенью 1958 года довелось мне быть на Втором съезде писателей РСФСР. В перерыве Николай Богданов* подвел ко мне молодого, сильно полысевшего человека и спросил:

— Шура, узнаешь?

— Машашвили!!!

— Узнала. Это хорошо, — обрадовался и Алио.

Да и как было не узнать его по большим, все таким же лучистым голубым глазам. Обменявшись долгими, радостными приветствиями, мы заговорили о временах, давно прошедших.

После заседания мы вышли вместе.

---

* Николай Владимирович Богданов — комсомольский писатель, автор повестей «Первая девушка», «На укомовских столах» и др. Он дружил с Машашвили и жил с нами в одном общежитии на Земляном валу.

— Ну как, где и что ты сейчас?.. — одновременно спросили мы друг друга, а он добавил:

— Расскажи, что ты делала все эти годы?

— Видишь ли, Алеша, долго рассказывать, где меня носило это время. Да и неинтересно тебе будет слушать.

— Ну, а все же? — настаивал он.

— После института была педагогом. Потом окончила Московский авиационный институт, работала инженером по испытанию самолетов в ЦАГИ. После была директором Московской геофизической обсерватории. Перед самой войной вернули в авиацию, воевала в авиационных частях Западного фронта. Оттуда отозвали на партийную работу. В 1946 году послали в Германию. По возвращении работала в Моссовете и только оттуда вырвалась на журналистскую работу в Совинформбюро. Но вскоре снова послали в Германию. Начала там печататься. Вернулась в 1953 году и осела в Москве. Стала помогать мужу Ивану Андреевичу Козлову в его литературной работе. Помнишь его?..

— Ну как же!.. Мой товарищ, парторг института. Читал я его книгу «В Крымском подполье». Так он... твой муж?

— Да. Полтора года как умер, а я сейчас тружусь над его литературным наследием. Последние годы жизни Иван Андреевич был тяжело болен и ослеп. Писал по транспаранту или диктовал мне. Вот я и привожу в порядок свои и его записи: расшифровываю, сверяю с документами, с воспоминаниями его соратников, обрабатываю... одним словом, готовлю к печати. Умирая, он просил подготовить всю трилогию его воспоминаний «Жизнь в борьбе» к печати. Трилогия — воспоминания обо всей его революционной работе.

— Молодец, Шура. Делаешь благородное дело.

Мы шли по московским улицам и вспоминали брюсовские времена, своих товарищей, преподавателей, но особенно много говорили о Брюсове. О его необыкновенной деликатности, гуманности, неустанной заботе о студентах.

Алио решил проводить меня до самого дома, и чем ближе подходили мы к нему, тем шаги наши все замедлялись. Наконец мы совсем остановились, не в силах прервать наши воспоминания.

— Алеша, зайдем ко мне, там и договорим.

Дома была одна моя мать. Она гладила белье.

— Мама, познакомься. Алексей Андреевич — мой и Ивана Андреевича давний друг и товарищ.

Александра Смирнова-Козлова. Алио Мирцхулава — «брюсовец».

Ей тогда было уже 82 года. Была она совершенно безграмотна, но общительна, ласкова и ко всем искренне доброжелательна, поэтому со всеми быстро находила общий язык и устанавливала добрые взаимоотношения. Тут же выключив утюг, она поздоровалась с Алио за руку и подала стул:

— Садись, Лексей!

— Что вы! Что вы!.. Я сам возьму, — страшно смутился Алио. Но мама о чем-то спросила его, и беседа завязалась. Вдруг Алио тяжело вздохнул и печально произнес:

— А моя мама умерла. Как она меня любила!..

Алио стал рассказывать о своей матери, «белолицей Машо», о ее внешней и душевной красоте, о ее любви и нежности к своим детям. Говорил, какие песни она пела им, рассказывала сказки, легенды, которыми так изобилует грузинский фольклор. Как она учила их любить родной край, его прошлое и настоящее, кавказскую природу.

— И хотя моя мама была почти безграмотна, я своими литературными успехами во многом обязан ей. Она умела пробудить в нас что-то возвышенное, умела задеть лучшие струны детской души. Жажда творчества у меня появилась под ее влиянием. В деревне остался сейчас отец, и я всегда с волнением приезжаю в родное село. И литературный псевдоним мой — Машашвили в честь матери — ее звали Машо. А потом меня как-то спросили: что же ты отцовской фамилией пренебрегаешь, ведь и звучит поэтически — Мирцхулава означает «сын звезды». Теперь я печатаюсь под настоящей своей фамилией.

Помечтали мы о слете «брюсовцев». Договорились больше не терять друг друга из виду и на этом расстались... Кто знал, что виделись мы в последний раз!.. Вскоре я получила от него книгу — сборник избранных стихов с дарственной надписью.

Об Алексее Андреевиче Машашвили-Мирцхулава, о его доброте, человечности, высоких моральных качествах, его поразительной работоспособности можно было бы говорить очень много, но я только поделилась своими воспоминаниями о короткой поре нашего знакомства.

НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ ПАРИЖСКОГО НАСТРОЕНИЯ

КОГДА в один прекрасный день распахиваешь окно и в комнату ярко раскрашенным петухом влетают цветистые деревья, тебя невольно охватывает ощущение праздника — таким было и мое первое ощущение при встрече с ночным Парижем.

«Праздник, который всегда с тобой...» Пожалуй, никто так верно не выразил словами чары Парижа, как Хемингуэй. Но это праздник не в бытовом, реальном значении слова, хотя бы потому, что в Париже не устраивают коррид, самых жестоких и красочных зрелищ. Париж необъяснимо чувствителен к духовной природе красоты, его понимание красоты скорее созвучно моему, грузинскому пониманию — «прекрасно все доброе» (Сулхан-Саба Орбелиани), нежели позиции «проклятого» его поэта.

Не все ль равно — с небес приходишь
ты иль с ада,

О, красота, немой, невинный,
жуткий зверь.

(Шарль Бодлер)

Разумеется, любое чувство субъективно, лично. В Париже в свое время и гильотина стояла, и костры пылали на кашащей людьми площади, но сегодня я ощущала лишь мягкость и пронзительность его красоты, и, казалось, в бесконечных прогулках по улицам меня постоянно сопровождали звуки светлой симфонии Моцарта.

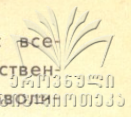
В Париже я не видела ни карнавала, ни какого-либо другого праздника, который своей красочностью, непосредственностью и накалом первобытных страстей, как, например, коррида, обратил бы неизбежные сгустки крови в прекрасные розы и нао-

борот. Здесь праздник начинается в твоей душе и, постепенно завладевая ею, выплескивается наружу, причем удивительная гармония, заключенная в пластике города, возвышает и одухотворяет его.

Четкая, геометрическая, конструктивная пластика Нью-Йорка напоминает картины Пита Мондриана, которые, быть может, и вызовут восторг и даже изумление, но, да простят мне художники, мало трогают мою душу. В пластическом рисунке Рима мне чудится явно мужское начало — кричащая терракота крови, оргии, бесконечные войны, затмевающие утонченных мадонн, — начало, которое потрясает до глубины души и заставляет преклонить колени перед микеланджеловской нечеловеческой, трагической силой. Оно прекрасно, но давит, как каменные жернова. В Париже ничто над тобой не довлеет — ни Вандомский столп, ни Дворец инвалидов, ни Эйфелева башня, ни химеры собора Нотр-Дам, уродство которых уравновешено полетом готики и изящным цветастым солнцем витражей, как, впрочем, все в природе, которая «одинаково тянет груз белого и черного и все-таки прекрасна, все-таки блещет красотой» (Важа Пшавела).

Эта естественность и простота, на мой взгляд, берут начало в самом вечном и прекрасном — в пластике женского тела. Явно выраженное женское начало города — это пластика насыщенной формы Иль де Франс Майоля, потому-то и ощущаю гармония между женщинами XX столетия Майоля и утонченным ренессансным стилем Лувра; потому-то и является истинно парижской женщина Мура перед зданием ЮНЕСКО, ибо, несмотря на абстрактность и условность, в основе ее — классическая и прекрасная женская форма.

В нашей туристической группе, состоящей из работников искусства и культуры, царит такая же гармония, как и в архитектуре города. Целый день мы бродим, не чувствуя усталости, знакомимся с Лувром, Версалем, Дворцом инвалидов, в проливной ливень любимся городом с высоты Эйфелевой башни, поднимаемся на Монмартр, и как обидно, что из многочисленных художников, рисующих прямо на улице (акварель, графика, живопись, портреты прохожих, исполненные с быстротой, которой может позавидовать фотограф), ни один не приковывает нашего внимания, ибо рисунки их не высветлены даже тонким лучиком необычности, непохожести, «самовитости». Они нуждаются и вынуждены таким образом зарабатывать на жизнь, как и негры возле Сакре-Кера, торгующие бумажными птичками, бусами, миниатюрными тамтамами.

Но Монмартр остается Монмартром, и каждый из нас все-таки увозит с собой графику или же акварель и даже собственный портрет — не как произведение искусства, а как символический сувенир, вернее — монмартрское настроение, которое само по себе уже талант, в сотню раз искупающий грусть, навеянную встречей с художниками.

Очарование Парижа соткано из самых разных настроений: монмартрского, монпарнасского, настроения Елисейских полей, Булонского леса, Лувра, Люксембургского парка, кафе Ротонда и множества других — и все своеобразны и неповторимы, точно импрессионистский миг, неповторима не только их визуальная, материальная суть, но и звучание. Например, слово Монпарнас лично для меня — голубое и продолговатое, как миндалины, как глаза и обнаженные тела модильяновских женщин; Гранд-опера, конечно же, это звучание скрипки Шагала, оно отрывается от земли и принимает в воздухе столь характерную для модели Шагала неестественную, странную, но прекраснейшую позу... В одной из пьес Метерлинка, помнится, настроение определяется сугубо музыкальным звучанием слова «волосы» — это настроение, вызванное созерцанием распущенных волос, дождя и грусти.

Вечером заходим в кафе «Купол» за чашечкой кофе и опять-таки за настроением. Сюда некогда заходили Ладос Гудиашвили, Елена Ахвледиани и Давид Какабадзе. Ищем в кафе разрисованные ими колонны. Им мог принадлежать любой из этих рисунков, но ведь главное не в этом, а в том, что они сидели здесь, пили кофе, рисовали или не рисовали, а нам все-таки оставили на этих стенах светлое, печальное настроение. Мне кажется, импрессионизм мог зародиться только в Париже. Вероятно, нигде в другом уголке мира человек не бывает так подвластен мимолетному настроению, как здесь. Вероятно, на фоне уютно мерцающих лампочек и старинных фонарей яркая, ослепительная вспышка 500- или 1000-свечевой лампы (а именно таким был эффект, произведенный импрессионистской живописью) могла быть воспринята изнеженным глазом только с условием мгновенности, сиюминутности впечатления, вслед за которым ему была необходима успокаивающая шелковая мягкость затененного света, но когда, вопреки ожиданию, его вновь ослепило жгучее, всепроникающее солнце, он начал переоценивать ценности и даже проникся любовью и сочувствием к художнику с отрезанным ухом.

Лия Стурва. Несколько мгновений парижского настроения.

На стене одного из кафе, в котором ничего не изменилось с XIX века, висят палитры художников. Я ищу палитру Ван-Гога. Мне кажется, я ее тотчас узнаю, узнаю внутренним зрением, управляемым инстинктом любви. Я не нахожу ее, и мне говорят, что здесь и нет палитры Ван-Гога. Быть может, Гудиашвили и Какабадзе вовсе не расписывали те столбы, но ведь известно, что человек видит скорее то, что хотел бы видеть, нежели то, что существует реально, объективно.

Я же была настроена на встречу с Ван-Гогом, жаждала увидеть рисунки грузинских художников, а минутный настрой и желание в этом городе равносильны тому, что ты увидел все это и даже прикоснулся ко всему руками. И, вероятно, благодаря своему настроению я увидела в Люксембургском парке инвалида войны, описанного К. Гамсахурдиа, со шрамом, как у Гуинплена, от уха до уха, и женщину в черных чулках, и мужчину на картине Кикодзе, которые, несмотря на то, что они стоят рядом, с самого детства вызывали во мне чувство какого-то странного одиночества.

И вот уже абсолютно реальное грузинское настроение, овладевшее мною: во дворце на Елисейских полях открыта выставка экспонатов нашего Музея искусств, и эти экспонаты вызывают у меня, да пожалуй, и у всех моих соотечественников, такое чувство, какое может вызвать младенец, которого холишь и нежишь, а когда он вдруг оказывается в чужих руках, пусть даже ненадолго, испытываешь чувство недоумения. Но вот показался лик младенца — засверкали утонченная эмаль и золото перегородок в толщину с волосок, покоряющие всех без исключения, — и нас охватывает чувство родительской гордости и счастья. Выставка пользуется большим успехом. Об этом свидетельствуют и огромное число посетителей выставочных залов, и передачи по французскому телевидению, и пресса, и расклеенные по всему городу рекламы и афиши с тондо гелатского святого отца. Помню, в нью-йоркском музее Метрополитен мы видели небольшую деталь иконы Хахульской богоматери, по которой, не зная ее, трудно было бы составить впечатление об иконе в целом, и я, человек, презирующий всякую патетику и высокопарность, вдруг почувствовала, что в моем горле возник иглистый комочек-еж, и я укрылась за деревом в зимнем саду...

На Трокадеро, где устраивается этнографическая выставка стран Востока, мы встретили нашего друга, известного художника Зураба Церетели, который готовил грузинскую экспозицию...

Хочется рассказать и о других впечатлениях, которые трудно назвать положительными или эстетическими. Неприятный, горь-

кий осадок, оставленный во мне нравственным капризом современной цивилизации, связан с Булонским лесом, по которому мы ехали как-то вечером на машине и видели «чудо» медицины XX века — «травести» навыворот, когда мужчина играет роль женщины. На первый взгляд они, казалось бы, не отличаются от женщин, формы их округлы и женственны после соответствующей операции и принятия гормонов, хотя голос и рост почти всегда выдают тайну. Лица у них безжалостно размалеваны (на их фоне самая ярко накрашенная женщина выглядит серой), они потеряли не только дарованный им природой пол, но и свой прежний облик. А ведь даже для того, чтоб умело навести макияж, нужно обладать даром художника, которого эти существа, конечно же, лишены. Окруженные мужчинами, чьи атрофированные нервы и чувства могут возбудить лишь патология и сексуальная аномалия, они оставляют впечатление страшной, омерзительной клоунады.

Я долго не могла отрешиться от брезгливого и неприятного чувства. Идеал взаимоотношений человека с природой видится мне в отношении Миндии к природе — не как к стихийному, а как к разумному, осмысленному, доброму началу. Поэтому-то любая аномалия, вызванная вмешательством человека, кажется мне жесточайшим насилием над природой. Если человеку не холодно или же ему не нужна новогодняя елка, а он тем не менее рубит топором здоровое дерево, или же, будучи сытым, убивает кошку — он совершает злодейство.

Франкенштейн, герой фильмов ужасов начала нашего столетия, выводил в пробирке людей, уменьшал и увеличивал их, изменял им мозг и психику, но до подобного «травести» фантазия его не доходила.

Трудно представить медицину в роли монстра, тем более что она, как двуликий Янус, обернулась ко мне и другим своим ликом — доброй, миловидной сестрой милосердия, когда мне потребовалась экстренная медицинская помощь. Вместе с тяжелыми минутами я испытала и блаженство катарсиза, ибо в Париже, в силу своеобразия этого города, все оттенки переживаний, будь они радостные или грустные, воспринимались мною через настроение. Я остро ощутила, что окружена сочувствием и добротой, которую излучали близкие мне люди (даже просто знакомый человек стал удивительно близким). Мое недомогание оказалось своего рода лакмусовой бумажкой, опущенной в конт-

---

Лия Стура. Несколько мгновений парижского настроения.

рольную жидкость, — результат «опыта» превзошел все ожидания.

Я оказалась свидетелем знаменитой французской галереи — пожилой профессор стоял на коленях перед носилками, чтоб я не напрягала зрение. Он говорил со мной минут десять, и меня успокоил не столько поставленный диагноз, сколько человечность, которую излучал пожилой врач.

Под наркозом я слышала ритмические и монотонные звуки тамтамов, а потом в течение всей ночи происходили превращения — то тамтамов в солнце, то солнца — в тамтамы, и они стучали безжалостно, как пароксическое сердце. Почему-то во Франции меня ни на минуту не покидали литературные и изобразительные ассоциации. Вспомнилось, как героя Камю гудевшее в ритме тамтамов солнце довело до убийства.

По милости тех же случайностей и совпадений, которыми столь богата природа, на другой день перед Центром Помпиду я увидела множество негров, они сидели на земле и играли на тамтамах. Тот же звук, те же ритмы. Словно они играли для меня. У меня и в самом деле возникло чувство, будто это знамение того, что сбился мой сон, что я наконец-то избавилась от дурного глаза, который неотступно преследовал меня все эти дни...

Архитектура Центра Помпиду современна и необычна. Кто знает, быть может, он, как некогда Эйфелева башня, казался парижанам странным на фоне барокко, готики и ренессанса, но в дальнейшем к нему привыкли и даже полюбили. Я же не парижанка и восприняла Бобур органично вписывающимся в ансамбль города — мне особенно приятно было ощущать свободную и бескрайнюю фантазию человека.

Это современное здание из стекла и стали оплетено, словно волосами медузы Горгоны, разноцветными трубами функционального назначения: водными — синего цвета, канализации — зеленого, отопления — красного. Вспоминается сонет Артюра Рембо «Гласные»:

**А — черный, белый — Е; И — красный; У — зеленый,
О — синий; тайну их скажу я в свой черед...**

Вероятно, эта эстетическая потребность французских поэтов видеть все предметы и явления в предельном цвете нашла отклик в творчестве английских и итальянских архитекторов, возводивших Центр Помпиду, а может, это лишь моя, субъективная ассоциация... Бобур похож на тело человека в разрезе, в котором все внутренности, нервы, сухожилия имеют свой собственный цвет. Это «распотрошенное тело» французы с присущей им элегантностью превратили в эстетический феномен.

Как видно, французы наделены свыше не только чувством юмора, но и острым восприятием цвета. Как не вспомнить анекдот, который приводит Гете в своем исследовании «Die Farbenlehre» — француз оставил любимую женщину только потому, что она перекрасила свою комнату спокойных тонов в кармазиновый цвет. Он не простил ей безвкусицы и тяги к кричащим краскам.

В Бобуре на выставке современных художников я еще раз испытала восхищение перед многогранностью таланта Пикассо, его плодовитостью, красками, то тусклыми, как на фресках, то уверенными и четкими, его конструктивными формами (здесь не было любимых мною работ розового и голубого периодов); скульптурами Арпа, отличающимися совершенством простой и классической формы яйца, картинами Кандинского, Миро, до боли родного мне Шагала.

Здесь же мы побывали в кинозале с пробковыми стенами, которые могут раздвигаться в зависимости от увеличения числа зрителей. Сидишь в зале, смотришь фильм, а зритель все прибывает, зал раздувается, как воздушный шар, и ты раскачиваешься вместе с залом в туманном воздухе Парижа.

В силу особенности зрительного зала ты как бы уступаешь место рядом с собой незнакомому человеку, и это создает настроение некой близости и взаимообщения и хотя бы на миг освобождает от чувства отчужденности. Я тотчас отыскиваю этому архитектурному эффекту альтруистическую основу: «Сердцевину одного ореха разделили девять братьев»¹... Вероятно, было бы логичнее объяснить этот эффект и желанием привлечь в зал побольше зрителей. Но поскольку мы убедились, что парижские впечатления бывают самыми внезапными и во многом зависят от настроения, я извлекаю из грузинских сказок и пословиц сиреневый импрессионистский цветок моего личного отношения к этому городу. Ведь говорил мой прекрасный предок:

Розу Хафиза я поставил в вазу Прюдома,

В саду Бесики сажаю

злые цветы Бодлера...

(Перевод подстрочный).

В Музее современного искусства мои эмоции несколько остыли: Здесь выставлена живопись, скульптура, художествен-

¹ Грузинская пословица.

ная фотография. Основная тенденция — стремление к экстравагантности, желание привлечь внимание любыми средствами, даже пренебрегая спецификой изобразительного искусства. Позиция Шарля Бодлера заключалась в «экстравагантном дэндизме», но она опиралась на почву высокой поэзии — никакого утрирования или же культа уродливого, необычное видение заключалось в бесконечных глубинах значения слова («душа жаждет предела так же, как жаждет ее беспредельность». Г. Табидзе).

На этой выставке задерживаешься лишь перед картинами или скульптурами (будь то поп-арт или же движущаяся скульптура), которые не попирают свойств цвета и формы, лишь они могут доставить истинное эстетическое наслаждение, но таких экспонатов очень мало. Помню, в Америке мне очень понравились движущиеся скульптуры Кальдера, хотя они абсолютно отличаются от более близких мне по духу скульптур Арпа и Мура. Я люблю также работы экспрессивного Цаткина, утрирующего и разрушающего формы. Не беру на себя смелость вести профессиональный разговор об отношении к изобразительному искусству, но одно непреложно — самое пристальное внимание, самые острые эмоции вызывает только талант, безразлично, в какую скорлупу он заключен — в привычную или же экстравагантную, при условии, что скорлупа эта, безусловно, должна быть эстетичной. Вообще эстетика наравне с ощущением праздника, остротой настроения, гармоничностью и другими цветными или музыкальными нюансами определяет суть Парижа.

В витринах магазинов — одежды, косметики и других — господствует принцип высочайшей эстетики, а не ширпотреб. Сочными, ренессансными красками и избытком блещут интерьеры кафе и ресторанов, невольно оживляя в моем воображении героев Рабле, которые долго были сокрыты от моего видения за сказочными белыми павлинами и зеркалами Малларме...

Понятие о французской эстетике каждому из нас дает вечно живая и лично мною самая любимая книга — «Три мушкетера». Париж Дюма — самый близкий тебе Париж, поскольку он знаком тебе с детства, и в то же время самый недостижимый, ибо похож на первую любовь, опутанную сложнейшими нитями интриг, дуэлей, пылкими объяснениями, здесь так элегантно убивают друг друга, надушенными батистовыми платочками вытирают кровь с клинков, что убийство кажется театрализованным представлением. А любят с такой страстью и труднейшие минуты жизни воспринимают с таким юмором, что в душе возникает ощущение ликования, еще неосознанного, затаенного, которое затем, в пору зрелости, обретает прекрасные безупречные формы жен-

щины, и, соприкоснувшись с этой красотой, чувствуешь, как в душе твоей рождается яркий, красочный праздник... И даже те летные впечатления, которыми щедро одарил меня Париж за какие-то несколько дней, невольно приобщили меня к этому празднику.

Париж никогда не кончается, и каждый, кто там жил, помнит его по-своему. «Мы всегда возвращались туда, кем бы мы ни были и как бы он ни изменился, как бы трудно или легко ни было попасть туда. Париж стоит этого, и ты всегда получал сполна за все, что отдавал ему. И таким был Париж в те далекие дни, когда мы были очень бедны и очень счастливы», — писал Хемингуэй, который жил в Париже и в силу обстоятельств соприкоснулся не только с красотой, но и с нуждой, и все-таки называл Париж праздником.

Галактион Табидзе формально провел в Париже несколько дней, но фактически — лучшие годы своей молодости, которые возшли в его творчестве «Артистическими цветами»:

**Льет безумные слезы
Гамма воспоминаний,
Вспоминаю часто Верлена,
Как погибшего отца...**

(Перевод подстрочный)

Несмотря на все литературные и изобразительные ассоциации, я увидела Париж таким, каким могла видеть только я. Вероятно, те же чувства испытывали и другие. Быть может, это и кощунство, что Монпарнас виделся мне синим и напоминал ядро миндаля, Гранд-опера—парящей женщиной с картины Шагала, а Монмартр навеял уже совсем иное настроение (на сей раз без зарытого в нем таланта), но Париж — город символистов и импрессионистов, которые видели золотистые реки, фиалковую землю и красные деревья наперекор существующим в природе цветам. Поэтому Париж прощает всем своеобразие видения и отображения и даже то безмолвное блаженное состояние, вызываемое соприкосновением с ним, которое Флобер называл «счастливой тишиной».

ГЕОРГИЮ ДЖИБЛАДЗЕ — 70 ЛЕТ

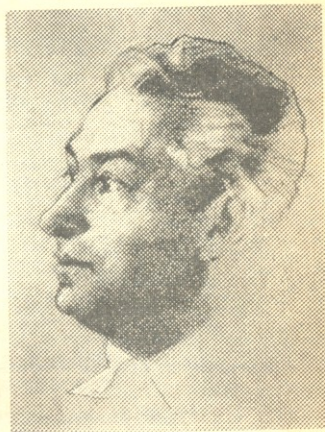

Рис. Уча Джaparидзе

Вице-президенту АН ГССР академику Георгию Николаевичу Джибладзе исполнилось 70 лет. Пятьдесят из них отданы научной и общественной деятельности. Автор свыше сорока фундаментальных исследований по грузинской литературе, эстетике, критике, множества монографий, очерков, статей, Г. Н. Джибладзе много лет посвятил руководству и организации высшей и средней общеобразовательной школы нашей республики. Его многогранная государственная, партийная и общественная деятельность отмечена высокими наградами Родины.

Г. Н. Джибладзе является академиком - учредителем и членом президиума Академии педагогических наук СССР, заслуженным деятелем науки.

Труды его о грузинской литературе, о выдающихся представителях русской культуры собраны в шести томах «Критических этюдов», из которых мы предлагаем вниманию читателя перевод четырех статей—о Шолохове, Тихонове и Симонове.

В связи с семидесятилетием редакция горячо поздравляет Георгия Николаевича, желает ему здоровья и успехов в работе.

Ш О Л О Х О В

ВЕЛИКИХ писателей обычно называют либо по имени, либо по фамилии—Руставели, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Лермонтов, Байрон, Бараташвили, Илья, Акакий, Важа, Галактион. И нет необходимости добавлять к имени фамилию или к фамилии имя. В одном таком слове сказано все, так же как в словах — Горький, Маяковский, Шолохов.

Эти три исключительно популярных имени стали эталоном для советских писателей, хотя вряд ли кто станет возражать против того, что выдающимися художниками слова были Сергей Есенин и Алексей Толстой, Константин Федин и Александр Фадеев, Николай Тихонов и Константин Симонов, Анна Ахматова и Борис Пастернак.

Подобно метеору ворвался Шолохов в русскую литературу. До первой книги «Тихого Дона» им были написаны довольно сильные донские рассказы. Но лишь после публикации первой книги тетралогии «Тихий Дон» его совсем еще молодой автор был признан великим писателем не только у себя на родине, но и за ее пределами. Западноевропейская литературная критика 30-х годов назвала Шолохова «современным Гомером», а его книгу—«Илиадой» нового времени». После гениального творца «Анны Карениной» и Горького такого всемирного признания не был удостоен никто из современных писателей. Шолохов как-то сразу, прямо-таки с казацкой лихостью, овладел вершиной литературного Олимпа.

Однако он готовился к этому легендарному штурму несколько лет — писал свои талантливые донские рассказы. Первый из них — «Экзамен» был опубликован в 1923 году. Затем последовала целая серия — «Три», «Ревизор», «Родинка»... Всего двадцать восемь новелл и миниатюр, в которых уже явно ощутил талант Шолохова-художника, впоследствии поднявшего целину в романистике. Главное в ранних рас-

сказах Шолохова — это магнетическая сила творчества, ^{поиски} реализму, ^{УД 135351} изобразительных средств, знание жизни, верность условиям жизни, оптимистические идеи, несмотря на трагические условия жизни героев, толстовское правдолюбие.

И каждый рассказ — с удивительно острым сюжетом, пробирающим до дрожи, со сложными перипетиями, подобно рассказам Стендаля и Мериме, но глубоко жизненными, взятыми из сердцевины самой действительности. В них присутствуют все признаки эпоса, но это еще не эпос, проявившийся с необычайной силой в «Тихом Доне».

То был шолоховский эпос — действительно «Илиада» нового времени. Читателя привлекали в этой тетралогии великого художника жизни, написанной поистине с толстовским размахом и силой, самобытный талант, мастерски построенные диалоги, энциклопедическое знание жизни, умение проникнуть в самую глубину души каждого персонажа, поразительные детали, пейзажи, панорамы, лирические пассажи, необыкновенная правда, смелость, способность представить все так, как это происходит в жизни и как должно быть в истинно высоком искусстве. В «Тихом Доне» была некая гипнотическая сила, и ее совсем еще молодой автор стал «живым классиком». Многим даже казалась невероятной масштабность изображенных молодым романистом событий.

В творчестве Шолохова отражены все основные исторические рубежи нашей жизни: дореволюционный период и революция, интервенция и гражданская война, социалистическое преобразование старого села и Отечественная война, итоги войны. Это — «Тихий Дон» (действие начинается в 1914 году и заканчивается в 1921-м) и «Донские рассказы», затем две книги «Поднятой целины» и, наконец, «Наука ненависти», «Судьба человека» и «Они сражались за Родину». Таким образом, в шолоховском творчестве отразился семидесятилетний путь развития современного общества.

Ни одному писателю не удавалось так колоритно, с такой неповторимой художественной экспрессией выразить ярость гражданской войны, как это сделал Шолохов в «Тихом Доне», и нигде не дана столь объективная картина колхозного движения тридцатых годов, как в «Поднятой целине». О Великой Отечественной войне, как известно, написано много. Но шолоховские произведения о ней — «Судьба человека», «Наука ненависти» и незаконченный роман «Они сражались за Родину» — обладают некой иной силой.

Все его творчество отличает высокая идейность и гуманизм. Оно покоряет нас глубоким знанием природы человека удивительным проникновением в его психологию, возвышенными чувствами и идеалом красоты.

Вспомните Григория Мелехова, Аксинью, Наталью. Каждый из этих персонажей — не только целая эпоха, но и олицетворение самоотверженной борьбы за возвышенные чувства, любовь, красоту, которую не могли задушить невероятно тяжелые условия жизни. Бесспорно мужественный, красивый, исполненный благородства казак Григорий Мелехов, которому приходится жить в эпоху сложнейших социальных и политических катаклизмов, поначалу теряет почву под ногами, и любящая его жена Наталья интуитивно воспринимает это как рок. Но то было лишь одно заблуждение Григория. Другой его грех заключается в том, что он полюбил жену своего соседа Степана Астахова — Аксинью. Если первое заблуждение в социально-политической сфере привело Мелехова как гражданина к катастрофе, то второе разрушило его очаг, уготовило трагический конец Наталье, да и самой Аксинье, не говоря уже о других. Сколько хорошего заложено в Мелехове и сколько плохого воспринято им благодаря не только его характеру, не только его необразованности, но и необыкновенно жестоким условиям жизни, в которых он очутился без надежды на спасение. Столь сложный, противоречивый образ мужественного человека, сгорающего от любви, пережившего столько злоключений, — явление не то чтобы редкое, а я бы сказал, исключительное в литературе двадцатого века. Григорий Мелехов — личность настолько сложная, что о нем можно писать пространные психологические исследования.

Жена Григория Мелехова Наталья — один из прекраснейших образов «Тихого Дона». Красивая и добрая, преданная мужу и работающая, Наталья — трагическая личность, прожившая жизнь в моральной чистоте и мучениях. Нам жаль ее, мы остро переживаем несчастья этой женщины и не устаем удивляться мастерству Шолохова, который даже в уста Аксиньи вкладывает признание в том, что после покушения на самоубийство Наталья даже с искривленной шеей по-прежнему красива. Это тот самый древнейший закон показа героя в действии, приписываемый гению Гомера и достигший наивысшей точки в искусстве античных греков.

Аксинья же — антипод Натальи. Это вполне «земное» существо, олицетворение прямо-таки демонической красоты. Аксинья — натура страстная, самоотверженная в любви.

Все трое — Григорий, Наталья, Аксинья — личности трагические. И образы их столь сложны, что требуют специальных исследований с целью литературно-эстетического и социально-психологического анализа.

Однако «Тихий Дон» пленяет читателя не только мастерским изображением живых, убедительных, глубоких человеческих характеров, не только исключительно острым сюжетом, удивительным реализмом батальных сцен, но и безукоризненным знанием описываемой эпохи.

Шолохов всегда точен и правдив — описывает ли он людей или картины природы, рисует ли социальные или политические столкновения противоположных сил или тяжелое положение в городах и селах той поры, рассказывает ли о военных советах, атаках, отступлениях, революционных силах, одним словом, обо всем том, что содержат четыре книги «Тихого Дона».

Поразительно и то, как сумел автор слить все это в одно органическое целое, ни разу при этом не ошибиться, увлечь своим романом читателя. И показать все в действии, нагнетая драматизм описываемого совершенным литературным языком, во всемирно известном шолоховском стиле.

Эпопея «Тихий Дон» — произведение по своей мощи действительно под стать «Илиаде». И для полного его анализа недостаточно, пожалуй, одного критического тома.

Второй роман Шолохова «Поднятая целина» с точки зрения силы художественного воздействия можно считать продолжением «Тихого Дона». Писатель открыл перед нами совершенно новый мир, рассказал о невиданных событиях, фактах, неслыханных делах, показал новых людей. Он поднял и литературную целину. Явившись подлинным зеркалом революционных преобразований на селе, роман сослужил огромную службу не только нашей Родине, но и другим социалистическим странам.

В «Поднятой целине» читатель познакомился с совершенно новыми героями, пришедшими в советскую литературу, — с Семеном Давыдовым, Макаром Нагульновым, Андреем Разметновым. Это преданные новому селу люди, нарисованные Шолоховым с такой любовью и мастерством, что чита-

тель сразу же полюбил их. Чего стоит хотя бы дед Щукарь — этот классический образ, своего рода Станарель нового времени. Его совершенно свободно можно поставить в один ряд с такими образами мировой литературы, как Санчо, Фигаро, Уленшпигель, Брюнон, Швейк. Его «близость» к сократовской философии, каламбуры, остроумие, то, что он без конца попадает в смешные положения, — стоит целого романа. А как предан дед Щукарь людям, строящим новую жизнь на селе, как искренне сочувствует их делам. Когда Давыдов и Нагульнов погибают, дед Щукарь ухаживает за их могилами, как если бы это были могилы его сыновей.

Рождение нового села со всеми его болями, противоречиями и борьбой противоположностей, враждебных сил никому не удалось описать так, как Шолохову. Это оказалось под силу только его таланту. Поэтому не случайно «Поднятая целина» как роман, открывший читателю новый, доселе невиданный мир, имела большой международный резонанс.

Произведение Шолохова «Судьба человека» можно было бы назвать и так — «Мир сквозь призму одного человека». Невозможно не принять близко к сердцу трагедию главного его героя Андрея Соколова, о которой писатель поведал с таким неподражаемым мастерством. Человек, перенесший все ужасы второй мировой войны, оставшийся один-одинешенек на всем белом свете, потому что война унесла всех его близких, говорит маленькому Ванюшке, мальчику, подобно ему потерявшему родных, что он его родной отец. Соколов лжет, но это благородная ложь. Он берет на себя заботу о бедном ребенке и растит его, как родного сына.

Роман «Они сражались за Родину» представляет собой эпопею Великой Отечественной войны. Батальные сцены здесь описаны поистине по-шолоховски. Однако главное все же люди — солдаты и мирное население, на долю которых выпало столько испытаний. В прошлом мирные труженики, Стрельцов, Звягинцев, Лопухин с оружием в руках борются с фашистским чудовищем. Весь роман построен на сложных жизненных перипетиях и радикальных контрастах. И все это выражено с такой силой, что проза поднимается до уровня поэзии и порой соперничает с живописью. Сражения описы-

ваются до деталей. В показе Отечественной войны до ботца соблюден принцип — многообразие единого и единство многообразия. Никто после Л. Толстого не описывал войны так, как это сделал Шолохов. Весь роман — олицетворение народной мудрости, остроумия, ярко выраженной индивидуальности каждого его персонажа.

Совершенно оригинальна «Наука ненависти», в жанровом отношении представляющая собой органический синтез публицистического и художественного творчества. В этом произведении всего три действующих лица: война, писатель и лейтенант Виктор Герасимов. Этот последний, правда, несколько походит на Андрея Соколова, но в то же время значительно отличается от него. Ужасы войны, которые приходилось неоднократно наблюдать и переносить Герасимову, превратили этого кроткого человека в стойкого борца, бесстрашного и отважного. Ничего общего с толстовским «непротивлением злу». Многие из всего того, что так мастерски описано Шолоховым в произведениях о войне, пережито и перенесено им самим. Когда немцы бомбили Вешенскую, где не было ни одного военного объекта, на глазах у Шолохова погибла его мать.

В своих публицистических статьях он тоже остается эпиком, так как един и целен как писатель, как мыслитель. В своем теоретическом эссе «Величие духа», в котором дан глубокий философский анализ толстовства и гандизма, четко проявилась его научная позиция.

Писателю подобного ранга нетрудно было добиться мирового признания, тем более, что еще Горький сравнил «Тихий Дон» (а Шолохову было всего 23 года, когда он его написал) с «Войной и миром» Льва Толстого. Высокую оценку молодому Шолохову дал и Алексей Толстой. К лучшим мировым творениям отнес его произведения и Ромен Роллан. Восторженно отзывался о нем и скупой на похвалы Хемингуэй. Чарльз Сноу объявил его «великим писателем», а Ларни назвал «грандиозным». Федин, Тихонов, академик Семенов, Чандра, Варела, Линдсей, Марсель, Вюрмсер, Хельман, Зегерс... Всех даже перечислить невозможно. И все они в один голос утверждают, что Шолохов — великий пи-

сатель, что он бессмертен, что он при жизни воздвиг себе памятник, «завоевал планету».

Лауреат Нобелевской премии, дважды Герой Социалистического Труда, писатель-академик Михаил Шолохов — сегодня один из популярных художников мира. Его книги переведены на языки всех цивилизованных народов, а тиражи их исчисляются десятками миллионов.

Так шагает Шолохов по меридианам мира!

Он побывал во многих странах на всех пяти континентах, в том числе трижды в нашей маленькой республике. Неизгладимое впечатление произвели на него цинандалские виды и тбилисские окрестности, Вардзиа, Джвари и Светицховели, памятники материальной культуры Грузии, собранные в музее имени Джанашиа.

Кайшаурская долина и Дарьяльское ущелье пробудили в нем возвышенные чувства, а плантации Натанеби и Черноморское побережье еще раз заставили прочувствовать земную красоту. И повсюду он вдохновенно говорил о героическом прошлом, настоящем и будущем Иверии.

По нашей просьбе Шолохов написал прекрасные слова, посвященные юбилею Важа Пшавела, которые так хорошо известны сегодня.

Когда мы гостили у Шолохова в Вешенской, покоренный сердечностью приема Георгий Леонидзе сказал мне: «Так ласково, так душевно может принимать гостей только истинный человек, который и в гостеприимстве гений». Мы тогда по аналогии с горьковской оценкой Стальского сравнили «Тихий Дон» с «Илиадой». В ту пору нам думалось, что мы — авторы этого сравнения, и гордились этим, но позже узнали, что европейская критика провела эту параллель еще в 1930 году, когда Шолохову было всего 25 лет.

Сегодня все прогрессивное человечество приветствует этого мудрого человека, вышедшего из донских степей, который вместе с Горьким и Маяковским вознес советскую литературу на вершину олимпийского величия.

1980 г.

Георгию Джибладзе — 70 лет.

ПОЧЕМУ Я НАПИСАЛ «ЭПОС ШОЛОХОВА»?

ПОЧЕМУ я написал монографию «Эпос Шолохова»? Этот вопрос часто задают мне читатели, как друзья, так и вовсе не знакомые мне люди.

Мотивов было немало, все не перечислишь. Отвечу кратко. Действительно, почему я взялся за это фундаментальное исследование о великом писателе?

Потому что Шолохов — явление не локальное, это писатель мирового масштаба, гениальное творчество которого имеет огромное эстетико-художественное, идейно-мировоззренческое и, следовательно, глубокое познавательное значение;

потому что в бесконечных спорах и дебатах о первой книге «Тихого Дона», происходивших в 30-е годы, я, тогда еще молодой критик, многое узнал, усвоил, понял; эти знания, обогащенные и углубленные с годами, приведенные в сьоеобразную систему, представлены мною в монографии;

потому что Шолохов—явление единое и цельное как художник и мыслитель, с поразительной силой передающий художественными средствами человеческие чувства, самые сложные, самые глубокие переживания и мысли;

потому что Шолохов принадлежит к числу тех гениальных писателей, которые пишут с потрясающей естественностью, не давая почувствовать нам, какого величайшего напряжения, титанического труда и бессонных ночей стоят им их шедевры;

потому что Шолохов, стоит открыть его тома, влечет к себе с магнетической силой, он владеет магическим пером, не любить его, как писателя и человека, невозможно; в каждой строке — он великий художник, великий человек;

потому что Шолохов как человек, как гражданин необыкновенно привлекателен, и дружить он умеет с поразительной силой, никогда не даст почувствовать тебе, что он гений, всемирно известный писатель, нет, рядом с тобой сердечный человек, обыкновенный казак, неповторимый талант которого не имеет себе равного;

потому что Шолохов — нестигаемый борец за новый мир, сам он по натуре революционер, вся деятельность ко-

того направлена на постоянное утверждение форпостов социализма;

потому что я люблю его с юности, а писать о любимом предмете, как это ни трудно, счастье, поскольку речь идет о талантливом мастере;

потому что Шолохов бессмертен благодаря своему творчеству, которое наряду с творчеством Горького и Маяковского принесло моей родной советской литературе мировую славу!

Поэтому-то я и написал монографию «Эпос Шолохова»!

1980 г.

ВОТ ОН — ТИХОНОВ!

ПОСКОЛЬКУ русская советская поэзия и Николай Тихонов родились почти одновременно, его творчество следует рассматривать в непосредственной связи с основными вехами развития русской литературы послеоктябрьского периода. А так как даже конспективно изложить все это в небольшой статье довольно трудно, отметим главное: Тихонов — это одна из самых ярких, самых колоритных фигур среди современных русских писателей, чьи произведения с самого начала привлекли внимание широкого читателя. Писать о художнике подобного ранга для критика одно удовольствие, тем более, если многое в прошлом связано с ним и хорошо известно.

Представить себе поэзию последних шестидесяти лет без Н. Тихонова просто невозможно, так же как и его самого вне всей нашей советской литературы, история которой с ее борьбой и творческими достижениями получила органическое отражение в совершенно оригинальном тихоновском поэтическом мире, красочном, привлекательном и любимом нами.

Познакомиться и подружиться с Николаем Тихоновым мне посчастливилось в 1944 году, в бытность его председателем Союза писателей СССР. Меня, как ответственного секретаря Союза писателей Грузии, вызвали в Москву для переговоров с руководством Союза писателей СССР. Тогда-то я впервые увидел первого секретаря Дмитрия Поликарпова, ставшего впоследствии моим близким другом. Что же ка-

сается Н. Тихонова, то его я знал раньше, хотя лично знаком с ним не был.

Наша дружба началась с того дня, когда я вошел в его кабинет. Никогда не забуду, с какой теплотой он принял меня. После обычного приветствия спросил, как я доехал, как устроился в Москве, нет ли каких затруднений. Война еще продолжалась, положение в стране было тяжелым, хотя наши войска с триумфом продвигались вперед, громя фашистских захватчиков. Я рассказал Николаю Семеновичу, какое неизгладимое впечатление произвели на меня места боевых действий, через которые мы проезжали: разрушенные села и города, изрытые снарядами поля, обломки боевой техники.. Ростов-на-Дону издали казался огромной грудой черных развалин. А когда вместо большого харьковского вокзала перед нами предстало несколько дощатых строений, где находились билетные кассы, я еле смог удержать слезы. Помню, еще сказал тогда, что все это трудно будет описать даже профессиональному писателю. Сказал и невольно подумал: не обидел ли я Тихонова, который дал на редкость точную и достоверную картину героического Ленинграда в блокадную пору, создал замечательные, проникнутые патриотическим духом стихотворения, очерки и рассказы о легендарных подвигах наших солдат, о беспримерной самоотверженности советских людей. Вспомнил хотя бы его несравненный «Огненный год» и «Растет, шумит тот вихрь народной славы». Эти стихи были не просто духовной исповедью подлинного патриота, но и свидетельством высочайшего мастерства вдохновенного художника. Вряд ли человек, вынесший все тяготы тех грозных лет, мог остаться равнодушным к этим произведениям Н. Тихонова.

Наша беседа продолжалась часа два. Николай Семенович с любовью справился о Галактионе Табидзе, Сандро Шаншиашвили, которого любил особенно, Георгии Леонидзе, Иосифе Гришашвили, Шалве Дадвани, Константинэ Гамсахурдиа, Нико Лордкипанидзе, Лео Киачели, особо выделил Симона Чиковани и Бесариона Жгенти как руководителей Союза писателей Грузии, отметив, что оба они талантливы — первый в поэзии, второй — в критике. «Вы разделяете это мнение?» — спросил Тихонов. «Конечно же», — ответил я.

В моей записной книжке того времени сохранилось немало заслуживающих внимания записей о той нашей беседе, но об этом в другой раз..

Я знал, что Н. Тихонов — неутомимый путешественник, что он исходил пешком почти всю Грузию, был в Сванети и Хевсурети. Немало писал Николай Семенович и о Туркмении. Я опасался, что он затеет разговор об этих путешествиях — тут уж я наверняка потерпел бы фиаско, так как мне еще не довелось столько поездить. Тихонов завел речь о перевалах Сванети, горных тропах, неприступных скалах Хевсурети, отдельных селах, даже родниках, но поняв, что перед ним совершенно неискушенный в этих делах человек, вежливо переменял тему разговора, переключив его на советскую литературу, окончание войны, на своих грузинских друзей. Я же, испытав огромную неловкость, мысленно дал себе слово во что бы то ни стало восполнить этот пробел в своей биографии — ознакомиться хотя бы со своей страной.

От Николая Тихонова я уходил не только духовно удовлетворенным, но и преисполненным восторга перед ним — поэтом и человеком. Я был горд, что вместе с Борисом Пастернаком Тихонов переводит грузинских поэтов не только с истинным профессиональным мастерством, но и с душой и сердцем, вдохновленный братской любовью к ним. Этот испытанный в боях человек, участник первой мировой и гражданской войн, сражавшийся и с белофиннами, перенесший в 1941 — 1945 годах немало тяжелых испытаний, сумел сохранить все тот же боевой запал, с которым он приступил к переводу шедевров грузинской поэзии. Параллельно им создавались замечательные оригинальные стихи о Грузии, особенно о Кахети. За цикл стихотворений о Грузии «Грузинская весна» Н. Тихонову была присуждена Государственная премия.

Перефразируя известный рефрен одного из стихотворений из тихоновского поэтического цикла о Югославии, хотелось бы те же слова сказать о самом Николае Семеновиче. Но пока не смею. Отложу до той поры, когда напишу о нем фундаментальную работу. Тогда у меня будет право сказать о Николае Тихонове его же словами — вот он, Тихонов, каков он есть.

1976 г.

ПОСЛЕ ТИХОНОВА — СИМОНОВ

ПОСЛЕ Тихонова — Симонов! В их лице грузинская литература потеряла двух подлинных друзей, искренне любивших ее и столь же искренне любимых грузинским народом. Оба были колоритными фигурами в советской литературе, оба были известны миру как талантливые поэты современности.

О Константине Симонове я услышал впервые в 1938 году, хотя на литературной арене он появился на четыре года раньше. Начало нашей дружбы восходит к послевоенному времени, но еще до войны мне были известны его поэтические и драматургические произведения. В частности, поэма «Далеко на Востоке» и нашумевшая в ту пору пьеса «Парень из нашего города». Тогда гремели имена Горького, Маяковского, Шолохова, Есенина, Алексея Толстого, Федина, Леонова, многих других русских писателей. Чтобы стать в один ряд с ними, нужно было обладать истинным талантом.

Лично меня в стихах и поэмах Симонова привлекало оригинальное поэтическое видение, естественность, непосредственность, абсолютное владение словом, а в его прозе и драматургии — необыкновенная простота в изображении жизненных деталей. В его лице советская литература обрела талантливого мастера с большим будущим. И мы, тогда еще молодые критики, считали, что Константину Симонову предстоит сделать очень много. Мы были уверены, что он по праву займет место рядом с выдающимися советскими писателями.

Это наше мнение очень скоро подтвердилось. В годы военного лихолетья художественное и публицистическое творчество Симонова достигло небывалой высоты. Его фронтовые записки, исполненные патриотизма и нежнейшего лиризма, а также эпические стихотворения покорили читателей. Мне кажется, тогда не было ни одного мало-мальски культурного человека, который не знал бы наизусть хотя бы несколько строк из знаменитого симоновского стихотворения «Жди меня» или его посвящения Суркову «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

Несмотря на то, что общественная деятельность занимала у Симонова много времени, он был на редкость пло-

довитым писателем. Его знаменитая трилогия «Живые и мертвые» — одно из монументальных произведений на тему Великой Отечественной войны. Симоновские положительные герои во многом напоминают их автора, в частности такими своими чертами, как стойкость характера, благородство, безграничная любовь к Родине.

Поэтика и эстетика творчества К. Симонова в будущем несомненно станет предметом самостоятельного исследования, равно как и те оригинальные художественные средства, которыми он так мастерски пользовался.

Такие его художественные шедевры, как «Русские люди», «Русский вопрос», «Дни и ночи», «Чужая тень», а также сборник стихов «Друзья и враги», уже давно принесли ему мировую славу. Эти и многие другие произведения писателя пользуются большой любовью читателей. Он неоднократно награждался Государственными премиями, а в 1974 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Узнав об этом, я посчитал своим долгом поздравить своего друга с высшей наградой, сказать ему несколько искренних теплых слов. Вот текст моего письма к нему:

«Дорогой, глубокоуважаемый Константин Михайлович! Узнав о присуждении Вам звания Героя Социалистического Труда, вместе со всем советским народом почувствовал огромную радость и какое-то душевное облегчение, что неповторимый талант и огромная трудоспособность творца оцениваются вполне заслуженно. Я всегда считал Вас, дорогой Константин Михайлович, яркой звездой нашей родной советской литературы и разносторонним писателем, имя которого уже перешло в бессмертие.

Ваши блестящие романы, драмы и стихи давно вошли в золотой фонд советской литературы.

Я Вас сильно полюбил, когда прочел «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Эти стихотворения вечно будут украшать не только советскую, но и мировую социалистическую поэзию...»

Получив мое письмо, Константин Симонов тут же откликнулся на него.

«Дорогой Георгий Николаевич, — писал он, — мне очень было дорого получить от Вас теплое дружеское пись-

Высказали
2023010333

мо, прочесть в нем все те добрые слова, которые Вы сказали о моей работе.

Спасибо Вам сердечное за это дружеское тепло.

Крепко жму Вашу руку, Ваш

Константин Симонов.

12/XI,74.»

Автора этих строк уже нет в живых. Но его разностороннее творчество, на протяжении десятков лет идейно и художественно обогащавшее весь советский народ и миллионы зарубежных читателей, будет живо вечно. Потому что это—творческое наследие истинного художника, гуманиста, патриота, самоотверженного борца за самые прогрессивные идеи человечества.

1979 г.

ОТЕЦ мировой космонавтики К. Э. Циолковский в своих работах дал величественную программу выхода человека в космос и последовательного освоения сначала околоземного, затем межпланетного, а в далеком будущем и межзвездного пространства.

Академик В. П. Глушко, главный конструктор ракетных двигателей, установленных на всех советских ракетах, летавших в космос, указывает: «Космонавтика настолько вошла в быт современного общества, настолько обогатила его, что без нее немислим дальнейший прогресс.

Именно с освоением космоса связаны надежды на решение кардинальных проблем дальнейшего развития человечества. Это проблемы энергетического и материального обеспечения, сохранения природных условий нашей планеты и исключение ее загрязнения путем выноса в космос промышленных и энергетических установок, наконец это проблема развивающегося демографического кризиса.

Арчил БЕТАНЕЛИ

ВЫГОДНО ЛИ ЛЕТАТЬ В КОСМОС?

●

«Надеюсь, что мои работы... дадут обществу горы хлеба и бездну могущества».

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

●

Овладев неисчерпаемыми ресурсами Вселенной, человек обретает принципиальную возможность своего неограниченного развития»¹.

Однако освоение космоса связано с колоссальными затратами. К примеру, одна минута пребывания на орбите первого астронавта США Джона Глена (полет состоялся в 1962 году и продолжался 5 часов) стоила 1 миллион 680 тысяч долларов. Каждая секунда пребывания на Луне экипажа «Аполлон-II» стоила 30 тысяч долларов, а астронавты пробыли на Луне 2 часа 14 минут, или 8.040 секунд... Что же касается лунного грунта, доставленного американцами на Землю, то с учетом всех предшествующих расходов 22 килограмма его обошлись в миллиард долларов². По оценке американских специалистов, стоимость доставки в 1972 году 1 килограмма груза на низкую космическую орбиту составляла около 1.000 долларов, а при создании более эффективных средств многократного использования может быть снижена до 100 долларов³. Однако поставленная для космических кораблей многократного использования цель снизить стоимость вывода в космос 1 килограмма полезной нагрузки на первом этапе не удалась. В настоящее время вывод в космос 1 килограмма полезной нагрузки с помощью кораблей «Спейс шаттл» оценивается в сумму 1.800 долларов⁴. Эти соображения в значительной степени обусловили то, что у космических программ много противников. Американский экономист Чарльз Шелдон по этому поводу отметил: «...сомневаются не только невежды, но и многие выдающиеся представители современного интеллектуального мира...»

Однако сейчас уже имеется много фактов, которые могут поколебать позиции пессимистов. За период с 1958 по 1972 год США ассигновали на освоение космоса 63 миллиарда долларов. Давайте сравним: война во Вьетнаме обо-

¹ Глушко В. П. К. Э. Циолковский и космонавтика. Сборник «К. Э. Циолковский и научно-технический прогресс», М., «Наука», 1982, с. 7, 9, 10.

² Попович П. Р. Космонавтика — человечеству. Библиотека «Огонек», № 35, М., «Правда», 1981, с. 3.

³ Беляков И. Т., Борнсов Ю. Д. Основы космической технологии. М., «Машиностроение», 1980, с. 95—96.

⁴ «Interavia», February. 1982, p. 177; цитируется по статье Г. С. Хозина «Американская космонавтика в начале 80-х годов», «США», 1982, № 9, с. 38.

шла в Америке в 120 миллиардов! Затраты американского национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства в 3 раза меньше затрат американцев на спиртные напитки и в 2 раза меньше затрат на табачные изделия. Даже на пари и тотализаторы уходит куда больше средств⁵.

Какие же конкретные практические задачи решает космонавтика?

В 1967 году в СССР начала действовать метеорологическая космическая система «Метеор», которая дает оперативную информацию о состоянии облачности и снежного покрова, о ледовой обстановке, тепловом режиме Земли, о зарождающихся ураганах и смерчах. Космическая информация о погоде значительно шире, точнее, оперативнее наземной. Известно, что 71 процент земного шара — это океан, и достоверную информацию о погоде в этих районах может дать только искусственный спутник Земли или космический корабль. Ученые подсчитали, что только прямой экономический эффект от своевременной и объективной информации гидрометеорологической службы составляет ныне около 800 миллионов рублей в год⁶.

Ученые предполагают, что литосфера — твердая оболочка Земли — состоит из нескольких блоков, которые, перемещаясь, создают напряжение на стыках. Горная порода трескается, происходит сдвиг. С высоты космических орбит разломы земной коры хорошо видны. В районе этих трещин строить города нецелесообразно, там вероятны землетрясения. Чем выше поднимается точка съемки, тем больше деталей содержит снимок. На изображениях Земли из космоса геологи увидели такие картины, которых никогда не наблюдали ни при каких иных съемках земной поверхности. На этих снимках неожиданно стали заметны глубинные структуры Земли. Они проступали сквозь чехол рыхлых отложений, как проступают очертания статуи, закрытой тканью до торжественного открытия.

На основании снимков, сделанных с искусственных спутников Земли, советские геологи составили карту геологического строения Западной Сибири. На ней впервые удалось об-

⁵ Попович П. Р.. Космонавтика — человечеству, с. 3—4.

⁶ Там же, с. 5.

наружить зону разломов длиной 500 километров. Эта зона расположена в широтном направлении и идет с юга на север. Ее пересекают разломы меридионального направления. В местах пересечения, возможно, находятся скопления нефти и газа. Так **космическая геология** помогает разведчикам недр искать полезные ископаемые. Это касается и поисков угленосных районов, и залежей подземных вод в пустынях, и рудных месторождений.

В последние годы все большее значение приобретает проблема пресной воды. С помощью аппаратуры, установленной на борту космических орбитальных станций, можно определить величину снежного покрова перед началом таяния снегов (или, что не менее важно, — ледников), а при дальнейших исследованиях оценивать сток воды на больших территориях. Кроме того, можно фиксировать область выхода подземных вод на поверхность. Все это позволит если не полностью предотвратить опасность хронического водного голода, то по крайней мере отдалить время его наступления.

Большая проблема — мировой дефицит продуктов питания. Уже давно ведется поиск новых источников их получения. Наиболее вероятный выход — океан. Общая биомасса в океанах исчисляется примерно в 25 миллиардов тонн. Только один Атлантический океан «по питательности» оценивается в 20 тысяч урожаев, собираемых в год на всей суше.

Чтобы «собрать» такой урожай, потребуется фантастическая армия специальных морских судов. Если принять во внимание, что больше половины времени пребывания в океане им придется тратить на поиск, станет ясно, какая большая роль будет отводиться космическим спутникам. Все это сэкономит миллиарды⁷.

Большое значение имеют **космические системы связи**.

23 апреля 1965 г. был запущен первый в СССР активный спутник связи «Молния-1». Этот спутник обеспечивает многоканальную телефонную, телеграфную и фототелеграфную связь и ретрансляцию сигналов черно-белого и цветного телевидения.

В ноябре 1967 года на основе использования спутников «Молния-1» и наземных станций «Орбита» создана космическая система связи. Около 70 станций «Орбита» работают в различных районах обширной территории Советского Союза.

⁷ Попович П. Р. Космонавтика — человечеству, с. 6—7.

Они размещены в таких отдаленных городах, как Южно-Сахалинск, Охотск, Якутск, Братск, Норильск, Воркута, Фрунзе, Алма-Ата, Ашхабад и др. Десятки миллионов людей дополнительно получили возможность смотреть передачи Центрального телевидения.

Всеобщий охват населения обширной территории телевидением с помощью наземных средств хотя в принципе и возможен, но сопряжен с большими материальными затратами, необходимыми для постройки уникальных телевизионных башен и линий радиорелейной связи. Время, необходимое для ввода в действие таких уникальных наземных сооружений, будет исчисляться десятилетиями. Кроме того, многоэлементность такой системы делает ее малонадежной, неоперативной и низкокачественной. Что же касается организации межконтинентальных передач, то наземными средствами реализовать их через океан практически не представляется возможным. Такая задача под силу только спутниковым системам связи⁸.

Задачу развития в космосе индустрии впервые сформулировал в 1926—1929 гг. основоположник космонавтики, наш великий соотечественник К. Э. Циолковский. Реальной эта задача стала после успешного полета гражданина СССР, первого в мире летчика-космонавта Ю. А. Гагарина в космос в 1961 году, создания долговременных орбитальных станций. Это привело к возникновению нового направления космической техники — **технологии в космосе (космической технологии)**. Первые технологические эксперименты в космосе были осуществлены в 1969 году на советском космическом корабле «Союз-6». Летчики-космонавты СССР Г. С. Шонин и В. Н. Кубасов провели исследования электронно-лучевой сварки, а также плавления и затвердевания металлов в невесомости.

Технология в космосе развивается по двум направлениям.

Во-первых, это — создание в условиях космоса веществ, материалов и деталей, обладающих уникальными свойствами, которые нельзя или весьма затруднительно получить в земных условиях (чистые вещества, сверхтонкие пленки, ленты, мембраны, тонкостенные полые шары и др.).

---

⁸ Коваль А. Д., Тюрин Ю. А. Космос Земле, М., «Знание», 1979, с. 71—72.

Расчеты показывают, что полная стоимость продукта производства на орбите при использовании одноразовых ракет-носителей по сравнению со средней стоимостью производства на Земле на 8% меньше, при том же масштабе производства аналогичных по своим высоким свойствам изделий, изготавливаемых посредствомковки и обработки на станках.

Во-вторых, — разработка методов сборки, технического обслуживания и ремонта космических объектов непосредственно в космосе (сборка-стыковка космических станций, сборка крупногабаритных объектов, например антенны, с выходом космонавтов в открытый космос и др.).

Создание больших космических объектов в космосе трудно представить без использования трансформирующихся конструкций, которые в сложенном компактном виде доставляются на орбиту. Действием специальных устройств эти конструкции трансформируются — разворачиваются (раздвигаются или раздуваются), принимая требуемые формы и размеры. Эти составные части космических объектов в дальнейшем могут собираться между собой в единое целое.

Использование таких конструкций дает возможность преодолеть трудности, связанные с транспортировкой на орбиту блоков космических объектов большой длины, площади или объема, и тем самым обеспечить большую экономию средств доставки, а также увеличить транспортные возможности существующих ракет-носителей.

Важный шаг в развитии исследований по проблеме космического производства сделан в 1977-78 гг., когда на борту советского научно-технического орбитального комплекса «Салют-6» — «Союз» — «Прогресс» была осуществлена обширная программа технологических экспериментов. Эти орбитальные комплексы могут служить прообразом будущих заводов в космосе. Подобно тому как к станции «Салют-6» пристыковывались управляемые корабли, можно представить, что к основному блоку космического управляемого предприятия или орбитальной лаборатории станут пристыковываться сменные стандартизованные производственные помещения с усовершенствованным или новым оборудованием, в зависимости от возникающих задач⁹.

Космические исследования дали могучий толчок развитию многих областей естествознания. Геологи и геофизики

⁹ Беляков И. Т., Борисов Ю. Д. Основы космической технологии, М., «Машиностроение», 1980, с. 95—108.

уже не ограничиваются одним традиционным объектом исследования — Землей: **сравнительная планетология** — важной составной частью науки о Земле. Благодаря использованию космических средств получено значительное количество ценных сведений о небесных телах солнечной системы. Специалисты по физике атмосферы могут теперь наблюдать ветры и погоду на Венере, Марсе, Юпитере и сравнивать их с аналогичными наблюдениями на Земле. Астрономы получили возможность изучать звезды и удаленные Галактики с помощью приборов, выведенных за пределы насыщенной помехами и непрозрачной для многих видов излучения атмосферы. Стали возможными прямое обследование небесных тел автоматическими аппаратами и космонавтами, получение образцов вещества оттуда. Сведения, приобретаемые таким путем, не только уточняют представление о структуре и свойствах небесных тел и всей Вселенной, но и постоянно раскрывают новые состояния и свойства материи, развивают фундаментальные законы науки.¹⁰

Изучение психологических проблем, возникающих в связи с полетами космических кораблей с человеком на борту, — необходимое условие повышения эффективности и надежности этих полетов. Это привело к созданию одной из самых молодых отраслей психологической науки — **космической психологии**.

Успешная разработка психологических проблем космического полета возможна только при широком использовании достижений всей системы психологических наук, особенно экспериментальной, инженерной, социальной, педагогической психологии, психофизики, психофизиологии и т. д. Вместе с тем исследования в области космической психологии могут существенно обогатить психологическую науку в целом. Космический полет — это естественный эксперимент, который дает возможность изучать многие психические явления в экстремальных условиях, в специфической, критической ситуации. При этом круг психологических проблем оказывается весьма широким. Никакой лабораторный эксперимент не в

---

¹⁰ Сагдеев Р. З., Зайцев Ю. И. Космос — на службу миру и прогрессу на Земле. Сборник «Мир и разоружение», М., «Наука», 1980, с. 104—105.

состоянии обеспечить те сложные условия деятельности че-
ловека, которые возникают в космическом полете.

Деятельность космонавта в полете многообразна: управ-
ление кораблем и его системами, обеспечение успешного вы-
полнения программы полета и многое другое. Особенно слож-
на эта деятельность психологически. Пожалуй, роль психо-
логических факторов нигде не проявляется так отчетливо,
как в деятельности космонавта. Именно поэтому психологи-
ческие исследования деятельности космонавта представляют
исключительную ценность для психологии в целом.

Результаты исследований в области космической пси-
хологии будут весьма полезны для разработки не только спе-
циальных, но и общетеоретических проблем психологии, та-
ких, как проблема соотношения биологического и социального,
проблема деятельности, проблема общения¹¹.

Несколько слов о взаимном влиянии космонавтики, лите-
ратуры и искусства.

Писатели-фантасты много сделали для развития космо-
навтики и вообще техники. Великий романтик науки Жюль
Верн сказал: «Всякому великому делу предшествует больш-
шая мечта». Прогнозы развития техники, преподнесенные в
форме увлекательных научно-фантастических рассказов и
романов, будят творческую мысль ученых, изобретателей и
конструкторов. Так, например, из 108 идей Жюль Верна
сбылись или скоро сбудутся 64. Для 34 подтвердилась прин-
ципиальная осуществимость, нереальными оказались все-
го 10¹². По проблемам космонавтики Жюль Верн написал
два романа: «Вокруг Луны» и «С Земли на Луну». Учиты-
вая его большие заслуги, один из кратеров обратной стороны
Луны назвали именем Жюль Верна. Те, кто были школьника-
ми в 30-е годы нашего столетия, хорошо помнят замеча-
тельный советский научно-фантастический фильм «Космиче-
ский рейс», консультантом постановки которого был К. Э.
Циолковский. В этом фильме космическая эпопея показана
почти так, как мы видим ее ныне на голубых экранах теле-
визоров.

С другой стороны, бурное развитие науки и техники
резко изменило направленность научно-фантастического ли-

¹¹ Психологические проблемы космических полетов, М., «Нау-
ка», 1979, с. 4.

¹² Бибииков Е., Жюль Верн и космонавтика, «Техника моло-
дежи», 1982 г., № 5, с. 61.

тературного творчества. Это прежде всего касается проблем космонавтики, установления контакта с внеземными цивилизациями. Научно-фантастическая литература, определяя весьма часто дальнейший научно-технический прогресс человечества, «забегает» далеко вперед.

Полет человека в космос во много раз увеличил количество творческих задач — инженерных и научных. Затронул он и архитектуру.

Невесомость способна экономить жизненное пространство. Ныне мы вступаем в пору признания невесомости как одного из решающих факторов космического конструирования. Если в начале этапа освоения космоса весьма осторожно использовали те преимущества, которые предоставляет человеку невесомость, — и в этом есть своя логика — то теперь уже можно угадать в будущем такую организацию пространства, которая может вообще не иметь земных аналогов. Но что такое в принципе организация пространства? Это — архитектура.

Сегодняшние победы в космической биологии и медицине позволяют надеяться, что невесомость в будущем уже не сможет диктовать человеку сроки его пребывания в космосе. И вот тогда перед человеком встанет задача конкретная и насущная: создать принципиально новую, ни на что не похожую архитектуру невесомости.

Опыт зодчих всех времен свидетельствует, что только соблюдение принципа единства конструкции и внешней формы придает строению качество, известное под названием архитектурной истины. Она всегда составляла главное и первенствующее условие, которому подчинялись все другие правила образования прекрасных архитектурных форм. Надо было искать и находить прекрасную форму для неумолимой силовой конструкции, способной противостоять земному гнету. Тяжесть, земное тяготение было постоянным оппонентом зодчего и злорадным ревизором его творчества.

Эйфелева башня и останкинская игла, деревянная кулибинская арка и Бруклинский мост — памятники побед зодчих над тяготением. В невесомости же сражаться не с кем. Открываются свободные пути к достижению архитектурной истины.

Архитектура невесомости — это архитектура беспредельных размеров. На Земле невозможно построить дом высо-

---

Арчил Бетанели. Выгодно ли летать в космос?

тою в 25 километров. В космосе его построить можно. Кроме того, это архитектура беспредельных возможностей формообразования. Это означает, что архитектора не будет лимитировать ни вес здания, ни качество грунта под ним, ему будут неведомы опасности консолей, устойчивости сводов, прогибы полов и потолков¹³.

В августе 1982 года начала свою работу вторая конференция ООН по проблемам освоения и использования космического пространства. Потенциальные возможности космонавтики поистине огромны. Постоянная пилотируемая лаборатория в космосе, обеспечивающая производство полупроводников, медикаментов и другой продукции; солнечная электростанция на орбите, заводы на лунной поверхности — эти и другие крупные проекты, открывающие широкие перспективы мировой космонавтики, активно обсуждаются специалистами многих стран¹⁴.

Хочется верить, что овладение богатствами Вселенной даст человечеству возможность неограниченного развития и, как сказал К. Э. Циолковский, «горы хлеба и бездну могущества».

---

¹³ Голованов Я. К. Архитектура невесомости, М., «Машиностроение», 1978, с. 30, 51, 53, 54, 65, 67.

¹⁴ Хозин Г. С., Американская космонавтика в начале 80-х годов, «США», 1982, № 9, с. 44.

Шалва ХИДАШЕЛИ

С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО ГУМАНИЗМА РУСТАВЕЛИ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
 ГРУЗИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ С АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ
 ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ЗА последние годы грузинская советская философская наука получила признание в двух немаловажных вопросах: грузинского Ренессанса и разрабатываемой грузинскими философами марксистской аксиологии. Проф. А. Ф. Лосев пишет: «...исследователи грузинского Возрождения доказали, что грузинские мыслители выступали застрельщиками неоплатонического и ареопагитского Ренессанса в Европе, что им, безусловно, принадлежит в этом отношении приоритет и что они здесь на несколько столетий опередили Западную Европу. Спорить с этим невозможно»¹. По словам профессора А. В. Гулыги, «именно грузинские философы поставили в советской науке проблему ценностей», восстановили «в правах аксиологию»². Далее—«Институт философии АН Грузинской ССР продолжает и ныне успешно исследовать проблему ценностей»³.

Для автора этой статьи изучение истории грузинской философии и средневековых мировоззренческих направлений (именно с древних времен до гуманизма Руставели) с аксиологической точки зрения — не ново. Сейчас оно обретает новую актуальность и может вызвать больший интерес.

История Грузии от раннего средневековья до XI — XIII вв. представляет наиболее значительный в своем последовательном и органичном развитии период в истории всего грузинского феодализма. Вместе с тем идейная направленность ее культурной жизни вполне аналогична западному миру и может стать предметом более широкого научного интереса. Общая закономерность культурно-исторического процесса направлена в обоих случаях к Ренессансу и к ренессансному гуманизму. Смысл этого процесса можно выразить, как движение от отрицания ценности земного и земного человеческого существования к признанию и обоснованию их ценности и значения.

Распространенное мнение о Ренессансе и гуманизме, как о возрождении античности и новом, отличном от средневекового аскетического идеала, понимании человеческого, правильно в общих чертах. Но гуманизм — мировоззрение и оно имеет более широкую идейную основу, определяющую и возрождение античности, и новое понимание человеческого.

Гегель, усматривая в схоластике отсутствие интереса к земной действительности, пренебрежение ею, «как презренной» и «низменной», все дальнейшее поступательное развитие культуры, прогресс ее понимал как движение к тому, чтобы «снова восстановить веру в сей наш мир»⁴. Энгельс особенность эпохи Ренессанса выразил образно и тем не менее глубоко: «Только теперь, собственно, была открыта Земля». «Восстановление веры в сей наш мир» предполагает признание его ценности и значения и возможно при этом условии. А слова Энгельса могут, на наш взгляд, иметь только аксиологический смысл. Земля была открыта как нечто ценное и значимое, и тем самым перестала быть «низменной», «ничтожной» и «презренной». Соответственно, становится ценным и значимым человеческое земное существование.

Хотя слова Гегеля о презренности мира относятся к «схоластической философии», проблема ценности мира значительно шире и встает, в условиях средневековья, в виде общемировоззренческой проблемы. Она стоит, в той или иной форме, во всех областях культурного творчества, во всех формах общественного сознания и находит решение характерными для этих форм способами выражения. В том числе и в таких формах, которые вообще лишены словесных способов выражения мысли, настроений и чувств. Философия как теоретическое осмысление мира и особое, логически систематизированное мировоззрение занимает свое важное место в условиях средневековья и Ренессанса, хотя и не выходит, в общем, из русла двойного (отрицательного или положительного) отношения к земной действительности.

Для всякой философии и всякого мировоззрения, к каким бы окончательным выводам они ни приходили, исходным первоначально данным является реальный, видимый, воспринимаемый мир. Сомнения в его реальности и ценности, возникшие в результате несоответствия между идеалистическими понятиями истинности бытия и непосредственными представлениями о земной действительности, «направили» античную философию, и в частности Платона, к учению о мире идей. В его же философии наметились аспекты ценностного отношения к миру, как представляющему (или не представляющему) ценность в онтологическом, этическом, эстетическом и гносеологическом смыслах (идея добра представляет в мире идей высшее бытие, высшее добро, высшую красоту и, следовательно, высшую цель познания).

В условиях средних веков ценностное отношение к земному подчеркивается с еще большей энергией. Место мира идей занимает «царство небесное», усугубляется дуализм «двух миров». Различие между ними доходит до противоположности: «Бог противоположен миру, а мир противоположен богу» (западный мистик Екатерина Сиенская). «Любовь к богу удаляет человека от мира, а любовь к миру — от бога» (аббат Огарий). «Кто стремится к небесному, тому не нравится земное, кто жаждет вечного, тому тягостно преходящее» (Бернард Клервосский). Подобные взгляды характерны для всей средневековой литературы, в том числе византийской и грузинской. «Вражда с миром примиряет человека с богом», — читаем в «Мудрости Балавара», в грузинской редакции известного и широко распространенного на Востоке и Западе романа о Варлааме и Иоасафе.

Подобное понимание мира имеет свое теоретическое основание в доктрине, сложившейся в условиях средневекового мышления. Уже «космология отцов», утверждая догмат о творении мира «из ничего», содержит аксиологический смысл. Мир идей (в монотеистическом толковании) признается миром «высшим» и совершенным, земной мир — его «ничтожным отражением». Эти идеи восходят к античному идеализму. Важнее отмеченная Л. Фейербахом связь между учением о сотворении мира из ничего и признанием его ничтожности. Воля, которая могла превратить ничто в нечто, в состоянии совершить обратный акт превращения — нечто в ничто. При этом условии, заключает Фейербах, — «бытие мира преходяще, произвольно, ненадежно, то есть ничтожно». Согласно грузинским памятникам, сущее — это, собственно, «тот мир», а «этот мир» представляет собой нечто «не сущее».

Шалва Хидашели. С древних времен до гуманизма Руставели.

Только «безумные» неспособны, по словам автора, постичь по-
длинно сущее, так как, впадая в заблуждение, признают «не су-
щее сущим» («Мудрость Балавара»). «Этот мир», по мнению па-
мятникам, мимолетен и преходящ. он — «временная материаль-
ная природа», «мир смертных». «Тот мир» — вечен, постоянен,
«сверхвременен», «не материален» и т. д.

На основании подобного миропонимания делаются этиче-
ские выводы, складываются соответственные представления о
человеке, об его отношении к земному, о тех сторонах че-
ловеческой духовной жизни, которыми он связан с земным и ко-
торые раскрываются в земном человеческом существовании. Уже
в первом грузинском литературном памятнике (V век) «любовь
к миру» вызывает у героев ассоциации с «согрешением». В дру-
гом памятнике (VIII век) «любящие мимолетный этот мир» на-
званы «чуждыми», «отступниками» и «неверующими». Даже в
распространенных в агиографической литературе обращениях —
«Возлюбленные!» — чувство любви к ближнему лишено конкрет-
ности и непосредственности. Нагорная проповедь обретает зна-
чение в той мере, в какой любовь, теряя свой первоначальный
смысл, становится опосредствованным божественным началом.

И тем не менее земная действительность и человеческое «да-
вали о себе знать» с такой последовательностью и «настойчиво-
стью», что находили отражение во всех областях культурного
творчества, в различной форме и с различной, в зависимости от
времени и условий, категоричностью. Поэтому трудно согласиться
с навязанными нигилизмом французских просветителей сообра-
жениями Гегеля, что в условиях схоластики «не находили здесь
места науки, искусства,... право» и что «признанность действи-
тельного человека коренилась не в общественных отношениях, об-
ладала значимостью не здесь в нашем мире, а где-то в ином
мире»⁵. Науки, искусства, литература и право имели место в
условиях средних веков в такой мере, что можно с полным ос-
нованием говорить об идейных сдвигах, подготовивших почву
для «восстановления веры в наш мир» и для «открытия Земли». Общественные отношения достигли тут такой степени развития,
что можно говорить о средневековых корнях «признанности дей-
ствительного человека» именно «здесь в нашем мире».

Эпоха Ренессанса отличается от средних веков формами
признания значимости и ценности земного и человеческого, ши-
ротой размаха новых идей, чувств и намерений, их теоретиче-
ской (философской) обоснованностью. Поэтому ошибочны взгля-

ды не только тех ученых, которые склонны, по словам В. Н. Лазарева, «к стиранию граней между средними веками и рождением» и «к решительному перемещению центра тяжести исторического развития с Ренессанса на средние века»⁶. Не оправданы попытки и тех, кто, противопоставляя Ренессанс средним векам, доходит до полного отрицания средневековья как исторического предшественника Ренессанса, многовековой эпохи, которая не могла не оказать на него влияния.

Герцен писал, что в эпоху Ренессанса человек «новыми узами соединяется с природой»⁷. Но эти узы чувствовались в какой-то форме всегда и сказывались в науках и искусствах, в какой-бы степени ни были они «отвлечены» и подчинены доктрине. Тем более — в литературе (агиографин), которая сложилась в форме повествования о реальных личностях, действующих на фоне реальных исторических событий. В науке высказано мнение, что стремление ренессансного человека «превратить природу в *regnum hominis* — царство человека» по-разному проявлялось в разное время. В более ранний период эта тенденция часто сказывалась лишь в повышенном интересе к эстетическому восприятию природы⁸. И, можно было бы добавить, ценность земного и человеческого осознавалась и раньше, и наиболее четко в тех формах общественного сознания, в которых земное становилось предметом непосредственного созерцания, наблюдения, чувств и намерений.

Еще Н. Марр писал (1911 г.) о «более существенном достоинстве» одного упомянутого нами выше памятника (X в.), о «широком кругозоре и самобытном интересе» его автора «к окружающему миру», его «непосредственном, любовном отношении к материальной жизни и ее проявлениям», подчеркивая при этом, что все это было «вне традиционных форм и шаблонов агиографической литературы. В изложении автора «отрекшиеся от мира подвижники-грузины — типичные фигуры, живо, иногда живописно нарисованные на фоне местной жизни, частной или общественной и вставленные в рамки местной природы»⁹. И. Джавахишвили отмечал красочность описания жизни в сочинении того же автора, «облаченность плотью» его героев, восхищение автора красотой природы, жизнью «такой, какой она была»¹⁰.

Эти слова двух известных ученых можно отнести в большей или меньшей мере ко всем древнегрузинским литературным памятникам, в том числе и V—X веков. Так же, как известное в науке мнение о причинах необычайной популярности романа

«Варлаам и Иоасаф» можно отнести к грузинской ее редакции. Именно притчи, отражающие жизнь, живую действительность, реальные человеческие отношения, создали этой повести, можно сказать, мировую популярность. Напомним, что в науке давно отмечен интенсивный и живой интерес древнегрузинских авторов к «действительному миру» и «действительному человеку».

В плане усиливающегося интереса к человеческому и идейным основам этого значительного факта заслуживает внимания памятник, имеющий прямое отношение к религиозной теме. Как известно, на одном памятнике грузинского чеканного искусства (Ицханское распятие 973 года) распятый Христос изображен «с закрытыми, ввалившимися глазами на остром лице, которое полно скорби перенесенных страданий»¹¹. Подобное толкование евангельского сюжета было воспринято в науке как такое идейное новшество для X века, что датировка была поставлена под сомнение. Дело в том, что по господствовавшей до конца XI века в Византии и на Западе традиции, распятие изображает «не страдания... а догму»¹², и подчеркиваются в нем не человеческие страдания, а черты триумфатора, победителя смерти, «смертью смерть поправшего». Он распят, но глаза открыты, нет признаков физического или духовного страдания. Аналогичный памятник того же времени делает несомненной датировку этого памятника 973-м годом и тем самым подтверждает закономерность важных идейных изменений в Грузии того времени. Дальнейшее углубление интереса к человеку и его изображению в пластическом искусстве происходит на рубеже X—XI веков.

Наиболее остро коллизия между идеалом и человеческим, между должным и реальным чувствовалась в сфере чувства любви и любовных влечений. Платонова проблема небесной и земной Афродиты средневековой доктриной была решена в пользу первой. В западной науке известно множество фактов своеобразного «сочетания» аскетического идеала с реальными человеческими стремлениями, фактов «перемещения» абстрактного на вполне конкретное и земное чувство, использования образов «Песни песней» в их прямом, а не аллегорическом смысле при выражении своих чувств к Христу или к Деве Марии. Грузинские монахини «утешали» себя тем, что слагали стихи на народный лад о разлученных возлюбленных, мечтая «насытиться» близостью с ними, или вспоминали строфы из поэмы Руставели и писали их на стенах церкви.

В ряде памятников, оригинальных и переводных, появляется мотив «любовного искушения». Любовные похождения становятся

ся предметом хотя и осуждения, но тем не менее правдивого литературного воплощения. На упрек Григория, брошенный монахине по поводу ее любовной связи с Ашотом Курапалатом, она отвечает: «Я не вольна над собой, так как Курапалат питает ко мне чрезмерную любовь». На слова царя относительно женщин, к которым царевич «воспламенился любовью», что они «дьяволы, которые губят людей», царевич отвечает: «Я ничего не видел прекрасней и милей этих дьяволов» («Мудрость Балавара»).

Проф. Гулыга, ссылаясь на одного из авторов (Н. З. Чавчавадзе) сборника «Культура в свете философии» (Тбилиси, 1979), пишет: «Хорошо ... сказано о роли ценностей в жизни народа: «История культуры любого народа с полной достоверностью подтверждает, что культура — родная или воспринимаемая как родная — есть вполне реальная сила, помогающая народу выстоять в борьбе с внешними и внутренними врагами, отстоять самобытность, свое место под солнцем»¹³.

Утверждение национального самосознания тоже было проявлением движения к «открытию Земли»; оно фиксируется на определенной, конкретной части Земли и в определенной среде «человеческих отношений» и культуры. Религия тут играла немаловажную роль. Она впитывала местные, локальные традиции, обычаи, культ, отражала особенности племен, народностей, народов и тем самым способствовала утверждению национального самосознания и патриотических чувств.

Но когда религиозное чувство превращается в доктрину, претендующую на мировое господство, оно перестает быть фактором, способствующим утверждению национального самосознания. Один из выдающихся представителей восточно-римской церкви, говоря о других деятелях церкви, писал, что не следует «донскиваться земных их отечеств, когда о настоящем их граде можно домыслиться». А именно — «град мучеников есть град божий»¹⁴.

По ряду фактов можно судить, что в Грузии «донскивались своего земного отечества» и что проявление патриотических чувств относится к раннему средневековью. Отвечая на вопрос об основах взаимоотношений между народами, грузинский деятель VI в. Лйэт усматривает их в области добродетели; его современник Фартази — в общности взглядов. Но важно, что внешнеполитическая ориентация — у одного и у другого — определена ярко выраженным чувством любви к собственному народу, защитой его интересов, заботой о нем. В речи одного из них заложены

Шалва Хидашели. С древних времен до гуманизма Руставели.

основы принципа, не утратившего свое значение в дальнейшей истории грузинской государственности: «Я бы желал, чтобы Мзквдт хов была прежняя сила, так, чтобы их государство не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, само удовлетворяло бы свои нужды во всех случаях—в мире и войне. Теперь же, когда или вследствие различия времени, или вследствие враждебности судьбы, или по обоим причинам мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покориться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договоров»¹⁵.

В сочинении Иоанэ Сабанидзе (VIII в.) отражены пробуждение («временно приглушенных», по словам Ив. Джавахишвили, в период арабского господства) национального чувства и самосознания, выраженных в негодовании автора по поводу «соблазна и отклонения от правого пути» одной части грузинского общества и ее колебаний подобно «тростнику от сильного ветра». Раздаются восхваления и призывы к соотечественникам — «блеснуть копьями над врагами». Грузинские монахи, подвизавшиеся далеко от родины, обращаются к богу с эмоционально насыщенными молитвами за «мир в Грузии, укрепление ее границ, умиротворение царей и правителей, отражение врагов... и успокоение времени». В X веке определилось представление о Грузии, как «обширной стране, в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке»¹⁶.

Перемещение интереса к земному и человеческому в грузинской средневековой культуре, названное в науке ее «обмирщением», и углубление ее идейных основ принимают наиболее яркий характер в XI — XIII веках. Особенности культурного творчества этого времени дают достаточное основание говорить об аналогичных фактах «наплыва новых воззрений, идей и намерений, касающихся природы и человечества», отмеченных (Я. Буркхардтом) в отношении Италии в период Ренессанса. Во всех областях культурного творчества внимание фиксируется на реальном, земном и человеческом. Возникают новые, более адекватные («мирские») формы выражения новых взглядов и настроений.

Эти изменения были вызваны рядом важных экономических и социально-политических условий, определивших политический и культурный подъем страны. Среди них немаловажное значение имели подчинение церкви центральной власти и неоднократно отмеченная в науке терпимость царей к иноверцам.

Перед историками этого времени встает задача точного по возможности отражения реальных фактов прошлого и настоящего. Несколько позднее определение истории («летописания»)

как «речения истины» вполне применимо к эпохе XI — XIII веков, когда и возникает тут историческая литература в собственном смысле слова. Возникают вопросы, свидетельствующие о расширении интересов общественности: вопросы о происхождении и родстве грузинских племен и народностей Кавказа, о происхождении грузинского языка, о причинах социальной дифференциации, о древних религиозных верованиях и т. д.

Медицинские книги, составленные по арабским источникам (с извлечениями непосредственно из греческих памятников) и по собственным наблюдениям грузинских авторов, отвечали задаче сделать природу и человека предметом знания и наблюдения.

Цари—правители эпохи заменяют, можно сказать, отрекшихся от мира сего подвижников не только в исторической литературе, но и в поэзии и живописи (портретные изображения Баграта III, Георгия III, Тамар и Георгия Лаша). Во всех случаях подчеркиваются их внешняя привлекательность, физическая сила, мудрость правителя, военное их искусство, воля и энергия. Описываются их деяния в решении внутривластных и внешних вопросов. Панегирическая направленность поэзии одописцев вызвана многими характерными для феодального общества мотивами, но тут она продиктована и тем чувством, о котором писал Н. Марр в связи с одами Чахрухадзе: «Личное воспевание сильно проникнуто яркими вспышками торжествующего патриотизма. Это не есть, однако, надуманный, тенденциозный патриотизм, вклад частных соображений одописца». Вся эта эпоха «представляет высшее жизненное развитие грузинской национальной государственной и военной славы, и он невольно передает современное настроение передового грузинского общества»¹⁷.

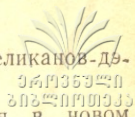
Главные герои прозаических памятников того времени («Амиран Дареджаниани» и «Висрамиани») — люди вполне земные («рожденные землей» — как сказано в первом из них), живущие, чувствующие и действующие в земной действительности, с земными интересами и стремлениями. В одном из них сущность человека раскрывается среди природы и в обществе людей, регулируемом мотивами побратимства и правилами вассальной зависимости. Главная особенность человека тут храбрость и физическая сила, преодолевающая множество препятствий в виде слонов, носорогов, фантастических драконов, а также чудовищ.

Шалва Хидашели. С древних времен до гуманизма Руставели.

злых сил и обычных для грузинского фольклора великанов-дэвов.

Во втором памятнике человеческое раскрывается в новом понимании внутреннего мира и преимущественно в любви, избраженной, по высказанному в науке мнению, как чувство, «превышающее человеческие силы». Но это не любовь, устремленная «ввысь» или опосредованная небесным, а земное чувство, непреодолимо овладевающее человеком: «О, великий и могущественный царь! — обращается Вис к шаху. — Ты не сможешь утратить нас ни гневом, ни угрозами... Если тебе угодно, повесь меня или выжги глаза, если хочешь — осуди меня на изгнание или прикажи заковать меня в цепи навек. Поступай со мной как тебе угодно: ведь ты над всем властен! Но от слов своих я не откажусь: я предпочитаю Рамина всему на земле и на небе; я отдам себя и душу мою ради него. Он — свет очей моих и радость души, он мой возлюбленный и бесценный покровитель моего сердца... и что мне в том, что я принесу ему в жертву свою душу!»¹⁸.

Нетрудно в словах, отдающих предпочтение чувству любви перед всем, не только на земле, но и на небе, в осознании при этом гибели души, заметить существенное изменение понимания человеческого и значения небесного. Категоричнее это выражено словами той же Вис: «Если ты меня спросишь, кто мне милее — рай или Рамин, я, клянусь, предпочту Рамина, ибо в нем я вижу рай»¹⁹.

Все сказанное говорит о значительных мировоззренческих сдвигах по пути от неприятия земного к его приятию, от средневекового идеала к новому пониманию человеческого. Все это способствовало возрождению античных традиций, античного восприятия мира, и не случайно исторические сочинения этой эпохи, медицинские книги и поэзия описцев полны именами античных авторов и героев. Все это составляло почву, и, как было указано — достаточную, для Ренессанса и ренессансного гуманизма, но еще не было Ренессансом. Установить прямую, непосредственную связь между пониманием человеческого у Руставели и в «обмирщенной» грузинской культуре того времени или, например, между пониманием любви в «Висрамиани» и в «Витязе в барсовой шкуре» так же невозможно, как между «Декамероном» Боккаччо и Петраркой.

Обмирщение культуры было в определенном смысле реакцией против господствующей доктрины и впадало, если можно так выразиться, в другую крайность. Человек тут выглядел

слишком земным. Представление о человеке лишено тут той возвышенности, которая составляет особенность ренессансного гуманизма (в грузинской действительности — Руставели) последний отличается и от грубо материального, и от средневекового миропонимания, так же как любовь героев Руставели — от героев других памятников эпохи, или сонеты Петрарки — от любовных похощений в «Декамероне».

Тут нет еще синтезирующих идей Неба и Земли, их синтеза, в котором, по словам Ш. Нуцубидзе, состоит «величие поэтического воплощения земных благ у Руставели»²⁰ и на основе которого земное предстает в особом, ренессансном понимании. «Конечно, Ренессанс является в общем попыткой именно земного человека утвердить именно земное свое существование». Но сама земная действительность предстала перед ренессансным человеком «полной божественных сил», «насыщенной глубочайшей идейностью и духовным благородством» и поэтому «предметом самодовлеющего и вполне бескорыстного созерцания»²¹.

Эта особенность Ренессанса становится наиболее ясной в философском осмыслении мира и в философских основах гуманизма.

Выше было сказано, что отрицание ценности земного и человеческого имеет свои теоретические основы в средневековой доктрине²². Обоснование их ценности и значения составило задачу философии, именно как «логически систематизированной и обосновывающей формы мировоззрения»²³. Философское обоснование идей Ренессанса, получившего воплощение в самых разнообразных видах творчества, в значительной степени способствовало его законченности и размаху.

Вопрос о философских основах ренессансного гуманизма довольно сложен и решался в нашей науке неоднозначно. Этот же вопрос в отношении грузинского Ренессанса был предметом острой дискуссии (слабые отголоски которой раздаются и теперь). И тем не менее известное положение, что такой философией был неоплатонизм, получило полное признание (и в отношении западного, и в отношении грузинского Ренессанса): «Неоплатонизм был для возрожденческой эстетики чрезвычайно близким и максимально интимным идеалом, в котором так легко было усилить гуманистические черты и применить который было так легко для земных, но в то же время максимально осмысленных человеческих действий. Другого обоснования для своего духовного понимания материального человека Ренессанс еще не знал»²⁴. И да-

лее: «Следует считать доказанным, что в основе грузинского Ренессанса лежит неоплатонизм, и особенно философия Прокла. Это нужно считать чрезвычайно важным открытием, потому что оно дает нам возможность более глубоко подойти и к итальянскому Ренессансу»²⁵.

Возникает два вопроса: как и в какой мере мог неоплатонизм обосновать ценность земного и земного человеческого существования? И во-вторых, какой степени развития достигла философия в Грузии XI — XII веков и в какой мере она была неоплатонической?

Ив. Джавахишвили, говоря о ренессансном «движении» в Грузии этого времени и высоком уровне культуры, одно из проявлений этого движения видел в философии, не сомневаясь при этом, что философия тут была в основном и главным образом неоплатонической. После многочисленных работ (Н. Марра, С. Горгадзе, С. Каухчишвили, и особенно получивших широкий отклик и признание исследований Ш. Нуцубидзе) сомневаться в том, что самым значительным и заслуживающим наибольшего внимания философским направлением в Грузии того времени был неоплатонизм, или выхолащивать неоплатоническое содержание грузинских памятников того времени можно лишь вследствие простого недоразумения.

Во второй половине XI в. были переведены полностью сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита (по теории Нуцубидзе — Хонигмана — Петра Ивера). Вскоре после этого был выполнен перевод основного сочинения Прокла «Первоосновы теологии» (отметим, что грузинский перевод — самый древний среди известных его переводов вообще). В это же время появились переводы Немесия Эмесского и ученика Прокла — Гермия. Неоплатонические идеи распространялись из других, не принадлежащих в целом неоплатонизму, но популярных источников (напр., из сочинений Иоанна Дамаскина). Наконец, в XII веке сложилось учение самого выдающегося философа, «грузинского неоплатоника» — Иоанэ Петрици. Эти факты говорят о несомненном созвучии неоплатонизма идейным запросам эпохи и объясняют разительное «увлечение» именно неоплатонизмом.

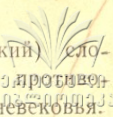
Вполне закономерно, что уже давно было высказано (Пл. Иоселиани, 1870 г.) предположение о неоплатоническом характере воззрений Руставели. После работ Марра (1909, 1910) не осталось сомнений в большом значении этого учения вообще и для Руставели в частности. С. Горгадзе усматривал неоплатоническое содержание в сочинениях Немесия Эмесского и Псевдо-

Дионисия Ареопагита. Что касается Руставели, считалось «доказанным», что он «был неоплатоник» (К. Кекелидзе, 1924), а новые истоки представлений Руставели о боге следует искать в трактате Псевдо-Дионисия (З. Авалишвили, 1931).

Вопрос об идейной связи неоплатонизма с Ренессансом и с ренессансным гуманизмом шире, и относится он ко всем культурам. В таком плане и стоит этот вопрос в исследованиях советских ученых и наиболее обстоятельно в работах Ш. И. Нучубидзе и А. Ф. Лосева.

Для правильного решения этого вопроса следует учесть как их особенности, так и всю совокупность условий возникновения и поступательного вызревания Ренессанса, как условия средневековья, так и нового времени. При таком подходе становится понятным, что признание ценности и значимости земного в эпоху Ренессанса не означало устранения ценности небесного. Признание ценности небесного и отрицательное отношение к земному основано на дуализме Неба и Земли, доведенного, как это видно из вышеприведенных примеров, до их противоположности. Для «восстановления веры в наш мир» было достаточно преодоления этого дуализма и утверждения единства (или «синтеза») двух миров. По этому пути идут представители Ренессанса, особенно его ранние представители.

По словам Петрарки, «высшее совершенство проистекает от бога». Он же писал, что «поэзия отнюдь не противоречит теологии... Можно с известным правом сказать, что теология фактически та же поэзия, но относящаяся к богу»²⁶. По мнению многих западных писателей этого времени и даже наиболее «земного» из них Боккаччо, задача поэзии в том, чтобы направить мысли «к божественным вещам». Вряд ли можно отрицать, что бог для Руставели—высшее совершенство и стремление «ввысь» является стремлением всего сущего. При условии признания высшей ценностью божественного, земное может обрести ценность путем утверждения их единства, что давало основание перенесения, говоря несколько упрощенно, ценностных определений с того мира на «этот мир», их распространения на земную действительность. Эта тенденция — сближения двух миров — наметилась уже в средние века, но она нарушала принцип трансцендентности и поэтому направленные к их сближению попытки носили в той или иной мере оттенок пантеизма.

Неоплатонизм (как античный, так и монотеистический) сложился (III—V вв. н. э.) в условиях глубоких идейных противоречий отходящей античности и утверждающегося средневековья. В этих же условиях определилось стремление этого учения примирить принцип трансцендентности, запредельности и совершенства первоначала (бога) с конечностью и несовершенством мира (Целлер, Виндельбанд). Основной вопрос философии стоит тут как отношение противоположностей, и сложность их примирения в пределах рационального открывает пути мистике. Значительный уклон в сторону мистики служит поводом нигилистического отношения к этому учению. Но учение о мистике обусловлено тут не только и не столько идеологическими, но логическими мотивами, в частности сознанием противоположности и недостаточности рационального знания для постижения совершенного (и бесконечного) первоначала. Не говоря о том, что благодаря этой части учения неоплатонизм сыграл немаловажную роль в истории диалектики, следует отметить, что учение в целом далеко не сводится к мистике и основано оно в своей преобладающей части не на предпосылке различия между первоначалом и миром, а на посылке подобия между ними.

Само понятие совершенства первоначала осмыслено в неоплатонизме категориями потенции и акта (возможности и действительности): «актуальность его [первоначала] не отлична от сущности»; «его существование тождественно с его творческой энергией»; существовать для него «значит, что действовать»²⁷. Его абсолютная «переполненность», не вмещающаяся в своих пределах, и переливание через края и есть, по Плотину, причина возникновения сущего, которое представляет собой единство различных по ценности и значению ступеней. Промежуточные между первоначалом и космосом ступени ума и души еще больше подчеркивают смягчение разрыва между ними.

Учение о причинности с еще большей определенностью обосновывает их единство. Первоначало есть «первопричина», «высшая причина» и «всеобщая причина». Положение о причинной зависимости мира от первопричины постулируется учением со всеми вытекающими отсюда последствиями, разработанными обстоятельно Проклом и Петрици. На первой стадии развития действие [следствие] находится в причине, на второй стадии выделяется из причины и обретает свое существование, на третьей—возвращается к причине. Ответ на вопрос об особенностях неоплатонического понимания причинно-следственной связи дается в части учения о второй стадии развития. Отношение следствия к причине (следовательно, мира к первоначалу) — диалектическое, по-

лагающее как тождество и подобие, так и различие. Выделяясь из причины и отличаясь от нее, действие продолжает свое самостоятельное бытие в причине: «Все вызванное причиной и остается в своей причине, и эманурует из нее»²⁸. Или, выражая эту диалектическую мысль словами Петрици, действие есть «тождественное иное» причины²⁹.

Различие, таким образом, не исключает подобия — основы единства всего сущего и участия всего сущего в первоначале.

В системе определений первоначала (бога) особое значение принадлежит благу и прекрасному. Согласно неоплатоникам, первоначало — это благо: «Начало и первейшая причина всего сущего есть благо»³⁰. А по Псевдо-Дионисию, «красота отождествляется с благом». Все сущее, участвующее в боге, тем самым «причастно к красоте и благу»³¹, и мир становится ценным в этическом и эстетическом отношениях.

Мировая душа — третье начало космоса, непосредственно «примыкающее» к нему, — придает миру единство, образует и поддерживает в нем порядок и закономерность. Она же оживляет и одушевляет его, придает красоту и гармонию. В соответствии с основополагающими положениями своего учения Плотин пишет о «грандиозности и красоте» видимой природы, о «всей красоте беспредельных форм бытия», солнца, звезд, неба и всего существующего; о «наслаждении великолепием и красотой» мира, полемизируя, таким образом, с теми, кто «порицает и осуждает этот мир»³².

Идея единства и подобия бога и мира выражена в неоплатонизме с такой определенностью и превалирует в такой степени, что многие исследователи считают это учение пантеизмом (Гегель). Целлер уточняет эту мысль с помощью понятия «динамического пантеизма», получившего наибольшее распространение. Известны в науке и такие определения — эманационный, либо трансцендентный, пантеизм. У Плотина — «мир весь этот есть божество»³³. Прокл придерживается принципа — «все во всем»³⁴. Согласно Псевдо-Дионисию, бог «есть все во всем». Петрици остается на точке зрения Прокла. По одному высказанному в советской науке мнению, неоплатоническое учение об эманации, «т. е. об истечении бога в мир» толкуется как учение, согласно которому «мир оказывается тем же самым богом, но только на известной степени его развития»³⁵.

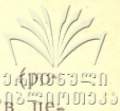
Шалва Хидашели. С древних времен до гуманизма Руставели.

Аксиологическое толкование средневековой культуры и мировоззренческих основ оправдано и с точки зрения применяемых в этой культуре категорий. «Низменное», «ничтожное», «презренное» — ценностные определения. Более того, в условиях тотального господства доктрины теории и различные взгляды на мир сами попадают под сомнения, продиктованные идеологическими соображениями. Что касается неоплатонизма, тут с начала же его зарождения аксиологические категории имеют широкий, мировоззренческий смысл. Согласно Проклу, понятия «достоинство», «превосходящее», «лучшее» и «худшее» — включают все аспекты (т. е. онтологический, этический, эстетический и гносеологический) значения. Петрици, говоря о познании как о переходе от одного разряда (ступени) сущих к высшим, подчеркивает именно их ценностное значение: каждая высшая ступень — лучшая и тут тоже — в онтологическом, этическом, эстетическом и гносеологическом смысле³⁶. Мировая душа сообщает миру, по словам Плотина, как «смысл и красоту», так и «ценность»³⁷.

Руставели — вершина грузинского Ренессанса. В многочисленной литературе о Руставели, разноречивой и нередко противоречивой, установилось, можно сказать, общее мнение, что автор «Витязя в барсовой шкуре» является значительным и ранним представителем гуманизма. Идея утверждения человеком «своего земного существования» выражена в поэме так же впечатляюще, как и возвышенность мира. Отсюда любовь к миру, возведенная поэтом в ранг мудрости (строфа 876); призыв — устоять в жизни даже в состоянии крайнего отчаяния (727); быть твердым в беде, подобно «каменной стене» (875), «не унывать» (785) и т. д.³⁸.

В основе космической гармонии и всеобщей симпатии, объединяющей людей с небесными и земными явлениями, лежит идея единства всего сущего, «синтеза» небесного и земного. Эта же идея придает земному и земному человеческому существованию ценность и значение.

Руставели — прежде всего поэт. Его отношение к действительности — эстетическое, и естественно, что ценность земного и новое понимание человеческого выражено в его поэме преимущественно в эстетических представлениях. Красота, как правило, «созерцаема» (793, 121, 1009) и «видима» (1291). Земная жизнь в целом — «прекрасный сад», в котором «розы вянут и сохнут», но постоянно обновляются в своей красоте. Эпитет красоты применим к самым различным явлениям земного мира, с необычайной широтой его охвата, к городам и строениям, к драгоценно-

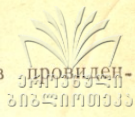
стям, кладам, подаркам, лодношениям. Прекрасны растения (кро- за!), домашние и дикие звери (тигр!) и, конечно, человек в це- лом и в его отдельных свойствах и качествах, его стан, внешний облик, лицо, речь, беседа, поведение, пение, плач; весь аксессуар его внешности: одежда, украшения и т. д.

И тем не менее высшее мерило земной красоты в сокровищнице поэтических сравнений и метафор Руставели — небесные светила и особенно солнце. Значение солнца в эстетическом (и не только в эстетическом) плане выражено у Руставели с такой интенсивностью, что одним из исследователей (З. Авалишвили) вся поэма названа «солнечной». Но значение небесных светил в поэме значительно шире. Обращение героев к светилам подтверждает как их провиденциальную функцию, так и основанную на всеобщей (мировой) симпатии уверенность в исполнении человеческих желаний.

Поэма Руставели давно обратила на себя внимание исследователей своей «афористичностью». Справедливо замечание, что его идеи извлекаются не только «из поэмы в целом», но и из «рассыпанных в изобилии по всей поэме... афоризмов» и что в этом отношении Руставели «стоит на одном из первых мест», начиная от Гомера и кончая «крупнейшими представителями эпической поэзии XVII—XVIII веков»³⁹. Эта особенность говорит о значении нехудожественного обобщения в творчестве Руставели и месте философского, в частности, обобщения. Поэма изобилует воззрениями, на философское происхождение которых указывает сам поэт, или он прямо ссылается на известные имена.

Истоки философских положений Руставели восходят к неоплатонизму и, можно утверждать, к грузинскому неоплатонизму. В поэме встречается апофатическое и катафатическое осмысление бога. Он «непознаваем и невыразим словами» (809); «недоступен слуху» (1250). И вместе с тем, он «полнота всего сущего», и отношение его к миру подобно «солнечному излучению» (917). Заслуживают особого внимания смысловые совпадения со специфически неоплатоническими (ареопагитскими) положениями о тождестве противоположностей в понятии бога, в образах «солнечной ночи» и представлении о «сверхвременном времени» в поэме «Витязь...». Неоплатонического (непосредственно от Петрици) происхождения представления Руставели о ступенчатом строе сущего. В неоплатонизме находит обоснование идея

космической гармонии и всеобщей симпатии, вера в провиденциальное значение небесных светил.

На истоки своего учения о добре Руставели указывает с определенностью, исключаяющей всякие попытки искать решение вопроса в других направлениях. «Тайну» добра и зла раскрывает — по словам Руставели — «мудрый Дионисий», согласно которому, «бог являет добро и не порождает зла» (1492). Идея субстанциональности добра и небытийности зла разработана с наибольшей последовательностью Проклом. От него она перешла к Псевдо-Дионисию, затем к Петрици и Руставели. Благо — согласно этому учению — вечное, субстанциональное начало; зло — явление лишь временное и преходящее. Этот взгляд становится теоретической основой замечательной гуманистической идеи победы добра над злом, которая нашла в поэме Руставели глубокое философское осмысление и великолепное художественное воплощение: «Добро победило зло, [так как] сущность его [добра] долговечна» (1361, 1492), а зло — нечто «небытийное» (1509) и «мимолетное» (1361, 1492).

Мы указывали выше, что идейное развитие в Грузии, направленное к «восстановлению веры в наш мир» и к «открытию Земли», отражает общую закономерность культурно-исторического процесса в условиях средневековья как в мировоззренческом, широком понимании этого слова, так и в философском смысле. Были приведены мнения о грузинском Ренессансе и об идейной связи гуманизма с неоплатонизмом. В этом отношении Руставели приобретает особое значение. «Витязь в барсовой шкуре» относится к немногочисленным памятникам, сочетающим художественное обобщение с философским, в частности ренессансный гуманизм с неоплатонизмом, подтверждая этим их идейную близость⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва, 1978, с. 37.
- ² Гулыга А. В. Искусство истории, Москва, 1980, с. 46.
- ³ Там же, с. 280.
- ⁴ Гегель, Сочинения. Москва, 1935, т. XI, с. 112.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения. Москва, 1956, т. 1, с. 6.
- ⁷ Герцен А. Избранные философские произведения. Москва, 1948, т. I, с. 230.
- ⁸ История философии. Москва, 1940, т. II, с. 22.
- ⁹ Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Петербург, 1911, т. VII, с. X.
- ¹⁰ Джавахишвили И. Древнегрузинская историческая литература, Тбилиси, 1945, с. 116. На груз. яз.
- ¹¹ Чубинашвили Г. Крест 973 года, Бюллетень Музея Грузии, Тбилиси, 1931, т. VI, с. 308.
- ¹² Амиранашвили Ш. Бека Опизари. Тбилиси, 1956, с. 29.
- ¹³ Гулыга А. В. Искусство истории. Москва, 1980, с. 280.
- ¹⁴ Василий Великий. Творения. Москва, 1872, т. II, с. 230.
- ¹⁵ Агафий Миринеийский. О царствовании Юстиниана. Москва, 1953, с. 78.
- ¹⁶ Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Петербург, 1911, т. VII, с. 123.
- ¹⁷ Марр Н. Древнегрузинские описцы. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Петербург, 1902, т. IV, с. 49.
- ¹⁸ «Висрамиани», пер. С. Иорданишвили. Тбилиси, 1949, с. 99.
- ¹⁹ Там же, с. 101. «Висрамиани» — прозаический перевод с персидского произведения «Вис о Рамин» (ок. 1035 г.). По сюжету он «поразительно сходен» с известным средневековым европейским романом «Тристан и Изольда». Грузинский перевод, кроме того что отличается высокой художественностью, вполне соответствует имеющим место мировоззренческим изменениям. По распространенному в науке мне-

нию персидский «Вис о Рамин» остался «без преувеличенности» (Краткая история литературы Ирана, Афганистана и Турции; курс лекций, отв. редактор А. Н. Болдырев. Ленинград, 1971, с. 36) и не имел широкого отклика. Наоборот, в Грузии это произведение нашло самое широкое распространение.

²⁰ Нуцубидзе Ш. Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947, с. 244.

²¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва, 1978, с. с. 95, 96, 105.

²² Предпочтительнее пользоваться «доктриной», чем «христианским учением», которое, в своем первоначальном смысле, отражающем интересы «бедных», страждущих, рабов и отверженных» (Фр. Энгельс), отличалось от постановлений вселенских соборов и поздних учений, выражаясь словами Рановича, как «небо от земли». Нагорная, в частности, проповедь о любви к ближнему может быть отнесена к числу «вечных общечеловеческих ценностей», о которых говорится в ответах Эд. Шеварднадзе корреспонденту «Московских Новостей» (№ 31, 1981), и ближе в своей непосредственности к гуманизму, чем учение доктрины о любви во Христе.

²³ Хидашели Ш. Соотношение предмета философии и ее истории, «Вопросы философии». Москва, 1968, № 6, с. 124.

²⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. Москва, 1978, с. 97.

²⁵ Там же, с. 33.

²⁶ Гильберт Катрин, Кун Гельмут. История эстетики. Москва, 1960, с. 188.

²⁷ Плотин, Эннеады. VI, 8, 4; VI, 8, 20. Ср. у Николая Кузанского: «В боге потенция и акт тождественны». (Избранные философские сочинения, Москва, 1937, с. 294); у Джордано Бруно: в первоначале «действительность и возможность одно и то же»; «оно есть все то, что есть и что может быть» (Диалоги. Москва, 1949, с. 242).

²⁸ Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1972, с. 45. (Разъясняя и развивая положение Прокла, Петрици пишет: «Подобие удерживает действие в причине... неподобие—отличает действие (от нее)». См. Петрици, Труды, Тбилиси 1937, т. II, с. 80, на груз. яз.

²⁹ Петрици. Труды, Тбилиси, 1937, т. II, с. 87, на груз. яз.

³⁰ Прокл. Первоосновы теологии. Тбилиси, 1978, с. 34.

³¹ Псевдо-Дионисий Ареопагит. О божественных именах. Буэнос-Айрес, 1957, пер. Эйкаловича. Глава IV, § 6.

³² Плотин. Эннеады, I, 1, 2; V, 8, 8.

³³ Там же. V, 1, 2.

³⁴ Прокл. Первоосновы теологии, с. 72.

³⁵ Псевдо-Дионисий Ареопагит. Ук. в прим. 31 сочинения. Гл. 7, § 3. Ср. у Николая Кузанского: «Бог во всех вещах, как все они в боге» (ук. в прим. 27 соч., с. 7): Бог — это *deus implicitus*, мир — *deus explicitus*; у Бруно: вселенная «охватывает все»; «все вещи находятся во вселенной и вселенная — во всех вещах» (Диалоги. Москва, 1949, с.с. 275, 278). Кузанский справедливо считает, что «одинаково сказать: «любое есть в любом», или сказать «бог через все — во всем», или «всё через всё — в боге» (там же, с. 74).

³⁶ Петрици. Труды. Тбилиси, 1937, т. II, с. 7—8, на груз. яз.

³⁷ Плотин. Эннеады. V, 1, 2.

³⁸ Цитаты приведены в переводе автора по грузинскому изданию 1981 года.

³⁹ Луппол И. К. Образы и идеи Руставели, «Литературные этюды», 1940. Цитирую по книге «Деятели русской культуры о Шота Руставели», Тбилиси, 1966, с. 41.

⁴⁰ Ср. Хидашели Ш. Основные особенности гуманизма и творчество Руставели. «Вопросы философии», Москва, 1981, № 6, с. 141.

Евгений ЭПШТЕЙН

ПРИЗВАНИЕ — ПЕДАГОГИКА

СПРОСИТЕ любого ученика музыкальной школы, нравится ли ему упражнение и гаммы, и в ответ вы получите, в лучшем случае, скептическую усмешку. А вот юным тбилиским скрипачам, воспитанникам профессора Луарсаба Сеитовича Яшвили, определенно нравится, и говорят они это искренне, без тени рисовки.

Мальчик лет шести, ученик скрипичного класса, стоит на стуле и увлеченно и старательно водит смычком по пустым струнам. Можно ли не увлечься, если стул — это сцена, а упражнение — концертный номер. Л. С. Яшвили аккомпанирует на рояле таким красивым грузинским многоголосием, что юному ученику невольно хочется так же красиво вести и свой скрипичный голос. Он, как волшебник, превращает гамму то в зажигательную «Лезгинку», то в протяжную «Оровелу». Время от времени педагог встает из-за рояля и обходит вокруг стула, точно скульптор, внимательно рассматривающий свое творение: как стоит ученик, на какой ноге опора, как держит скрипку, как водит правую руку, ведущую смычок. В музыке все должно быть прекрасно — и звучание и осанка...

В этом и заключается один из педагогических принципов профессора Л. С. Яшвили: превратить урок в процесс активного творчества, где постижение основ профессионализма находится в неразрывном единстве с артистизмом.

Ученика нужно заинтересовать, увлечь — эта старая педагогическая истина известна всем музыкантам, но, увы, далеко не всем удается осуществить ее на практике: сколько юных дарований так и не состоялись музыкантами именно из-за того, что педагоги не сумели подобрать ключ к преодолению неприятия сухости первоначального, самого трудного, периода обучения.

Педагогика — тоже призвание. У Л. С. Яшвили оно наследственное, так же как и любовь к музыке. Его отец был учителем географии и естествознания, пел в Одессе, в студенческом хоре под руководством М. Баланчивадзе, а также играл на тубе. Мать тоже пела и даже была регентом хора в женском институте. Маленький Луарсаб учился в Тбилисской грузинской гимназии, где скрипку преподавал известный музыкант-скрипач

Луарсаб Сеитович Яшвили с дочерьми — Иринэ, Маринэ и Наной

и композитор А. Карашвили, а хор вел З. Палиашвили. Позднее, уже в училище и в консерватории, его учителями были Фишберг, Меренблюм, профессор Вильшау. Нелегко приходилось Луарсабу: одновременно с музыкой он по требованию отца посещал лекции на экономическом факультете университета. Окончив оба вуза, Яшвили избрал своей профессией музыку и решил продолжать образование в аспирантуре Ленинградской консерватории по классу альта.

Ленинградский период в биографии Л. С. Яшвили — это период накопления профессионального исполнительского мастерства. Он занимался в классе замечательного музыканта и педагога проф. А. Г. Сосина и играл в ленинградском симфоническом оркестре с такими выдающимися дирижерами, как Ф. Штидри, К. Ансерме, А. Коудс, А. Гаук и др. Эта школа сослужила ему хорошую службу по возвращении в Тбилиси: Л. Яшвили был концертмейстером группы альтов в оркестре Е. Микеладзе, выступал на радио в качестве солиста, в течение пятнадцати лет являлся бессменным участником первого государственного квартета Грузии и... увлеченно преподавал. Он стал создателем альтового класса в Тбилисской консерватории, с первых же шагов сформулировав свой главный педагогический принцип, которому верно следует вот уже более 40 лет: не может быть единого метода в занятиях с разными учениками. Педагог должен учитывать индивидуальные особенности ученика и помогать ему раскрыть эти особенности ярко и всесторонне. Чем разнообразнее будут артистические индивидуальности, взращенные педагогом, тем достойнее его труд. Общим может быть и должно быть одно — высокий уровень профессионализма. Кто-то из музыкантов метко назвал Л. С. Яшвили «грузинским Столярским». С прославленным одесситом тбилисец роднит умение отыскивать и пестовать таланты. Его педагогическая система подарила немало исполнительских имен. Из учеников Л. С. Яшвили можно назвать немало замечательных музыкантов-исполнителей и педагогов.

Обычно музыканты без особого энтузиазма занимаются с собственными детьми. Вклад Л. С. Яшвили в этом смысле уникален: Луарсаб Сентович воспитал трех дочерей-скрипачек, дав им солидную профессиональную подготовку, которая помогла им впоследствии стать под руководством выдающихся советских музыкантов К. Мостраса и Л. Когана победителями многочисленных конкурсов.

Итак, семья для Л. С. Яшвили стала творческой лабораторией, в которой оттачивались элементы его педагогической си-

стемы. Три дочери, три разных характера, со своим отношением к музыке, со своим восприятием ее. И, следовательно, разные педагогические методы при общности конечной цели — воспитать музыканта. Первой на концертную стезю ступила Маринэ. Ей было шесть лет, когда она впервые взяла в руки скрипку. В восемь лет она сыграла приехавшему на гастроли выдающемуся скрипачу профессору М. Полякину гаммы Флеша и разные этюды и пьесы. «Так чисто в СССР играет только Ойстрах. Я не занимаюсь с маленькими, но эту девочку возьму — у нее отличные данные и подготовка!» — воскликнул тогда проф. Полякин, но смерть помешала ему осуществить это намерение. В десятилетнем возрасте Маринэ дала свой первый сольный концерт. В этом же году Маринэ удостоилась похвалы Давида Ойстраха: «Юная скрипачка обладает прекрасными виртуозными способностями, ярким артистическим темпераментом». Двенадцатилетняя Маринэ много выступала во время войны в военных частях и госпиталях. В одном из концертов ей аккомпанировал известный дирижер Н. С. Голованов. В семнадцать лет студентка Тбилисской консерватории Маринэ Яшвили становится лауреатом международного конкурса имени Яна Кубелика. Это был большой успех педагогической системы профессора Яшвили, с теоретическим обоснованием которой несколько раньше он выступил на ученом совете Московской консерватории. Профессор К. Мострас писал тогда: «Зная процесс педагогической работы от начального звена до завершения музыкального образования, что подтверждается наличием нескольких выпускников, студентов его класса, он обоснованно излагает методы обучения скрипача и альтиста в своей работе (основные положения педагогической системы). С общей постановкой этого сложного вопроса и высказанными автором соображениями музыкального и педагогического характера я совершенно согласен и считаю, что они в полной мере соответствуют передовым методическим воззрениям»...

Сегодня народная артистка ГССР, профессор Маринэ Луарсабона Яшвили сама ведет большую педагогическую работу в Московской консерватории, во многом развивая и совершенствуя принципы своего отца.

Излагая свою систему обучения, Л. Яшвили писал: «Основной задачей педагога является выявление лучших качеств звука на скрипке, того красивого, полного и певучего звука, который служит главнейшим средством музыкальной выразительности скрипача».

Природная музыкальность второй дочери — Ирине ярко раскрылась в раннем детстве. «Вы дали ей превосходную постановку»

ку, направление, эластичную кисть правой руки и исключила всякое напряжение в ее игре, — писал Л. Яшвили К. Г. Мострас. — Поздравляю Вас с очередным блестящим достижением!

На Всесоюзном фестивале в Москве четырнадцатилетняя Иринэ произвела своей игрой отличное впечатление, заслужив похвалу Д. Ойстраха и Д. Цыганова, отметивших подлинно виртуозное владение инструментом, его необычайно певучий, ровный и свободный звук. В 1960 году Иринэ стала лауреатом первой премии первого Закавказского конкурса исполнителей. Ныне заслуженная артистка СССР Иринэ Яшвили — доцент Тбилисской консерватории и солистка филармонии.

А на подходе была уже третья дочь — Нана. Ее биография в точности повторяет путь старших сестер: в шесть лет — первый скрипичный урок, в десять — первый самостоятельный концерт, в пятнадцать — первая премия на II Закавказском конкурсе. Неустанный труд под требовательным оком педагога-отца завершился блестящим поступлением в Московскую консерваторию, к профессору Л. Когану, и в семнадцать лет — победой на международном конкурсе имени Жака Тибо в Париже. (I-я премия и приз за лучшее исполнение «Цыганки» Равеля). В 1961 году Тбилиси посетил профессор королевской консерватории в Брюсселе Андре Гертлер. Он слышал игру сестер Яшвили и, уезжая, оставил такую запись: «Я совершенно очарован знакомством и игрой Марины, Ирины и Наны Яшвили. Это почти единственный случай, чтобы три сестры были наделены таким исключительным талантом. Несмотря на то, что игра трех скрипачек очень различна по своему характеру, благодаря особенностям их индивидуальностей, общее в их исполнении — это замечательная школа, которую они прошли. Я счастлив, что имею случай выразить свое восхищение замечательному педагогу, моему коллеге профессору Луарсабу Яшвили». Через четыре года профессор Гертлер пригласил Луарсаба Яшвили и Нану в Бруклин, где проходила «скрипичная неделя». На этот музыкальный симпозиум съехались педагоги со своими воспитанниками из многих стран мира. Педагоги выступали с докладами, с консультациями, давали открытые уроки, их ученики музицировали, демонстрируя на практике теоретические положения своих наставников. Целиком сольный концерт был предложен лишь Нане Яшвили — он прошел с громадным успехом. После концерта профессор Гертлер писал: «Мне доставило большое удовольствие снова, после четырех лет, услышать Нану Яшвили. Маленькая девочка, которую я знал в Тбилиси, с ее возможностями и талантом превратилась теперь в замечательную скрипачку, молодую артистку с самым блестящим

будущим. Я с большой радостью констатирую этот факт, так как бесконечно ценю школу, которую она прошла. Эта замечательная школа безусловно повлияла на такой быстрый и убеждающий расцвет ее таланта».

Сегодня Нана Яшвили, заслуженная артистка ГССР, одна из ведущих солисток Московской государственной филармонии.

Жизнь профессора Яшвили — это не только занятия с учениками, это и консультации в музыкальных школах и училищах, и лекции по методике в консерваториях нашей страны и за рубежом (Л. С. Яшвили в течение ряда лет преподавал в Каирской консерватории, а в 1978 году был приглашен на консультации и лекции по методике в Югославию), и активная журналистская работа в различных периодических изданиях. Луарсаба Сеитовича волнует все, что связано с музыкальной жизнью: воспитание юных музыкантов, подготовка педагогических кадров, методика обучения в консерватории, посещаемость филармонических концертов. И по всем проблемам он выступает убежденно, бескомпромиссно.

В 1961 году Л. Яшвили был удостоен звания заслуженного деятеля искусств. Оно очень точно отражает его творческую сущность. Каждый год в его классе приходят новые ученики (наверно, в этом обновлении секрет его непреходящей молодости) и с первых же минут попадают под его властное обаяние: его стройная горделивая осанка заставляет их подтягиваться, его увлеченность побуждает неустанно работать.

ПЕВЦУ РЕВОЛЮЦИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЛЕТОМ нынешнего года наша страна широко отметит 90-летие со дня рождения пламенного певца революции Владимира Маяковского. Грузия — родина поэта — с особой любовью готовится к этой дате. Создана республиканская комиссия по проведению юбилейных торжеств под председательством секретаря ЦК КП Грузии Г. Енукидзе.

Состоялось первое заседание комиссии.

С информацией о подготовке к юбилею выступил ведущий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

На заседании выступили председатель правления Союза писателей Грузии Н. Думбадзе, секретарь Кутаисского горкома партии Н. Какауридзе, первый секретарь Маяковского райкома КП Грузии Г. Нозадзе, секретарь правления Союза писателей республики Р. Мимиошвили, председатель Комитета по Государственным премиям при Совете Министров Грузии Г. Абашидзе, председатель Госкино Грузинской ССР А. Двалишвили, заместитель председателя Госкомиздата Грузии А. Брегадзе, первый заместитель председателя Госкомитета по телевидению и радиовещанию Грузии А. Сანблidge, главный редактор журнала «Литературная Грузия» Т. Буачидзе и другие.

Принято решение юбилейные торжества, посвященные 90-летию со дня рождения Владимира Маяковского, провести в Грузии с 11 по 13 июля.

Будет проведена объединенная юбилейная научная сессия Союза писателей, Тбилисского государственного университета и Института истории грузинской литературы имени Шота Руставели Академии наук республики.

11 июля в Тбилисском академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоится юбилейный вечер.

В Литературном музее Грузии имени Г. Леонидзе будет развернута экспозиция, которая познакомит с жизнью и деятельностью В. Маяковского. Затем торжества продолжатся на родине поэта — в Маяковски. Здесь состоится народный праздник. В доме-музее поэта откроется новая экспозиция.

Торжества завершатся в Кутаиси, где будет открыт памятник Владимиру Маяковскому.

ПЕРВЫЕ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМЕНИ ШИО МГВИМЕЛИ

РЕШЕНИЕМ ЦК Компартии Грузии и Совета Министров республики отныне ежегодно к Всесоюзной неделе детской книги за особые заслуги в развитии грузинской детской литературы будет присуждаться

ся премия имени Шио Мгвимели.

Президиум правления Союза писателей Грузии под председательством Н. Думбадзе наградили премией имени Шио Мгвимели писателей Родиона Коркия, Георгия Нахуцришвили и Кетеван Кучукашвили.

Учреждение премии имени Шио Мгвимели — еще одно свидетельство постоянной заботы нашей партии и правительства о дальнейшем подъеме родной культуры.

«ЛИТЕРАТУРА ГДР 60—70-х ГОДОВ»

ТАКОВА тема объединенной научной конференции Тбилисского государственного университета и Йенского университета имени Фридриха Шиллера, которая прошла в столице Грузии.

Нынешняя встреча ученых-литераторов прошла в рамках договора о дружбе и сотрудничестве между ТГУ и Йенским университетом имени Ф. Шиллера.

В Тбилиси прибыла большая группа ученых из научных центров ГДР — Берлина, Йены, Лейпцига, Ростока, а также ученые из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны. Среди участников конференции были профессор И. Пишель, Х. Рихтер, М. Фрадкин, Г. Знаменский, Д. Затонский и другие.

Доклады ученых ГДР и Советского Союза были посвящены творчеству писателей Анны Зегерс, Эрвина Штриматтера, Ульриха Пленцдорфа, Кристофа Хайна и других.

В течение трех дней были обсуждены вопросы, посвященные проблемам прозы, драматургии, лирики, а также

проблемам перевода произведений немецких писателей на грузинский язык.

Конференция в Тбилиси явилась очередным этапом совместной разработки важных проблем современного литературоведения.

Тесное сотрудничество между учеными двух стран продолжится и в будущем.

Предполагается публикация материалов нынешней конференции, которая рассматривается как одна из составных частей намеченного широкого комплекса исследовательских работ.

ОТКРОВЕННЫЙ ДИАЛОГ

В БОЛЬШОМ концертном зале Грузинской государственной филармонии состоялся литературный вечер — встреча известного грузинского писателя, лауреата Государственной премии имени Ш. Руставели и премии комсомола Грузии Гурама Панджикидзе с читателями.

Диалог с читателем, откровенный и глубокий, стал волнующим событием в жизни и самого писателя, и почитателем его таланта.

Форма встречи — вопросы и ответы — позволила затронуть множество актуальных проблем современного литературного процесса, журналистики, социологии.

Авторов записок интересовали взгляды писателя на многие вопросы, связанные с развитием литературы и языка, народного хозяйства и науки.

В конце вечера выступил редактор журнала «Нианги» Заур Болквадзе.

Весь сбор от вечера был перечислен в фонд охраны

памятников грузинской культуры.

ВЫСОКАЯ НАГРАДА РОДИНЫ

В КАНУН юбилея нашей страны газета Союза писателей Грузии «Литერатурули Сакартвелო» за заслуги в развитии советской литературы и активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся была награждена орденом Дружбы народов.

1 апреля в Союзе писателей Грузии состоялось торжественное собрание, посвященное вручению коллективу редакции высокой награды Родины.

Собрание открыл председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе.

Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР П. Гиладшвили сердечно поздравил коллектив с наградой, пожелал новых творческих успехов во славу грузинской литературы и искусства, в воспитании молодой литературной сцены в духе

подлинного патриотизма и интернационализма.

Под бурные аплодисменты собравшихся тов. П. Гиладшвили прикрепил к знамени газеты орден Дружбы народов и вручил группе работников редакции грамоты о присвоении почетных званий заслуженного журналиста Грузинской ССР и заслуженного работника культуры республики.

Главный редактор газеты «Литературули Сакартвело» писатель В. Челидзе горячо поблагодарил партию и правительство за высокую оценку труда коллектива.

На торжественном собрании также выступили председатель правления Союза журналистов Грузии, редактор газеты «Комунисти» Г. Бединешвили, главные редакторы журналов «Мнатоби» и «Цискари» А. Сулакаури и Д. Гвинджилия, директор Государственного литературного музея Грузии имени Г. Леонидзе Г. Натрошвили.

На торжественном собрании присутствовал заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

На 1-й стр. обложки—скульптура Л. С. Мамаладзе «Полет мысли».

Сдано в набор 21.II.83 г. Подписано к печати 12.IV.83 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 01209.. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11, 9,7. Уч-изд. л. 9,4. Тираж 8600 экз. Заказ № 511. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

5 к

6 118/87

ИНДЕКС 76117

304.0000000
303.0000000

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
1987 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

